

Дмитрий

Щербинин

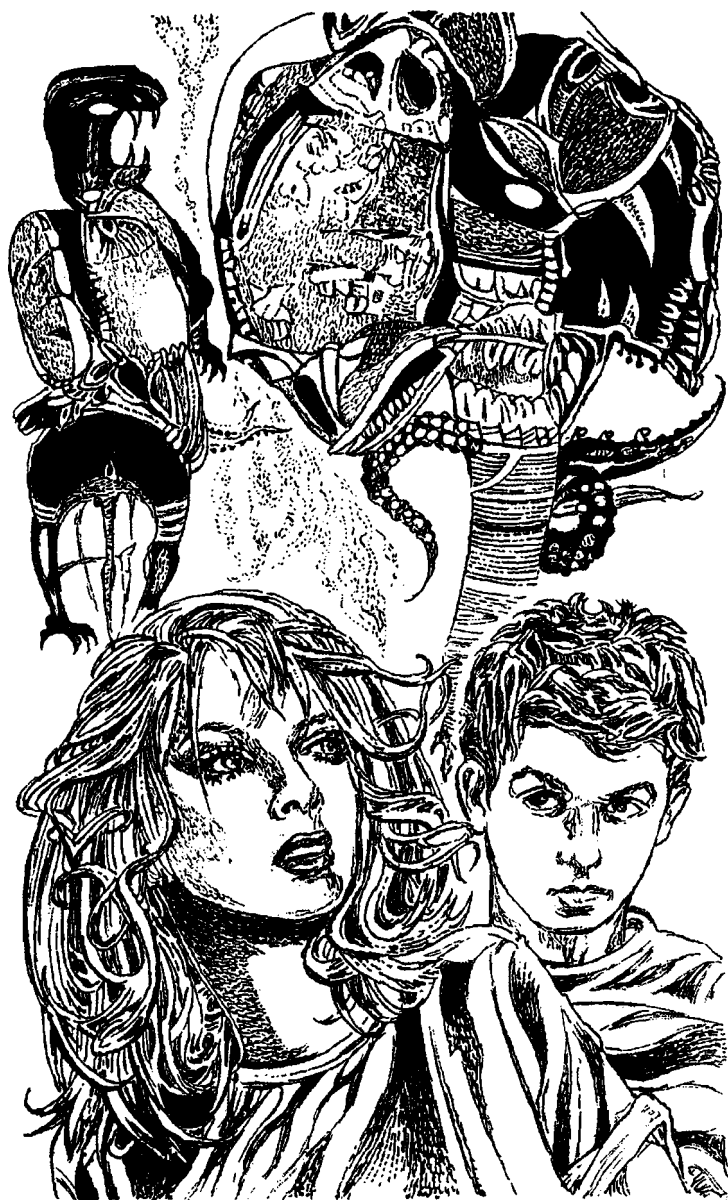
СТРАШУЛКИ



ДВА
Призрака

СКМО





СТРАШУШКИ



Амитрий Щербинин

ДВА Призрака

Москва

ЭКСМО

2005

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Щ 64

Оформление серии художника *В. Щербакова*

Серия основана в 2000 году

Щербинин Д.

Щ 64 Два Призрака. Куклы черного мага: Повести. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 192 с., ил. — (Страшилки).

ISBN 5-699-09552-7

Никаких особых надежд не возлагал Юра на летние каникулы — они обещали быть такими скучными, однообразными! Однако все изменилось после того, как мальчик обнаружил в лесу... жуткий камень, в котором хранилась сила дьявольского призрака. Этот призрак рвался в наш мир, а потому вселился в мальчишку — и вот уже Юрка воет, рычит, как хищный зверь, он теперь ужасен и опасен... Кто поможет ему избавиться от злого наваждения? Наверное, только одноклассница Уля, которая случайно увязалась за ним в лес. А может быть, еще и таинственная лесная колокольня, возведенная когда-то тем, кто теперь тоже стал призраком...

**УДК 82-3-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 5-699-09552-7

© ООО «Издательство «Эксмо», 2005



ДВА ПРИЗРАКА

ПОВЕСТЬ



Глава I

МЕРТВЫЙ ДОМ

У двенадцатилетнего Юры начались летние каникулы. Уже несколько раз ходил он вместе с друзьями купаться на речку и на шашлыки в лес. Но вот после нескольких жарких, солнечных дней небо затянуло тучами, пошел несильный, но затяжной дождь. И мальчик заскучал...

С одной стороны, дома делать нечего, а с другой — и на улице особо не разгуляешься: Можно, конечно, побродить с зонтиком, но Юра не любил гулять под дождем.

— Чего сидишь, скучаешь? — спросил как-то Юру его старший брат Коля, который был студентом и после недавней успешной сессии теперь подрабатывал.

— Заняться нечем. Скорее бы дождь кончился, — печально вздохнул мальчик.

— А хочешь посмотреть на страшный дом?

— Какой еще страшный дом? С привидения-



ми? — хмыкнул Юра. — Имей в виду: я уже не маленький и в привидения не верю.

— А я, по-моему, ничего о них и не говорил! — возмутился Коля. — Но дом действительно жуткий. Ты уж поверь мне.

— Что же это за дом такой? — заинтересовался Юра.

— В котором я сейчас работаю, — ответил старший брат. — Представляешь: огромный особняк, а жил в нем всего один человек. Он давно умер, но у него ни наследников, ни родственников... И никакого завещания он не оставил. Так что, получается, здание переходит в собственность государства. Помимо прочего, нашли там огромнейшую библиотеку. Вот я эти книги и переписываю. Так поверишь ли: постоянно чувствую, что кто-то за мной следит. И взгляд такой жуткий, леденящий. Иногда у меня аж волосы на затылке дыбом встают. Но и это еще не все: ведь здание действительно огромное, есть там и потайные проходы, и подземные уровни. Но до сих пор плана его не составили...

Юра внимательно слушал своего старшего брата.

— Я про этот дом кое-что знаю, — сказал мальчик, — говорят, в нем бесследно исчезают люди. Как-то отправился на подземные уровни один составитель карт. И исчез. Сколько его потом ни искали, так никого и не нашли. Про это в газете заметка была.

— Да. И после того случая перекрыли проход на нижние уровни. Говорили, что приедет группа профессиональных ученых-исследователей, но так никто и не приехал. В общем, Юрка, раз ты так скучаешь, могу тебя взять с собой. Но только пообещай мне: из тех помещений, где книги хранятся, — ни на шаг.

— Обещаю, обещаю, — радостно закивал Юра.



Тот дом, в котором работал Коля, стоял за городской чертой. От проезжей дороги требовалось пройти еще сотню метров, прежде чем из окружения старых кривых вязов и ясеней появлялась высокая, изогнутая во многих местах решетка, а за ней и дом.

Ворота были приоткрыты. В будке со скуки резались в карты охранники и не обращали никакого внимания на входящих.

Дом действительно был устрашающий и даже жуткий. Раньше Юра ни за что бы не поверил, что в старые времена возводили такие высокие строения.

В здании было много этажей, но все они располагались как-то неестественно криво, словно наплывая друг на друга. Вообще особняк поражал своей несимметричностью: казалось, что его слепили из разных кусков. Но в то же время строение представлялось единым организмом, некой хитроумной головоломкой.

Юра попытался было сосчитать, сколько в здании этажей, но быстро сбился. Когда он глядел на черные различающиеся в размерах окна, на трещины и пятна, которые в огромном количестве покрывали стены, ему начинали мерещиться премерзкие, чудовищные физиономии. Но и это еще не все: чем дальше мальчик считал, тем отчетливее все эти физиономии складывались в некий нечеловеческий, поражающий своим уродством лик.

У Юры закружилась голова, заломило в висках, а в глазах потемнело. Тут Коля встряхнул его за плечо и проговорил:

— Не советую тебе подолгу смотреть на это зда-



ние, а тем более пересчитывать этажи. Я уже пытался: результат один — кружится голова.

— Бр-рр... — сказал Юра и посмотрел в сторону ворот.

— Ну что, тебе уже страшно? — поинтересовался Коля.

— Да. По-настоящему страшно, — ответил мальчик.

— Так, может, домой пойдешь?

— Да ты что?! Конечно, нет. Лучше скажи: хоть кто-нибудь пересчитал, сколько здесь этажей?

— Представь себе: ни у кого это не получилось. У всех начинала болеть и кружиться голова. И все видели одно и то же — жуткий лик...

При этих словах Юра вздрогнул и прошептал:

— Так, значит, мне не померещилось...

— Ну, так вот, — продолжал Коля. — Все-таки надо было заносить в документы количество этажей, и сговорились написать, что их двенадцать. Но по какому-то досадному недоразумению, которое, кстати, никто так и не смог объяснить, записали на один больше — тринадцать.

— Чертова дюжина, — мрачно проговорил Юра и тут же задал вопрос: — А что, изнутри здания не могли посчитать? Ведь это так просто: поднимаешься по лестнице и считаешь.

— Если б, — ответил старший брат. — Там множество лестниц. Но далеко не все поднимаются на самый верх. По некоторым можно подняться на пятнадцать этажей и вдруг оказаться на третьем. Или еще того хуже — лестничные подъемы упираются в тупики, но над ними явно есть еще коридоры и перекрытия. В общем, скажи мне, что здесь тысяча этажей, я этому не удивлюсь...



— Но это же научная загадка, — проговорил Юра.

— Вот именно. Ученые разводят руками и не могут ничего объяснить...

По широкой, выбитой из черного гранита лестнице братья поднялись на крыльцо. Перед ними на постаменте сидели два устрашающих демона с такими злобными, клыкастыми мордами, что у Юры от взгляда на них похолодела спина.

И хотя демоны были высечены из черного камня и были сильно разрушены временем, они все равно казались живыми. Из их выпученных темных глазниц ледяными волнами исходила ненависть, а мускулистые тела словно бы изготовились к прыжку.

— Каждый раз, когда здесь прохожу, — заметил Коля, — такое чувство, будто эти твари набросятся на меня и разорвут в клочья. Поверишь ли, однажды даже не выдержал — бросился бежать.

— Я тебя понимаю, — с дрожью в голосе промолвил Юра. — Это не простой камень.

— Ну, ладно. Мы, в общем, пришли.

* * *

Братья перешагнули порог и оказались в просторной прихожей, которая поражала несоразмерностью форм. Массивные и грязные, темно-багровые портьеры ниспадали на окна и шевелились, несмотря на то, что, казалось бы, все закрыто и никакого ветра не было. По меньшей мере дюжина лестничных проемов, из которых далеко не все вели вверх, бросились в глаза Юре. На стенах висели полотна, но что на них изображено, мальчик так и не понял, настолько все они были темны.



— Не смотри на картины, — предупредил Юру старший брат.

— Почему?

— Потому что, если долго смотреть, то увидишь такие страшные лица, что потом заснуть не сможешь.

Юра кивнул, но все же краешком глаза успел заметить внутри одного из полотен медленно ворочающийся чей-то образ. Мальчик испуганно сглотнул и отвернулся...

Коля повел Юру по самой широкой лестнице. На ступеньках лежал ковер, который можно было бы назвать красивым, если бы не покрывавшие его темные пятна, которые вполне могли сойти за пятна сохшейся крови...

Наконец они вошли в библиотеку. Из первой залы вело несколько проходов в другие помещения. Вдоль каждой стены стояли книжные стеллажи высотой до самого потолка, то есть по семь-восемь метров.

— Ничего себе! — присвистнул Юра. — Сколько же здесь книг?..

— Еще и тысячной части не учтено, — ответил Коля. — Вон, видишь, мое рабочее место...

И Коля кивнул на широкий стол, где был установлен компьютер.

— Представь себе: работаю здесь один. Почему, спросишь? Потому что люди сторонятся этого дома, он их пугает...

— А тебя разве не пугает? — спросил Юра.

— Конечно, пугает. Я же тебе говорил, что постоянно чувствую здесь чье-то присутствие. Но надо преодолевать собственные страхи, не так ли?



— Возможно. А сейчас этот некто тоже здесь? — поинтересовался Юра.

— Нет... — рассеянно проговорил Коля. — Так, ладно, я начинаю работать, а ты можешь посмотреть библиотеку. Но повторяю: ни в коем случае из нее не уходить.

— Хорошо. Обещаю.

— Замечательно. А если случайно нажмешь на какой-нибудь рычажок и откроется тайный ход, что ты будешь делать?

— Сразу побегу к тебе и обо всем расскажу.

— Умница. И ни в коем случае, ни одной ногой в этот потайной ход не суйся. Потому что там может быть... нет, даже наверняка там есть ловушка. Тебя сожмет, или разорвет, или проколет, или ты встретишься с призраком, а это страшнее всего.

Юра кивал и почти на каждое Колино слово говорил «угу», тогда как самому ужасно хотелось увидеть потайной ход, забраться в него и найти клад.

Для начала Юра прошел в соседнюю залу и остановился у одного из стеллажей.

«Здесь, наверное, все переписано, — подумал Юра, — пройду-ка я в самую дальнюю залу, где книги еще не проверялись. Там наверняка есть что-нибудь интересное».

Но так как библиотека представляла собой такой же противоестественный, вывернутый и искривленный лабиринт, как и все здание, пройти из одной залы в другую было не так-то просто. Так, из одной двери было аж шесть лестничных пролетов, ведущих вниз, и каждый из них выводил в отдельную, переполненную книгами комнату.

Сначала Юра шел очень быстро, почти бежал, не считая ни комнат, ни поворотов. Он был уверен,



что не заблудится. А потом остановился и прислушался. Было очень тихо. Но рядом ощущалось чье-то присутствие.

Холодок пробежал по коже мальчика. Он резко обернулся, но увидел за спиной только несколько ведущих в соседние залы проходов, в которых виднелись бесчисленные книжные стеллажи. Тем не менее чувство того, что за ним наблюдают, не прошло.

— Кто здесь? — позвал шепотом Юра, а потом выкрикнул громче: — Кто здесь?!

И тут же подумал: «Что я такие глупости кричу? На что, интересно, надеюсь? На то, что выйдет призрак и скажет: «Здравствуйте, это я за вами слежу».

Эти мысли показались Юре настолько забавными, что он даже улыбнулся. И, словно в ответ на его дерзкую, не подобающую мрачному месту улыбку, вдруг раздался резкий, неприятный звук. Юра вздрогнул, метнул стремительный взгляд по сторонам и увидел в углу, в тени стеллажей, висящее полотно, такое же, какие висели и при входе в здание. И вновь краем глаза Юра заметил, что в полотне что-то движется.

Юре стало так жутко, что он, не помня себя, крикнул что было мочи:

— Коля!

Крик эхом заметался среди стен и, дробясь в бессчетных книжных переходах, постепенно стих.

На мгновение Юре показалось, будто он услышал голос брата.

Мальчик успокоился и произнес вслух:

— А чего я, собственно, испугался? Привидения? Злого духа? Ну, во-первых, я в библиотеке, которую почти всю исследовали. А во-вторых, если



здесь и есть какой-то призрак, что он мне может сделать? Смотреть на меня? Ха, ну и пускай смотрит. Эй, призрак, ты здесь? Нравлюсь я тебе? Да? Ну и любуйся мной, а я пока книжечки посмотрю...

Как только он это произнес, по бессчетным, окружающим его комнатам пронесся шорох, и Юра увидел нечто такое, отчего глаза его округлились.

В противоположном от него проходе, за которым открывалась целая анфилада библиотечных залов, в самой дальней и едва приметной комнате все стало заполняться непроглядной чернотой. То же самое произошло и со следующей залой, а потом и еще с одной. Таким образом, чернота, поглощая одну за другой залы, приближалась к Юре. Мальчик понял, что, даже если он сейчас побежит со всех сил, то все равно от этой черноты не спасется. А если будет стоять на одном месте и слушать этот мучительный, жуткий, заунывный и яростный вой, который, нарастая, становился все ближе и ближе, то в конце концов будет просто раздавлен им.

Юра закрыл глаза ладонями и зашептал:

— Нет, нет, пожалуйста, не надо. Ведь это просто свет выключается, да?.. Сейчас я открою глаза, и окажется, что этой черноты уже нет.

Сердце стучало так громко, что мальчик даже перестал слышать приближающийся вой.

Юра отстранил ладони от лица и открыл глаза. Тьмы не было. Никто не скрипел, не визжал и не выл. Анфилада была видна до самой дальней залы. Но кое-что все-таки изменилось. На запыленном, растрескавшемся полу Юра увидел книгу. «Она, должно быть, упала со стеллажа», — подумал мальчик, но позже догадался, что книгу принесла погло-



щающая залы чернота, которая все-таки докатилась до него.

Книга лежала возле самых ног. Она была совсем тоненькой. На абсолютно черной обложке не было ничего — ни надписей, ни рисунков.

— Что это за книжка? — задумчиво и все еще испуганно проговорил Юра. — Надо бы посмотреть, для чего она ко мне явилась? Ведь буквы меня не съедят?..

И с этими словами мальчик нагнулся, поднял книгу и раскрыл ее.

Глава II

ИЗВНЕ

И странное дело: бумага, на которой была отпечатана книга, оказалась очень старой, может, трехсотлетней давности, но буквы, казалось, появились на ней совсем недавно.

Начав читать, мальчик уже не мог остановиться. Его собственная воля растворилась в запечатленных словах. И при этом раздвоилось не только его сознание, но и тело. Одна его половина оставалась стоять, прислонившись к стеллажу, в зале, а другая — в точности исполняла то, что было написано на страницах. И Юра видел, чувствовал и делал то, что читал.

* * *

Он вышел из залы, поднялся по узкой лестнице, потом прошел еще через несколько комнат, спустился вниз, пробежал длинную анфиладу и, нако-



нец, оказался в той первой библиотечной зале, в которой работал его старший брат.

Перед Колей на столе лежало несколько массивнейших фолиантов. Один за другим Коля брал эти тома, открывал первую страницу и переписывал необходимые данные в компьютер. Брат настолько был поглощен этой работой, что даже не заметил вошедшего в залу Юру.

Впрочем, Юра здесь и не задержался. Выскочив из библиотеки, он побежал, перепрыгивая через две, а то и через три ступеньки вниз по лестнице. Теперь он видел, что ковер, который покрывал ступени, действительно живой. Вышитые на нем страшные, кривые деревья шевелились, а за этими деревьями кто-то прятался и пристально, недобро наблюдал за мальчиком. Но это совсем не пугало Юру.

Он добежал до прихожей. Открыл дверь. Выскочил на крыльцо... Там по-прежнему сидели демоны, но теперь мальчик мог поклясться, что они не каменные, а именно живые. Он даже видел, как напрягались их могучие мускулы, а из трещин-ран сочилась ядовитая, черная кровь. Юра пробежал мимо демонов, и они заскребли своими острейшими когтями по граниту. Раздался громкий скрежещущий звук, посыпались искры, но мальчик уже ничего не видел и не слышал. Он припустил в глубины огромного сада, который окружал проклятый дом, и побежал вперед, не разбирая дороги.

Юра бежал по едва приметным дорожкам. Он совсем не смотрел перед собой. И если бы ветви деревьев сами не раздвигались перед ним, то мальчик едва ли пролез бы в такие дебри.

Дождь, который весь день шел на улице, теперь зачастил еще больше и вскоре превратился в насто-



ящий ливень. Но Юра этого не замечал. Наконец, он выбежал на небольшую полянку. С одной стороны на ней лежало старое, все поросшее мхом бревно. А с другой — поднималась из земли плотно увитая плющом древняя гробница.

Всякому, даже самому отдаленному от мистики человеку это место показалось бы жутким, но только не Юре. Он уселся на бревно и, раскачиваясь, словно маятник, из стороны в сторону начал повторять:

— Приди... взываю к тебе... приди... — говорил мальчик, но в то же время слышал свой голос словно со стороны. Этот голос, звучавший сначала едва приметным шепотом, постепенно крепчал и вскоре стал таким мощным, что его не смог бы повторить ни мальчик, ни взрослый человек, ни даже крупный, хищный зверь. И когда Юра в последний раз прокричал: «Приди!», то уподобился его вопль уже раскату грома, от которого содрогнулась земля.

Неожиданно все стихло. Прекратился дождь, не шумел ветер...

Юра сидел недвижимо и смотрел прямо перед собой.

Но вот скрипнула и раскрылась, выпуская нечто невидимое, дверь старой гробницы. Мальчик услышал шаги. Кто-то неспешно приближался к нему. Юра увидел, как под чьими-то невидимыми стопами прогибается темный настил мертвых листьев. Это зрелище, а также могильный холод, который обмораживал кожу, поверг бы любого, даже самого отчаянного человека в бегство, но Юра даже не шевельнулся, он был словно заморожен. Зубы его стучали от холода, а по лбу струился ледяной пот.

Призрак остановился в шаге от мальчика. Юра



посмотрел туда, где должна была бы быть голова призрака, и увидел только темный воздух. Юра разжал губы и произнес то, что на самом-то деле ему совсем не хотелось говорить, но что было ему внушаемо:

— Здравствуй, мой господин!

Затем он протянул свои дрожащие руки в темноту и увидел, как кончики пальцев покрываются инеем... Через мгновение его полностью поглотил мрак.

* * *

— Юра, очнись! Очнись же!

Холодная вода плеснулась Юре в лицо, он закашлялся и открыл глаза. Оказывается, он лежал на небольшом диванчике, в том первом библиотечном зале, где Коля переписывал книги.

Брат склонился над ним и настороженно вглядывался в лицо.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Коля.

Юра поморщился от тупой боли, которая сжимала его виски и пробормотал:

— Вроде бы ничего. По крайней мере живой...

— А что случилось? — спросил Коля.

— Не знаю... — произнес Юра. — Я, в общем-то, и не помню ничего... Лучше ты мне расскажи, что случилось: как и где ты меня нашел?

— Я тебя не искал... Ты сам сюда вошел. Я позвал тебя, но ты ничего не ответил. Тогда я заметил, что у тебя закатились глаза, а из уголка рта течет слюна... Ну и перепугал же ты меня тогда! Я тебя за плечи схватил, попытался привести в чувство, а ты как затрясешься. А потом, бух, и упал.

— А у меня не было никакой книги?



— Книги?.. Нет, не было. Зато ты нес вот этот лист...

И Коля протянул Юре весьма широкий, весь испещренный руническими знаками лист. Надписи имели цвет засохшей крови, и вообще — выглядели очень зловеще.

— Что это? Наверное, очень древнее, да? — робко и испуганно спросил Юра.

— Древнее? — невесело усмехнулся Коля. — Даю голову на отсечение, что эти руны появились около часа назад.

— Всего лишь? — изумился Юра. — И кто же их...

Он хотел спросить: «И кто же их написал?», но так и не задал этот вопрос, потому что вдруг понял, что руны были начерчены им самим.

Юра огляделся и спросил:

— Так ты точно не видел черную книгу?

— Говорю же тебе, нет, — строго сказал брат, — давай-ка топай домой.

— Домой?.. — Юра потер голову, которая все еще болела. — Пожалуй, ты прав. Пойду я домой. лягу и буду спать. Что-то я устал...

Коля с тревогой взгляделся в бледное лицо младшего брата и в его покрасневшие глаза.

— Пожалуй, я сам тебя доведу, — сказал он.

— Нет, нет, — запротестовал Юра, — я не настолько слаб. Сам доберусь.

— И все же из этого проклятого дома я тебя выведу. А то, не ровен час, ты здесь заблудишься.

Коля провел братишку до самой ограды и сказал:

— Ты уж извини, что пригласил тебя. Сам не думал, что все настолько плохо выйдет.



— Да ладно, не вини себя. Быть может, на то была вовсе и не твоя воля.

— Чего? — опешил Коля.

— Да так, ничего. Просто всякие дурацкие мысли лезут мне в голову. Ты не обращай внимания.

— Может, тебя все-таки проводить?

— Нет. Не маленький, сам дойду.

И Юра быстро зашагал в город под унылым, серым дождем, который, похоже, и не думал заканчиваться.

* * *

Когда Юра открыл дверь в свою квартиру, то первое, что услышал, был настойчивый телефонный звонок. Мальчик схватил трубку и ответил весьма раздраженно:

— Да?!..

— Привет, это я, Уля.

Улей звали девочку, с которой Юра учился в одном классе. Но в отличие от разгильдяя Юры Уля была отличницей. С самого начала каникул девочка не звонила своему приятелю, так как уезжала с родителями в санаторий, но теперь спросила:

— Я что, не вовремя? У тебя такой злой голос. Если хочешь, могу позвонить позже.

Юра глянул в окно, за которым шуршал унылый, беспросветный дождь, и подумал, что сейчас ему меньше всего хотелось бы оставаться одному. Хорошо бы рядом кто-нибудь был, пусть даже та же Уля.

— Слушай, приходи ко мне в гости, — сказал он девочке.

— Да что ты. Можно? — обрадовалась Уля.

— Да. Мне плохо. Приходи. Поговорить надо.

И повесил трубку...



Голова разболелась больше прежнего. Он медленно прошел в ванную, набрал в ладони холодной воды и плеснул в лицо. Но это не помогло. Боль в голове оставалась.

Тогда мальчик приблизился к зеркалу и внимательно начал разглядывать свое отражение. И вдруг отшатнулся: ему показалось, что в его воспаленных глазах зашевелилась та же тьма, которую он видел в проклятом доме.

«Я читал черную книгу, и мне было видение, — подумал Юра, — но я что-то принес из виденья, и теперь это что-то во мне...»

Головная боль все возрастала. Казалось, череп изнутри наполняется раскаленным свинцом, в висках пульсировала кровь. Юра закричал и повалился на пол.

Нельзя сказать, что Юра совсем потерял сознание. Сущность, его «я», словно отступила в сторону и осталась где-то в затаенном уголке мозга. Мальчик мог наблюдать за окружающим и едва осознавал, что теперь некто управлял его телом. Юра поднялся и быстро вышел из ванной. Через минуту он уже был на улице.

Глава III

ПУТЬ К КОЛОКОЛЬНЕ

— Юра! Да остановись же ты, в конце концов!

Уля схватила мальчика за руку и потащила за собой с такой силой, что тот поскользнулся и повалился лицом в грязную лужу.



Девочка помогла ему подняться и заботливо спросила:

— Ну, как ты?

Юра растерянно огляделся. Он находился в лесу, причем в каком-то совершенно незнакомом месте. Узкая тропка вилась в окружении густого кустарника, над которым возвышались высоченные мрачные деревья.

Уля достала чистый носовой платок и начала оттирать им Юрино лицо, которое все было залеплено грязью.

— Ну, так как ты? — спросила девочка еще раз. — Слышишь меня? Понимаешь?

Юра слабо кивнул и всхлипнул. Уля продолжала его оттирать и говорила:

— Ты извини, что так получилось, но я уже отчаялась. Наверное, без этого падения ты бы и не остановился.

— А как ты вообще меня нашла?

— После нашего телефонного разговора я страшно за тебя испугалась. У тебя голос был такой мрачный, как у...

Она осеклась.

— Ну, как у кого?

— Как у самоубийцы, — выпалила Уля. — В общем, я решила сразу к тебе бежать. Хорошо, что мы столкнулись в дверях твоего подъезда, а то бы я тебя не застала. Ты шел так быстро, словно вихрь. Даже сбил меня с ног. Признаться, я несколько растерялась и даже хотела обидеться, но потом сообразила, что ты не в себе, и окликнула. Ты не отозвался. Тогда я побежала за тобой и все звала тебя. И вот только сейчас догнала. Ты так настойчиво шел куда-то...



— А ты обратную дорогу запомнила?

— Я старалась, но, честно говоря, ты столько раз заворачивал на какие-то неприметные тропки, что у меня даже голова закружилась. Я ведь хорошо знаю наш лес, во всяком случае, ту его часть, которая примыкает к городу. Часто там бродила — грибы, ягоды собирала. Но сейчас я тебе совершенно точно могу сказать, что в этом месте я никогда прежде не была.

— И я тоже, — произнес Юра.

— Но ты можешь, по крайней мере, сказать, куда так целеустремленно шел?

Юра задумался, а потом промолвил напряженно:

— Нет. К сожалению, не могу.

— Так я и думала. Ну, да ладно. Теперь поворачиваем и ищем обратную дорогу, не так ли?

— Нет, — неожиданно не согласился Юра. При чем ответ его прозвучал очень уверенно.

— Почему? — изумилась Уля. — Ты что, хочешь идти дальше?

— Именно.

— Но это же глупо. Это... просто мальчишество!

— Нет. Не совсем так. Видишь ли, я сегодня посетил один проклятый дом, и там, похоже, в меня вселилась какая-то нечисть...

— Чего? — Уля глядела на Юру округлившимися глазами.

— Ладно. Это слишком долго рассказывать, а сейчас нет на это времени. Просто поверь мне.

— Ну, ладно, поверила, — вполне серьезно проговорила девочка, которая вообще склонна была верить во всякую мистику.

— Ну, а раз поверила, слушай дальше. Эта сила,



этот призрак, или не знаю уж кто там, не оставит меня так просто.

— Почему?

— А зачем ему меня оставлять? Он ведь в меня с какой-то определенной целью вселился. Так что я уверен: вот вернемся мы в город, поговорим, а сегодня ночью или завтра днем — не важно когда — опять случится со мной такое помутнение, и я побегу в лес. И если в этот раз мне повезло: поблизости оказалась ты, то в следующий раз, я уверен, никого поблизости не будет.

— Но ведь...

— Не перебивай. А если такое случится, то доведет он меня до некой цели, ради которой все затеял, так не лучше нам ее сейчас отыскать? Как ты думаешь? Ведь сейчас я могу соображать, сам управляю своим телом. Мы увидим, куда вел меня призрак, и тогда, быть может, поймем, что мне дальше делать. Согласна?

— Ладно, убедил, пошли, — ответила после некоторого раздумья Уля.

И они зашагали по узенькой тропке, которую часто пересекали то корни, то упавшие мшистые стволы. Ребята шли довольно быстро. Надеялись, что скоро доберутся до цели, но лес все тянулся и тянулся.

Уля взглянула на часы и промолвила:

— Мы уже целый час идем. И ни разу за все время ни одного людского поселения. Даже и не думала, что наш город окружают такие дебри. Может, все-таки повернем?

— Нет, — упрямо проговорил Юра. — Я чувствую, что теперь совсем немного осталось.

Они прошли еще два или три километра, но так



ничего и не изменилось. Разве что потемнело, и дождь усилился.

Вдруг Уле показалось, что сзади раздаются шаги. Она резко обернулась и вскрикнула:

— Юра, смотри!

Она закричала таким тоном, что мальчик подумал, что за спиной какое-нибудь жуткое лесное чудище. Но, обернувшись, никого не увидел.

— Ну и что ты орешь? — рассердился он на Улю. — И без тебя, между прочим, страшно.

— Тропинка, — пролепетала Уля.

— Что, «тропинка»? — переспросил Юра.

— Тропинки, по которой мы сюда пришли, больше нет.

Мальчик пригляделся и заметил, что действительно никаких следов тропинки позади них не было. Взглянул вперед — тропинка, хоть и небольшая, выделялась среди густых кустов и частых деревьев.

— Что за наваждение? — пробормотал Юра и протер глаза, но тропинки за их спинами по-прежнему не было.

И тогда Уля проговорила негромким, но страшным голосом. Во всяком случае, Юра при первых же ее словах весь покрылся мурашками:

— Теперь я кое-что вспомнила про этот лес. Мне еще бабушка рассказывала, когда я маленькой была. Потом я об этом подзабыла, думала, бабушка специально меня запугивала, чтобы я далеко в лес не ходила... В общем, прежде в глубине леса была колокольня, а при ней маленькая церковь. Никто уж и не помнит, кто и когда воздвиг эту колокольню, но, несмотря на дальность дороги, многие ходили к ней молиться. И все потому, что место то



почиталось святым, чудотворным. Но потом люди стали замечать, что лес вокруг колокольни изменяется. А позже и вовсе те, кто уходил, не возвращались, стали пропадать люди. Причем пропадали люди совершенно бесследно. Могла исчезнуть и одинокая богомолка, и целая группа здоровых мужиков. А некоторые, кто еще в самом начале пути замечал, что ведущая к колокольне тропинка исчезает прямо за их спинами, успевали вернуться в город. С тех пор считается колокольня проклятой, и никто туда не ходит. Впрочем, туда и дорогу забыли. Никто теперь не знает, где она находится. Недавно над этими лесами вертолет летал: карту местности снимали, но никакой колокольни не обнаружил. И тем не менее она есть.

— Тихо, — прошептал Юра.

— Что такое? — прислушалась Уля.

— Шаги...

Ребята застыли. Они даже не дышали и только медленно-медленно оглядывались, пытаясь определить, откуда доносятся эти шаги. А они, несмотря на сильный шелест дождя, раздавались очень отчетливо и становились все громче и громче.

— Господи, откуда же они доносятся? — захныкала Уля и тут же прикрыла ладонью рот, чтобы не закричать.

Между деревьями промелькнуло что-то, источающее тусклое свечение. И вдруг еще, но уже в другом месте. А потом ребята увидели призраков.

Медленно плыли они в воздухе; протекали сквозь деревья, совсем не касались земли, но тем не менее их шаги слышались очень хорошо. Призраки не двигали конечностями, они могли бы показаться



безучастными, если бы не их огромные выпученные глаза, которые взирали прямо на ребят.

Юра и Уля не в силах были отвернуться от этих полупрозрачных ликов и только медленно пятились. А призраки все приближались.

И вот Уля набралась смелости и закричала:

— Что вам от нас надо?!

— Возвращайтесь в город... — раздался чей-то шепот сзади, — скорее... уходите отсюда...

Ребята быстро обернулись. Прямо за их спинами в воздухе тоже нависали призраки. Их было много: и мужчины, и женщины. И старики, и дети.

И тогда Уля догадалась и промолвила:

— Это призраки тех людей, которые ходили к колокольне, но пропали.

А Юра спросил:

— Но ведь мы должны бояться не вас, да?

Призраки кивнули.

— Так кого мы должны бояться? И вообще: зачем все это? Кто вселился в меня? Вы знаете? Вы можете рассказать?..

Но тут призраки всколыхнулись, задрожали и зашептали испуганно:

— ОНО идет... ОНО идет... ОНО...

И стремительно разлетелись в стороны. Вокруг остался только мрачный лес да Юра с Улей, стоящие на тропке, которая вела только в одну сторону.

— Что такое ОНО? — прошептал Юра.

— Ты у меня спрашиваешь? Так я не больше тебя знаю, — ответила Уля.

— А мне, в общем-то, и не хочется это узнавать, — признался Юра.

— Да и мне тоже, — шепнула девочка.

И тут все вокруг внезапно потемнело. Деревья



помрачнели еще больше. А из их стволов раздался затажной, мучительный скрип.

Уля задрала голову вверх и прошептала:

— Ты только посмотри. Или лучше нет, не смотри вовсе...

Но Юра тоже поднял глаза вверх и увидел, что по кронам деревьев ползет что-то призрачное, почти черное. Мальчик схватился за виски и застонал:

— Опять... возвращается...

Уля встряхнула его за плечи, крикнула:

— Юра?! Юра! Ты слышишь меня?

Мальчик замотал головой, застонал еще больше. Затем он взглянул на свою подругу мутными глазами и вымолвил слабым голосом:

— Этот призрак — он снова пытается завладеть моим сознанием. Не оставляй меня, Уля... Или нет. Лучше беги от меня. Ведь я очень опасен...

— Нет, я не оставляю тебя, — сказала девочка.

Между тем стало так темно, как бывает только беззвездной ночью. И вдруг все озарилось ярким, ядовито-белесым свечением, в котором окружающие ребят деревья представились отвратительными мохнатыми чудищами, протягивающими к ним свои кривые лапы.

Юра вскрикнул, передернулся и тут же поник, и если бы Уля не поддержала его, то мальчик и вовсе повалился бы на землю.

— ...Мне очень плохо... А-а... А-а... — шептал он.

И тут черноту разорвала еще одна белесая вспышка, и Уля явственно увидела, что древесные чудища приблизились.

Невозможно было оставаться на месте, поэтому девочка побежала и потянула за собой Юру. Его голова болталась из стороны в сторону, глаза заката-



лись, но все же он передвигал ногами, бежал за Улей. А вспышки стали такими частыми, что казалось, они следовали одна за другой.

Лес дрожал в отвратительно черно-белом мареве. Он скрипел, стонал, тряся, тянулся к Уле; ветви вцеплялись ей в волосы, а корни подставляли подножки. На девочку волнами накатывался ужас; она совершенно не понимала, куда бежит, но продолжала продираться вперед и вперед сквозь преграждающий ей дорогу лес.

И вдруг за ее спиной свирепо, словно хищный зверь, зарычал Юра. Уля обернулась, взглянула в его глаза и дико завизжала. Глаза мальчика были выпученные и черные. Но вот сверкнула ослепительно белая вспышка, и глаза Юры стали такими же ядовито-белесыми.

Длинные, зеленоватые клыки появились у него во рту, он зарычал и бросился на Улю. Девочка вспомнила, что в первый раз привела приятеля в чувство, повалив его лицом в лужу. Вот и теперь она рванулась к нему навстречу и сбила его с ног. Юра перевернулся через голову и рухнул лицом в большую лужу.

Уля подбежала к нему и, дрожа всем телом, принялась его поднимать:

— Юра, вставай! Это ты теперь?! Ты вернулся?!

Но мальчик ничего не мог ответить, только бесильно бился в вязкой грязи. Уля перехватила его под мышками и, сделав невероятное усилие, потянула на себя, но Юра оказался очень тяжелым.

Всполохи же участились и стали такими яркими, что девочка перестала воспринимать что-либо, кроме бесконечного чередования черного и белого,



продолжая вытягивать своего друга из грязной булькающей жижи.

Наконец ей это удалось...

* * *

Не было больше ядовито-белесых вспышек, и не растекалось больше по древесным кронам бесформенное ОНО. Но небо по-прежнему оставалось затянутым серой завесой моросящего дождя. Уля и Юра по-прежнему находились в лесу.

Деревья, которые их окружали, были похожи теперь на изогнувшиеся в мучительной борьбе чудища. Имелись у них и лапы, и щупальца, и когти, и клыки, и глотки, и даже черные пустые глазницы. И между этими застывшими чудищами плыл плотный и тяжелый туман, который мешал дышать и от которого кружилась голова.

— Как думаешь, до ночи успеем выйти? — спросил Улю Юра, который вновь вернулся к своему обычному облику.

— Успеть-то успеем, вот только вопрос: куда? — мрачно проговорила Уля. — К городу, во всяком случае, мы точно не выйдем. Теперь мы забежали еще дальше в дебри. Думаю, что с тех пор, как колокольню назвали «проклятой», сюда вообще ни один человек не заходил. Надо было возвращаться, когда я тебя в первый раз в чувство привела. И сейчас бы мы уже были в городе. Сходили бы там к какому-нибудь врачу или даже к священнику — он бы и изгнал из тебя призрака.

— Глупости! Только я сам могу себе помочь. И, вообще, не ворчи. Вот говоришь: «забежали в дебри», а кто забежал-то, я? Кто, спрашивается,



меня сюда тащил? Признайся: ты просто поддалась панике...

Уля хотела было ответить, но не успела, так как в то же мгновение раздался удар колокола. Этот сильный звук был настолько неожиданным, что ребята схватились за руки и тут же позабыли о своем бесполезном споре.

— Это проклятая колокольня, — прошептал Юра.

— И где-то совсем рядом...

И тут заскрежетали чудовищные деревья. Звук был таким, будто пришел в движение огромный, но заржавелый механизм.

Юра схватился за виски и вдруг, раскачиваясь из стороны в сторону, быстро побежал:

— А! Опять! ОНО опять завладевает мною! — кричал мальчик — Уля, прочь! Или я разорву тебя! А!!

Но Уля кинулась за ним. Девочка плакала, ей было страшно, она уже не надеялась когда-нибудь вернуться обратно в город и увидеть своих родителей и все же бежала с Юрой все дальше в лес. Наконец она догнала рычащего Юру и опять повалила его в лужу.

А когда трясущийся, слабый и грязный Юра поднялся, они смогли оглядеться и увидели колокольню.

* * *

Колокольня стояла в низине. Несколько громадных мрачного вида дубов росли возле ее стен и плотно укрывали ее со всех сторон. Рядом с колокольней ютилась церквушка. Пространство вокруг колокольни было огорожено, и за оградой росли очень густые и высокие — почти в человеческий рост — травы.



Дерево закрипело и потянулось к Уле другой ветвью.
Одновременно начало раскрываться усеянное острыми клыками
дупло.



— Неужели мы пойдем туда? — после минутной паузы спросила Уля.

— Да, — выговорил Юра и сжал кулаки. — Я измучился, мне страшно, но я пойду туда. Я знаю, что в этой колокольне найдутся ответы на вопросы, которые для меня жизненно важны.

— Ладно, пошли, — сказала Уля.

Девочка сделала единственный шаг и вскрикнула:

— Мои волосы!

Оказывается, лапа одного из чудовищных деревьев обмоталась вокруг волос девочки и теперь, как ни старалась Уля вырваться, только еще больше запутывалась.

— Не пускает... — стонала девочка.

Дерево заскрипело и потянулось к Уле другой ветвью. Одновременно начало раскрываться усеянное острыми клыками дупло.

— В моей сумочке есть ножницы! Скорее! — крикнула Уля, обращаясь к Юре.

Мальчик распахнул Улину сумочку, но чего в ней только не было! Тогда он высыпал содержимое сумочки на землю, а вместе с ними и маленькие ножницы повалились в грязь.

— Режь мне волосы! — приказала Уля.

— Что?! — Юра в недоумении смотрел на подругу.

— Режь, тебе говорю! Или... ты меня больше не увидишь...

Мальчик поспешно начал отрезать запутавшиеся в ветвях волосы. Вскоре Уля была освобождена, а чудовищному дереву оставалось довольствоваться ее локонами.

Взявшись за руки, ребята побежали к колокольне. А за их спинами яростно скрипел жуткий лес.



Глава IV

В КОЛОКОЛЬНЕ

Вскоре запыхавшиеся и перепачканные Уля и Юра остановились возле массивной железной двери в колокольню. Прежде на двери было высечено какое-то изображение, но ныне глубокие следы когтей так изуродовали дверь, что невозможно было понять, что это там изображено.

Раны остались не только на двери, но и на стенах колокольни. Кое-где были выбиты целые каменные блоки, а в трещины жадно протискивался колючий кустарник.

— Ну, с богом! — выкрикнул Юра и толкнул дверь.

Раздался тяжелый гул, и дверь медленно раскрылась. Ребята взялись за руки и перешагнули через порог.

Внутри колокольни было сумрачно, но все же многое удалось разглядеть. Высокие стены, тоже израненные и потемневшие. В нескольких местах, и то, если внимательно приглядеться, слабые следы фресок.

— Какое здесь все древнее, — негромко проговорил Юра, и его голос тревожным, гулким эхом отозвался под сводами.

Вдруг там наверху произошло некое движение. За одной из многочисленных широких трещин быстро передвинулось что-то, и на ребят посыпалась пыль.

Уля прошептала:

— Ты помнишь удар колокола, который мы слышали в лесу?

— Ну да... — пробормотал Юра и, быстро огля-



нувшись, добавил: — А раз был удар, то должен быть и звонарь.

Затем мальчик кивнул на проход у дальней стены, за которым были видны несколько поднимающихся вверх ступенек.

— Что? — спросила Уля.

— Нам туда.

— Ты что, хочешь подняться в звонницу?

— Угу.

— Зачем?

— А зачем мы сюда пришли? — спросил Юра. — Чтобы найти ответ на мучающую меня тайну. И возможно, он именно наверху.

— А вдруг мы встретим звонаря? — остановилась Уля.

— Очень хорошо. По крайней мере, я на это надеюсь.

Последние слова Юра произнес довольно громко, и вновь загудело над их головами эхо, и вновь почудилось какое-то движение под сводами, и оттуда посыпалась пыль.

— Но ведь может оказаться, что этот звонарь — вовсе не человек.

— Почти наверняка, — мрачно заявил Юра. — Сама подумай: может ли человек обитать в такой глуши? Чем он здесь будет питаться?

— Разве что такими наивными дурачками, как мы, — вздохнула Уля.

— Не думаю. Наверное, за последнюю сотню лет здесь, кроме нас, ни одной души не было.

— Да, пожалуй, ты прав. Только от этого не легче...

Юра шагнул к проходу, Уля осталась на месте.

— Так ты не идешь? — нетерпеливо спросил Юра.



Девочка представила, каково это остаться одной, вздрогнула и поспешила за приятелем. Они вновь взялись за руки, и Уля сказала:

— Лучше нам не разлучаться...

Вверх уводила винтовая лестница с чрезвычайно высокими и сильно растрескавшимися ступенями. Расстояние от стены до стены было таким незначительным, что толстый человек непременно бы там застрял.

Что касается света, то он практически отсутствовал, хотя какое-то сумрачное, серое свечение все же проходило сквозь трещины на стенах. Впереди пошел Юра, за ним, держа его за руку, Уля.

Вдруг девочка остановилась. Юра почувствовал, как сжалась ее рука, и он спросил:

— Ну, что случилось?

— Понимаешь, я просто представила, что будет, если сейчас опять ударит колокол.

— Да? Ну, и что же?

— Тогда... тогда я, наверное, с ума сойду... Юра, ты даже не представляешь, как мне сейчас страшно. Ведь я же чувствую: здесь поблизости есть кто-то или что-то. А ты разве не чувствуешь?

— Чувствую, — вздохнул Юра, — Но все же надо подниматься вверх. Хотя я тоже очень боюсь.

Ребятам казалось, что они поднимаются очень долго, за такое время можно было поравняться с облаками. Но на самом-то деле они просто очень медленно поднимались, часто останавливались, вслушивались, но слышали лишь гул ветра да шум дождя, которые доносились снаружи.

Но вдруг совсем близко раздался шорох. Он доносился откуда-то сверху и становился все громче.

Улины глаза расширились, она пролепетала:



— Юра, что это?

— Не знаю, но... — он хотел сказать «нам не надо бояться», однако не смог, потому что ему было не просто страшно, а прямо-таки жутко.

И тут тусклое свечение, которое позволяло им видеть ступени и стены, исчезло. В колокольне стало черным-черно. Улины пальцы впились в Юрину ладонь с такой силой, что мальчик едва не закричал.

Девочка зашептала ему на ухо:

— Ой, я не могу... Ведь шорох прямо возле нас оборвался... Я сейчас закричу...

А Юра слышал уже не только Улин, но и еще чей-то шепот, который доносился с другой стороны. И тогда мальчик осознал, что, стоит ему только вытянуть руку, и он дотронется до чего-то потустороннего.

Он вскрикнул и вжался в стену. То же самое сделала и Уля...

Так они и стояли рядом, из всех сил вжимаясь в стену и дрожа. Вдруг рядом с ребятами пронеслось нечто и прикоснулось к ним.

А вслед за этим появилось тусклое, сероватое свечение. Но первое, что увидел Юра, было бледное Улино лицо.

Девочка прошептала:

— Мы и после этого будем подниматься?

— А что нам еще остается? Идти обратно? Ты думаешь, там лучше?

— Ладно, будь по-твоему, пошли вверх, — вздохнула Уля.

Оказалось, что до звонницы оставалось уже совсем немного. Через прямоугольный люк выбрались они на весьма широкую площадку.

Несмотря на то, что с каждой площадки сторо-



ны имелись большие проемы, все равно в звоннице было крайне сумрачно, и тому было две причины. Во-первых, уже вечерело, а во-вторых, звонницу оплетали ветви дубов-великанов.

— Ну вот, — печально вздохнул Юра. — Надеялся, что хоть отсюда окрестности удастся осмотреть и, быть может, даже город увидеть, но из-за этих дубовых ветвей ничего не видно.

Тут мальчик подошел к ограждению и внимательно начал всматриваться в узкие проемы между ветвями. Ему удалось увидеть часть того состоящего из одеревеневших чудищ леса, который окружал колокольню. И как только он увидел эти жуткие деревья, как донесся до него их яростный скрип. Острая боль опять пронзила его голову, и Юра закричал.

— Что с тобой? — испугалась Уля.

Но Юра никак не ответил. Он только сильнее застонал и перегнулся через ограждение, вытянувшись в сторону жуткого леса.

Тут и Уля услышала скрип чудовищных деревьев. Причем она различила в этом скрипе некий завораживающий ритм.

— Нет, Юра! Не поддавайся! Слышишь?! — крикнула она и, подбежав к своему другу, попыталась оттащить его от ограждения.

Мальчик яростно шипел и отбивался. Наконец Уле удалось оттащить его. Подобно разъяренному, раненому тигру взревел Юра и оттолкнул свою подругу с такой силой, что она повалилась на каменный пол.

И вновь глаза мальчика выпучились и были черны, как ночь на дне болота. Он надвигался на девочку и ревел, как кровожадное животное.

Но тут ударил колокол.



А они ведь и вовсе забыли про колокол, который, между прочим, все это время висел над их головами. Для лесной колокольни этот колокол был не просто большим, но огромным. Наверное, он больше подошел бы к колокольне Ивана Великого в Москве.

Раздался удар. Звук был такой силы, что у ребят заложило уши. Вслед за первым ударом последовали и второй, и третий, и четвертый...

Юра, продолжая орать, схватил Улю за руку и помчался вместе с ней по лестнице. И остановились они только в нижней зале. Там Юра выпустил Улю, покачнулся и повалился лицом на пол.

Девочка сделала один робкий шаг к нему и спросила тихо:

— Юра, ведь это ты, да?.. Отзовись, пожалуйста...

Но мальчик продолжал лежать и не шевелился. Быть может, он и отвечал что-то, но Уля его не слышала, потому что в ее ушах по-прежнему звенело.

Она остановилась в шаге от него и все никак не могла заставить себя сделать это последнее движение и перевернуть его на спину. Уля была уверена, что, сделай она так, вновь увидит его выпученные черные глазищи. Но и оставить своего друга девочка не могла, поэтому она и топталась на месте, приговаривая:

— Юра, Юрочка, ну, пожалуйста, отзовись...

И тут она заметила, что из-под его лица медленно вытекает узкая струйка крови.

— Юра! — громко воскликнула Уля и бросилась к приятелю.

Но он ее опередил. Рука мальчика быстро вытянулась и схватила Улю за ступню. Девочка отдернулась, повалилась на пол, зато поднялся Юра. Он



глядел на подругу выпученными, но отнюдь не черными, а просто испуганными глазами.

— Юра, это ты? — спросила Уля.

— Да, как видишь, — ответил он.

— У тебя же кровь! Ты ранен!

— А-а, ерунда, просто, когда падал, нос разбил, — и он вытер нос, из которого текла кровь.

Несколько минут они просто сидели на полу, друг напротив друга, и слушали. Колокол больше не звонил, и, хотя в их ушах еще раздавался гул, слух постепенно возвращался к ребятам.

— Интересно, сколько сейчас времени? — спросил Юра.

Уля взглянула на часы и выдохнула испуганно:

— Через пять минут наступит полночь!

— Ничего себе, — присвистнул Юра. — Нас уже в городе обыскались.

— Мои родители наверняка в милицию обратились, — забеспокоилась девочка.

— И мои наверняка тоже...

— Но по крайней мере до утра мы пробудем в колокольне, — вымолвила Уля. — Здесь все-таки лучше, чем в лесу.

— Да, — согласился Юра. — А с утречка еще внимательнее все исследуем. Ведь надо же отыскать ответ...

Тут Уля замерла и прошептала:

— На меня кто-то смотрит.

— Ты уверена? — мальчик скосил глаза в сторону.

— Юра, «это» за моей спиной, — видно было, как сжалась и побледнела девочка. — Оно здесь, в этой зале... Мне даже оглянуться страшно. Оно сейчас набросится на меня. Скажи, пожалуйста, что там за моей спиной.





Тут и Юра почувствовал, что они не одни в зале. Каким-то неизъяснимым, внутренним чутьем мальчик ощущал этот взгляд, и это смотрел не человек. Юра не мог скрыть своего страха, он дрожал, но все же он переборол себя и посмотрел за Улино плечо.

Там, шагах в десяти от прохода в звонницу, нависало нечто угольно-черное и колышущееся. Это темное облако словно дышало...

Уля пристально следила за Юриным лицом и прочла на нем ужас. Тогда девочка сжалась еще больше и напряглась.

— Там действительно что-то есть? — пролепетала она дрожа. — Юра, придумай же, как нам спастись...

Мальчик продолжал смотреть округлившимися глазами в черноту. Он не знал, как бороться с неведомым.

Девочка же смотрела на него и предполагала самое худшее. И вот ей показалось, что глаза Юры вновь начали наполняться чернотой. Ей даже показалось, что он вновь начинает шипеть.

И тогда она стремительно вскочила на ноги и, не помня себя, бросилась к выходу из колокольни. Она бежала и кричала безумное и бесконечное: «А-а-а!».

— Стой, куда же ты?! — закричал ей вслед Юра.

— Оставь меня! Не прикасайся! — вопила Уля, которая уверилась, что ее друг опять превратился в чудовище.

Девочка добежала до двери, потянула ее, и дверь с тяжелым гулом раскрылась.

Поток холодного, наполненного дождевыми каплями воздуха рванулся к ней навстречу и едва не повалил на пол.

А Юра подбежал к подруге и схватил ее за руку.



— Нет! Оставь меня! Не-ет! — девочка рыдала, отбивалась, но Юра проявил настойчивость.

— Оставь меня! — сопротивлялась Уля.

— Почему?! Ведь это же я! Ну же, посмотри на меня! — настаивал мальчик.

Уля оглянулась и сквозь слезы увидела, что у Юры прежние, человеческие глаза. Она немного успокоилась, выпустила дверное кольцо и тут почувствовала, как нечто жесткое, холодное и колющее обвивается вокруг ее руки.

Это была ветвь кустарника, которая, впрочем, вполне могла сойти и за щупальце. Эта ветвь просунулась в дверной проем и была лишь частью огромной армии колючих ветвей, корней, стволов и прочих оживших древесных отростков, которые подступали к колокольне.

И тогда Юра воскликнул:

— Ведь сейчас полночь! И именно в это время всякая нечисть получает особую силу...

Все это время он пытался освободить Улину руку из ветвей, но ничего не получалось. Силищи у этих деревьев было куда больше, чем у взрослого человека.

А новые, жадно извивающиеся ветви были уже совсем близко. Они должны были оплести не только Улю, но и Юру, утащить их в ночь, разорвать в клочья, поглотить. Но мальчик не собирался выпускать свою подругу, он приготовился бороться до конца.

И тут дверь колокольни начала закрываться. Она делала это сама, без всякого участия ребят. Уля пыталась за дверь внутрь колокольни, но ветвь еще сильнее сжала Улину руку. Она не хотела выпускать пленницу. Девочка закричала от боли, из многочис-



ленных ранок засочилась кровь. Но дверь продолжала закрываться, вот она защемила ветвь, раздался треск, и ветка оказалась переломленной. Наконец она выпустила руку девочки и, словно отрубленное щупальце, начала судорожно биться, выгибаться по полу.

Дверь полностью закрылась, и в это же мгновение с наружной стороны обрушились на нее мощные удары. Дверь дрожала, стены тряслись, казалось, еще мгновение — и колокольня не выдержит.

— Как думаешь, они не проломают дверь? — шепотом спросила Уля.

— Надеюсь на это, — пролепетал Юра. — Ведь это наверняка не первая атака. Заметила, сколько ран на стенах...

Но тут особо сильный удар обрушился на дверь. Казалось, что это ударил многотонный железный таран. Дверь отчаянно загудела, но выдержала. Со стен облачками взвилась пыль.

— Уж очень вся эта нечисть жаждет до нас добраться, — вымолвила Уля.

Ее слова были подтверждены очередным сокрушительным ударом, но опять-таки дверь выдержала.

И тут наверху зазвонил колокол. В ответ на это из-за стен колокольни донеслись наполненные злобой и смятением вопли нежити, которая начала отступать, но все равно еще не прекращала своих попыток добраться до ребят.

— Вся эта чертовщина боится ударов колокола, — догадался Юра.

— Да. И в последний раз призрак был изгнан из тебя именно колокольным ударом, — согласилась Уля.



Раздался еще один удар колокола, и вновь взвыла испуганно и злобно нечисть. Но дверь и стены продолжали сотрясаться — нечисть рвалась в колокольню.

— Ой, смотри, — выдохнула Уля и указала дрожащей рукой на ветвь, которая, уподобившись многометровому питону, вползала через трещину в стене.

Ребята, как замороженные, смотрели на эту ветвь и продолжали пятиться, но они не заметили, что в полу за их спинами открылся проход, и, сделав очередной шаг назад, оступились и полетели вниз.

Глава V

ТАЙНА

Мальчик и девочка покатались, отшибая бока, по высоким каменным ступеням, и, наконец, ударившись об пол, остановились.

— Скорее наверх! — позвал Юра, но не успел он подняться на ноги, как загудела и закрылась, преградив выход, каменная плита.

— Мы заперты в гробнице!.. — закричала Уля.

Против ожиданий ребята не окунулись в беспрсветную темень. В воздухе были рассеяны мельчайшие частицы золотистого света. От этих частиц и проистекало слабое, но все же достаточное для того, чтобы осветить массивные каменные надгробия, свечение.

Целую минуту Юра с Улей стояли, не шевелясь и почти не дыша. И тут сверху донесся едва различимый, но все же очень тяжелый удар. Кто-то пытался прорваться к ребятам.

— ОНО ворвалось в колокольню, — прошептал Юра.



— Хорошо, что мы все-таки свалились сюда, — молвила Уля.

— Да, — сразу согласился мальчик. — Думаю, что здесь мы все-таки найдем ответ на тайну, которая так меня мучит.

— Да, — мрачно проговорила Уля, а про себя подумала: «Или свою смерть».

И они медленно пошли среди надгробий. На полу лежал такой толстый слой пыли, что их ноги погружались в него, словно в пух, и почти не соприкасались с полом.

Как только ребята обогнули очередную особенно высокую гробницу, они увидели какую-то сидящую к ним спиной фигуру. Волосы неизвестного были совсем седыми и изливались синевой.

Уля шепнула на ухо Юре:

— Как думаешь, это человек?

— Быть может, он и был когда-то человеком, но теперь он точно призрак, — ответил Юра.

— Интересно, он про нас знает? — пролепетала Уля.

— Знаю, — ответил призрак и обернулся к ребятам.

Юра вскрикнул и схватил Улю за локоть. Девочка тоже закричала и вцепилась мертвой хваткой в своего приятеля.

* * *

Лицо у призрака было огромным, раза в два превосходящим человеческое. Но совсем не ужасным. И особенно красивы были печальные, лучистые глаза.

— Хочешь узнать, что тебя сюда привело? — спросил у Юры призрак.



Мальчик безмолвно кивнул.

— Ты пришел уничтожить меня и разрушить колокольню.

— Что вы, что вы, у меня и в мыслях такого не было! — испуганно забормотал Юра. — Вот хоть у Ули спросите.

— Может, у тебя в мыслях такого не было, однако тот демон, что в тебя вселился, только об этом и мечтает.

— Ну, вот, видите, демон, не я. А вы его выгоните. Только меня не трогайте, я вам ничего дурного не желаю.

И печальноокий призрак едва заметно улыбнулся и вымолвил:

— Ты, Юра, обратился к тому единственному, кто может тебе в этом помочь. И причем только в этом месте — в моей гробнице. А теперь застынь, не двигайся.

Юра замер. И беловолосый незнакомец начал напевать заклятье на древнем, забытом людьми языке. Вдруг мальчик затрясся, глаза его закатились, и он повалился на пол.

Уля бросилась было к нему, но повелительный голос ее остановил: «Не вмешивайся!». Девочка остановилась.

Седовласый призрак читал свое заклятье все громче и громче, каждое его слово уже уподоблялось раскатам колокола и звучало торжественно и грозно. Юра катался по полу, выгибался, трясся с огромной, нечеловеческой силой и наконец выгнулся так, что затрещали кости, и дико закричал.

Но это был вовсе не Юрин крик. Бесновалось, выло и визжало какое-то разъяренное животное.



У Ули заложило уши. Девочка зарыдала, но все же продолжала смотреть на своего друга.

И вдруг из его тела вырвалось что-то черное и бросилось на беловолосого призрака. Но тот прошептал некое слово, и темная тварь сгинула без следа.

В гробнице стало очень тихо. Уля отчетливо слышала, как колотится ее сердце. А когда девочка бросилась к Юре, никто ее уже не останавливал.

Уля звала его по имени, трясла за плечи, но мальчик не отзывался. И только когда ее горячая слеза упала на лоб приятеля, он вздохнул, приоткрыл глаза и пробормотал:

— Где я?

— Неужели ты ничего не помнишь? — удивилась девочка. — Мы в гробнице.

— А-а, помню, — поморщился Юра. — И это был не сон?

— Нет, не сон, — промолвил седовласый призрак. — Но злой дух окончательно из тебя изгнан.

Тогда Юра поднялся с пола и обратился к хозяину гробницы:

— Теперь расскажите, кто вы и что вам от меня нужно.

И вот что они слышали.

* * *

«Не спрашивайте, когда это было, ибо это не важно. По человеческим меркам это было очень давно. И, честно говоря, я уж и сам сбился со счета — столько лет минуло.

Меня звали Никитой Афанасьевичем, и был я, по мнению людей, искуснейшим архитектором. Возводил и церкви, и колокольни, и хоромы для ро-



довитых бояр и даже для князей. В творениях своих пытался я соединить гармонию природы и духа человеческого, и, кажется, мне это удавалось. Во всяком случае внутри моих строений люди находили просветление: лечились и телом, и духом.

И жил в то время еще один архитектор именем Архип Страшеглав. Был он, помимо прочего, еще и чернокнижником и давно уже продал свою душу дьяволу. И, представьте себе, дети, у него было поклонников не меньше, чем у меня. И причиной тому было то, что в душе человеческой найдется место как для рая, так и для ада. Те, кому ад ближе, избирали себе Архипа Страшеглава.

Конечно, до строительства церквей Архипа не допускали, но многие богатеи заказывали ему постройку дворцов, и он возводил их одновременно и жуткие, и манящие. Живущие в таких дворцах люди год от года богатели, но безудержно предавались многим порокам, отравляли свои души. Год от года богател и Страшеглав и все больше обучался темному своему искусству.

Я тоже не ленился. Но задумал возвести колокольню, один вид которой изгонял бы из людей все нечистые помыслы и возносил их души к самым небесам.

А Страшеглав взялся за возведение огромного дворца, в котором намеревался поселиться сам. Этот дворец он задумал как воплощение ада на земле. По его замыслу, каждый, увидевший это бесконечно отдаленное от естества строение, должен был отдалиться как от людей, так и от небес и перейти в услужение тьмы.

Мы начали строительство одновременно. Страшеглав работал с огромной скоростью, я же не-



спешно, оттачивая каждый штрих колокольни. Архип громоздил безумные формы, я пытался отобразить простое изящество облаков и звездного света.

Я был противоположностью Страшеглава, и он ненавидел меня больше, чем кого-либо другого. Наконец ему удалось подкупить кое-кого из власть имущих. И меня обвинили в краже казны, а еще в ереси, что было самым страшным. Несколько месяцев меня продержали в темнице на цепи.

Но если вначале мне еще приносили какую-то еду, то потом и этого не стало.

Через какое-то время я почувствовал, что моя смерть близка. Тогда я прочитал молитву и приготовился отдать Богу душу.

Вскоре мрачная моя темница залилась дивным ярким светом, который, однако, совсем не вредил глазам. Я подумал, что уже умер, и протянул в этот свет руки, прошептав:

— Иду к тебе, Отче!

Но из света вышел молодой юноша, протянул мне раскрытую книгу и промолвил:

— Прочти...

И я увидел пылающее, словно тысяча солнц, слово, запечатленное на неведомом мне языке. В одно мгновение снизошло на меня просветление, и я постиг этот не земной, но ангельский язык. И прочел слово, смысл которого на языке людском звучит примерно как «Вечность».

А затем увидел я себя уже лежащим в гробу, и люди плакали надо мною и почитали как святого, ибо в тот же час, в который я умер в темнице, было объявлено, что меня несправедливо оклеветали.

И отнесли меня в лесную колокольню, которая была последним моим творением. Здесь меня и от-



пели. Здесь и погребли. Но дух мой не отправился ни на небеса, ни в ад, он был рядом с телом, которое, усохнув, стало мумией. Я был частью этих стен, мой голос звучал в ударах колокола, мои глаза сияли в куполе.

Ну а Страшеглав, узнав, что лесная колокольня все-таки достроена, едва сам себя не загрыз от ярости. Не раз и не два покушался он на колокольню, но каждый раз его попытки оканчивались неудачей. Использовал он и черную магию, но все тщетно.

В конце концов, он так себя извел ненавистью, что почернел, сморщился, да и умер. От тела его исходил такой смрад, что никто не решался к нему подойти, до тех пор пока он совсем не сгнил. Когда же подошли и дотронулись до скелета, то он рассыпался в прах.

Но Страшеглав не ушел окончательно из этого мира. Подобно ядовитому змею, дух его поселился в земле, там он и ползал, копя силы и наполняясь злобой.

Помимо того он вселялся и в тех несчастных, которым доводилось жить в его недостроенном адском дворце. И такова была злоба этого духа, что всякий, в кого он вселялся, в скором времени как бы сгорал изнутри и умирал в страшных мучениях.

Но главной целью Страшеглава была все-таки лесная колокольня. С помощью магии он призвал целый легион адских духов, и они вселились в деревья, которые окружали колокольню. Некогда чудесный лес превратился в жуткое, опаснейшее место.

Представьте мою боль: я видел, как люди шли, чтобы обрести душевную гармонию среди этих стен, а обретали страшную погибель на лесных тро-



пах. Я пытался предупредить их, но все тщетно — я был ограничен пределами колокольни.

Дальнейшее вам известно. Ведущая сюда тропа заросла и забыта. Колокольня медленно вырастает в землю.

Но дух Страшеглава жаждет скорейшего разрушения моей постройки. Как только падут эти стены, он сможет достроить свой адский дворец и вернется в мир живых более могучим, чем когда бы то ни было. И тогда воистину темнейшие времена настанут для всех живущих и много крови прольется.

* * *

Такими словами закончил свой рассказ призрак Никиты Афанасьевича.

— Если даже в меня вселился некий адский дух, то как бы я смог разрушить колокольню? Мне кажется, силенок не хватило бы. Здесь стены — ого-го! — нарушил молчание Юра.

— Поверь, если бы адский дух полностью завладел тобой, то ты нанес бы колокольне очень большой ущерб.

— Ладно, но я хочу предупредить: в колокольне уже нечисто!

— Ты имеешь в виду то темное, что встретилось вам на пути в звонницу и так вас напугало?

— Да!

— Так вот, тот, кого вы встретили, носит очень симпатичное имя, Барабашка. Когда-то он служил Страшеглаву, но не очень-то преданно, ибо был скорее шалуном, а не закоренелым злодеем. И мне удалось переманить его на свою сторону.

— Неужели это возможно? — изумился Юра. — Ведь он же — адский дух!



— Ну и что из того? Ведь кого-то можно совлечь со светлого пути, а кого-то и с темного. Барабашка служит мне с такой же преданностью, как хороший пес служит своему хозяину. И он обрел прощение.

— И что же входит в его обязанности? — поинтересовалась Уля.

— Ну, во-первых, он стучит в колокол. Как вы уже заметили, колокольные удары отпугивают нежить. А во-вторых, развлекает меня...

— Развлекает?

— Ну да. Не так уж интересно столько лет сидеть здесь в одиночестве и никого не слышать.

— И как же он вас развлекает? — спросил Юра.

— В основном всякими житейскими историями. Очень, кстати, поучительными. Но сейчас у нас разговор не об этом. Знаете ли вы, что ваши родители уже очень волнуются?

— Догадываемся.

— А хотели бы вы попасть домой?

Ребята энергично закивали головами и уже представляли, что призрак одарит их ковром-самолетом или вообще — просто моргнет глазом, и они окажутся в своих кроватках.

Но призрак прочел их мысли:

— Нет-нет. У меня нет ковра-самолета, и вообще придется вам возвращаться в город на своих двоих.

Ребята печально вздохнули, а Юра промолвил:

— А сможем ли? Пропустит ли нас лес?

— Так просто не пропустит. Вам придется пробиваться, — ответил хранитель колокольной.

— Быть может, вы подарите нам какое-нибудь оружие? — робко поинтересовался Юра.

— Ну, разве что это...





Никита Афанасьевич бесшумно проплыл к сундуку, который стоял в углу. В сундуке на алой подушечке лежал колокольчик, чем-то похожий на те колокольчики, которые вешают первого сентября на шею первоклассников.

— К сожалению, у меня только один такой колокольчик, — сказал Никита Афанасьевич, передавая его Юре. — Так что вы идите, взявшись за руки. Слышите? Как только почувствуете, что нежить к вам приближается, звоните в колокольчик — нежить его звонка, как зверь огня, боится. Недаром сделан он из того же металла, что и большой колокол...

— Спасибо вам огромное, — кивнул Юра. — А теперь, наверное, нам надо утра дожждаться, да?

— Пожалуй, — кивнул Никита Афанасьевич. — А спать вы уляжетесь прямо здесь, в пыли. Не бойтесь: она мягкая, и спать на ней приятнее, чем на любой перине.

Но ребятам так и не довелось поспать. Только они прилегли, как сзади раздался шорох. Юра с Улей обернулись и увидели нечто черное, с огромной зубастой головой, которая вместе с тем была и туловищем. Прямо из этой головы росли два огромных крыла.

Чудище нахально лыбилось, а изо рта у него торчали два огромных клыка.

* * *

— Вот это и есть Барабашка, — представил Никита Афанасьевич гостя.

Чудище громко рыгнуло, выпустив изо рта огромное облако дыма, и уставилось на ребят. Юра с Улей закашлялись.



Чудище громко рыгнуло, выпустив изо рта огромное облако дыма,
и уставилось на ребят.



— Очень приятно... — сказали они, потирая глаза от едкого дыма.

Из воздуха перед ртом Барабашки материализовалась огромная сигарета, он затянулся, а затем, выдохнув еще одну солидную тучку, обратился к Никите Афанасьевичу:

— Босс, у нас неприятности.

Никита Афанасьевич пригладил свою белую бороду и сурово заметил:

— Во-первых, прекрати называть меня боссом!

— Так точно, шеф! — поправился барабашка.

— И не шеф! — праведно возмутился Никита Афанасьевич.

— Ну, а как же? — недоумевало курящее чудище.

— Просто по имени-отчеству.

— А как вас зовут?

— Не паясничай! — строго сказал Призрак.

— Я забыл! Так как же?! — настаивал Барабашка.

Тут сверху раздался грохот.

— Никитой Афанасьевичем меня зовут, — терпеливо произнес призрак.

— Слишком сложно. Буду звать вас сокращенно, Н.А. Итак, Н.А., у вас есть ко мне еще какие-то претензии?

— О, да! Прекрати курить! Немедленно! — Никита Афанасьевич начинал сердиться.

— О-о, слушаю и повинуюсь!

Сигарета выплыла изо рта Барабашки, поднялась под потолок, где сложилась в значок «Курить запрещено» и сгнула без следа.

— Ладно, а теперь, наконец, говори, что случилось, — потребовал Никита Афанасьевич.

— Видите ли, патрон... э-э, Н.А., просто Н.А. Итак, Н.А., плохи наши делишки. Все эти злючки-



колючки разбушевались сегодня не на шутку. Такой, понимаете, штурм устроили. Многие из них погибли, но все-таки пробили брешь в стене.

Тут Никита Афанасьевич вскочил, засиял ярко и прокричал:

— То есть ты хочешь сказать, что они уже внутри?

— О, да, мой разъяренный товарищ!

— Прекрати, — приказал призрак.

— О, да, мой Н.А.! Они уже внутри! — поправился Барабашка.

— Так что же ты не звонишь в колокол?

— Как же я могу звонить в колокол, когда я здесь и предупреждаю вас об опасности?

— Хорошо. Ты предупредил, а теперь лети и звони... Хотя, нет, подожди. Я сам буду звонить, а ты проводи этих ребят по тайному ходу.

— О, с удовольствием. Мне провести их к ловушке с шипами или к бездонной яме, о добрейший и справедливейший Н.А.?

— Нет, нет, Барабашка, проводи их, пожалуйста, к выходу, — устало вздохнул Никита Афанасьевич и обратился уже к ребятам: — Вы его не бойтесь. Он дальше подобных глупых шуточек никогда не заходит.

— Да мы и не боимся, — сказал Юра.

— По крайней мере Барабашку, — добавила Уля.

— Очень даже зря. Я страшный и ужасный. Я очень-очень злой, — серьезным тоном заявил Барабашка.

— Замолчи! — повелел Никита Афанасьевич и махнул в сторону Барабашки рукой.

В результате чего рот Барабашки оказался залеплен. Теперь он не мог говорить, зато корчил всякие



уморительные рожицы, которые совсем не подходили к случаю.

— Похоже, в этот раз нечисть решила довести дело до конца. — повернувшись к ребятам, сказал Никита Афанасьевич.

И тут, словно в подтверждение его слов, сверху раздался очень сильный удар, и потолок гробницы содрогнулся. Никита Афанасьевич мрачно заметил:

— Очень может быть, что до следующего утра колокольня будет разрушена.

— Как? — изумился Юра.

— Мой противник Страшеглав становится все сильнее. Вместе с тем и его слуги наглеют. Это воля Страшеглава подгоняет их на штурм.

— Но ведь мы можем помочь вам? — поинтересовалась Уля.

— Вы? — Никита Афанасьевич задумался. — Да, пожалуй, но... я не могу вам этого доверить! — закончил он неожиданно резко.

— Почему это? — обиженно проговорил Юра.

— Потому что это грозит вам гибелью. Могут ли я рисковать вашими жизнями?

— Нам и так грозит гибель — заметила Уля.

— Ты права, — вздохнул Никита Афанасьевич. — И не только вам, но еще многим людям. Ладно, слушайте меня. На самом деле душа Страшеглава уже давно должна была гореть в аду, но дело в том, что незадолго до смерти он прочитал страшное заклятье и вынул из своей груди сердце. При этом ничего в нем не изменилось, так как его и без того многие звали бессердечным демоном. И заключил он свое сердце в черный камень, а камень убрал в огненный ларец, который спрятал в тайни-



ке, в подземелье своего адского дома. Но ежели найти тот ларец и камень тот разбить...

Страшной силы удар снова обрушился на колокольню. По потолку над головами Юры и Ули поползла трещина. Никита Афанасьевич нахмурился и закончил:

— И ежели камень разбить, то канет Страшеглав навеки в геенну огненную, и вся его нежить вместе с ним сгинет. Вот и все, что я могу вам сказать. Вы ведь знаете, что это за адский дом, не так ли?

— Да уж, — вздохнул Юра. — Но все же мы пойдем туда. Прямо вот сейчас и пойдем.

И несмотря на крайне напряженную обстановку, зевнул. Глядя на него, зевнула и Уля.

— Вы давно не спали, и вам нужен отдых, — промолвил трагично Никита Афанасьевич.

— Не нужно нам никакого отдыха! Мы вам обязательно поможем, — возмутился Юра и опять зевнул.

— Ладно, сейчас будет вам жидкость чудотворная...

Тут Барабашка отплюнул зеленую пленку, которая стягивала его рот и тут же затараторил:

— Сейчас шеф приготовит суперантиснотворное, но слабонервным просьба не смотреть. Зрелище жестокое и кровавое. Слышите: детям до шестнадцати просмотр запрещен, так что отвернитесь или закройте глаза.

Никита Афанасьевич был так поглощен предстоящим действием, что даже не сделал замечания Барабашке. Он громко и торжественно произнес несколько непонятных слов, после чего... вынул свои глаза и...

— Ой! — вскрикнула Уля.



— Я предупреждал, а вы не послушались! — насмешливо завизжал Барабашка. — Ваша неокрепшая детская психика не выдержит этого!

Неизвестно откуда в руках у ребят появились два бокала. Никита Афанасьевич вытянул к бокалам кулаки, в которых были его глаза, и сдвигал их. Засочилась странная зеленоватая жидкость.

Юра и Уля содрогнулись от отвращения.

— Если у вас появились позывы к рвоте, то вот вам пакетики, — сказал Барабашка и протянул им два больших картонных пакета.

— Спасибо, не надо, — сдержанно проговорила Уля.

Никите Афанасьевичу показалось, что эти слова обращены к нему, и он обиженно спросил:

— Что — не хотите? А ведь, между прочим, это лучшее средство против сна.

— Да мы не вам — Барабашке, он нам пакеты предлагает, — произнесла Уля и поднесла бокал к губам.

От зеленоватой жидкости исходил крайне неприятный запах, к тому же жидкость булькала и слегка шевелилась, так что и Юра и Уля подумали, что предложенные Барабашкой пакетики очень даже могут понадобиться. Но и Никиту Афанасьевича они не желали обижать, так что сосчитали до трех и одним залпом осушили содержимое бокалов. И, надо же, жидкость по вкусу напоминала апельсиновый сок.

— Ну, как? — осведомился Никита Афанасьевич.

— Вкусно, — сказал Юра.

— Очень понравилось. Большое спасибо, — поблагодарила Уля.



А Барабашка сказал обиженно:

— Вот так всегда! — затем надул картонные пакеты и лопнул их с таким грохотом, будто стрельнул из двустволки.

— А как же вы теперь без глаз? — спросила у Никиты Афанасьевича Уля.

— Да, да, шеф, босс, патрон, начальник, Н.А., как же вы теперь без глаз?! — захихикал Барабашка.

Но в глазницах у Никиты Афанасьевича уже появились новые глаза, которые ничем не отличались от прежних.

В это время потолок раскололо еще несколько трещин, и в них просунулись хищно-извилистые, злобно шипящие корни.

— А! — закричала Уля и спряталась за Юриной спиной.

Мальчик понимал, что ничего с этими чудовищными корнями он сделать не может, просто потому, что у него мало сил, но все же вытянул перед собой руки, пытаясь оградить свою подругу.

Руки Юры тряслись, а вместе с ними затрясся и волшебный колокольчик, про который мальчик совсем забыл. Чистый, мелодичный перезвон наполнил воздух. Вползающие сквозь стены корни тут же сжались и черными, безжизненными ошметками попадали на пол.

— А теперь идите, — промолвил Никита Афанасьевич. — Надеюсь, что до рассвета мне удастся продержаться. Барабашка, проводи ребят.

Призрак Никиты Афанасьевича вздрогнул и превратился в подобие светящегося паруса. Этот «парус» изогнулся и проплыл вверх через трещину в потолке. И тут же усилился грохот и яростные вопли нежити над их головами, но над всем этим гла-



венствовал звучный голос Никиты Афанасьевича, который читал какие-то заклатья.

Ну а на Барабашке появилось лакейское одеяние позапрошлого века. Огромная шляпа венчала его необъятную, ухмыляющуюся физиономию. Он стремительно прошвырнулся к дальней стене, где нажал на крылышко в барельефе одного ангелочка. В результате этого в стене открылся потайной ход.

— Прошу, господа хорошие! — склонился в изящном поклоне Барабашка.

Тогда Уля шепнула Юре на ухо:

— Теперь я понимаю, почему Никита Афанасьевич его при себе держит.

— Угу, — согласно кивнул мальчик. — С ним точно не соскучишься.

Глава VI

СМЕХ И СЛЕЗЫ

Они пошли по тайному ходу. Потолок, пол и стены были каменными и очень низкими. Приходилось идти согнувшись. Барабашка летел перед Юрой и Улей и говорил:

— Такие хорошие, такие аппетитные ребятки. Даже жалко вас покидать!

— А вы, что же, покинете нас? — огорченно спросил Юра, которому вовсе не хотелось расставаться с Барабашкой.

— Да ты что! — шикнула на него Уля. — Конечно, он нас покинет и вернется к Никите Афанасьевичу. Они вместе будут оборонять колокольню.

Барабашка повернулся к ним, однако продолжал парить вперед по тайному ходу. Он спросил очень серьезно:



— Как вы думаете, какое занятие самое скучное на свете?

— Э-э, ну, наверное, когда убивают время, — предположил Юра. — Ведь это так скучно и так страшно — тратить без всякого толка часы, которыми цены нет.

— Уф-ф-ф! — из ушей Барабашки повалил алый дым. — А ты — философ! Самое скучное занятие — это оборона колокольни. Нет, ну вы только представьте себе: целую ночь метаться взад и вперед, читать всякие дурацкие заклятья, трезвонить в колокол и прочее, и прочее, и прочее... — Барабашка шумно зевнул и осведомился: — Кстати, вам спать не хочется?

— Нет. Совсем не хочется! — хором ответили ребята.

— Ну, значит, антиснотворное шефа работает. Кстати, приготовлено исключительно из натуральных веществ и не является наркотиком. Предлагаю организовать фирму: «Глаза Н.А.». Мы будем выжимать...

— Прекрати! — взмолилась Уля.

— Хорошо, хорошо. Так у нас был спор о том, идти мне с вами или помогать Н.А. в обороне колокольни. Как я уже говорил: оборона — занятие исключительно скучное и ничего, кроме зевоты, не вызывает. С другой стороны, прогулка с вами — дело очень приятное. В общем, давайте бросим жребий. У вас есть монетка?

— Нет, — ответили Юра и Уля.

— Вот и у меня нет, — вздохнул Барабашка. — Так что бросим голову. Орел — иду с вами, решка — иду оборонять колокольню.



— Что... голова... а где орел? — растерянно пробормотал Юра.

— Ну, естественно: если глаза вверх — значит орел, — заявил Барабашка.

Затем шаловливый призрак элегантно жестом снял с Юриных плеч голову, отчего мальчик быстро заморгал глазами и спросил:

— Что происходит?

— Ничего особенного, — хмыкнул Барабашка и легонько подбросил «монетку».

Голова быстро завращалась и плюхнулась бы на пол, если б Уля ее вовремя не поймала. Юрины глаза смотрели прямо на Улю.

Мальчик так ничего и не понял и бормотал:

— В чем дело?

— Орел! Орел! — радостно завопил Барабашка. — Значит, иду с вами!

— Но... — начала было Уля, на что Барабашка возразил:

— Никаких «но». Иду с вами, и точка!

И вместе со словом «точка», он установил Юрину голову на место, то есть на плечи.

— Что это было? Я, кажется, летал? — вымолвил мальчик.

— Твоя голова летала! — захихикал Барабашка.

— Что? Я ничего не понимаю!

— Лучше и не понимать, — вздохнула Уля. — Он совсем того! — девочка кивнула в сторону Барабашки и выразительно покрутила пальцем у виска.

— Но-но, попрошу без оскорблений! — вскричал Барабашка. — За оскорбления я вызываю на дуэль. На дуэли я мечу громы, а у вас какое оружие?

— О-о, как же он мне надоел! — застонала Уля.

— Надоел, надоел, — проворчал Барабашка. —



Я обижен. Поэтому я умолкаю. Имейте в виду, я буду молчать целую минуту!

Ровно через минуту они дошли до каменной плиты, которая перегораживала ход. Барабашка просочился через камень и тут же вернулся, но уже в военной, маскировочной форме и проговорил:

— Разведка докладывает: на той стороне враг не замечен, так как отвлечен на объект Л.К.

— Чего? На какой еще объект? — спросил, потирая шею, Юра.

— Объект Л.К. — Лесная Колокольня, — пояснил Барабашка. — Кстати, если врагов поблизости нет, это вовсе не значит, что они испарились. Скорее всего, они коварно набросятся из засады. Поэтому мы должны быть наготове. А быть наготове — значит быть во всеоружии.

Ребята взглянули на своего проводника и обнаружили, что он весь с ног до головы обвешан всевозможным оружием. Чего на нем только не было: и шестиствольный пулемет, и огнемет, и ракетная установка, и набор гранат (в том числе и противотанковых), и ножи, и пистолеты с глушителем, и даже отбойный молоток, лом и лопата. Барабашка едва удерживался в воздухе от тяжести всего этого арсенала.

Зрелище было настолько уморительным, что Юра рассмеялся, а Уля... Впрочем, она тоже улыбнулась, хотя ей, вообще-то, совсем не хотелось улыбаться.

— Ну, вот так: с песней да с улыбкой в битву! — рассмеялся Барабашка и легонько нажал на выступ в потолке.

Загораживавшая проход плита отодвинулась в сторону, и оттуда вылезла огромная премерзкая фи-



зиония. Это была нижняя часть подвижного демонического дерева.

— Кажется, я ошибся, — пробормотал Барабашка. — Коварный враг уже подполз к нашему укрытию.

— Ну, и что мы будем делать? — спросил Юра.

— Не знаю, — дрожащим голосом отозвался Барабашка.

— Так где же твои шуточки? — поинтересовалась Уля.

— Какие шуточки?! Мне дурно! Воды мне! Воды! Полцарства за стакан воды! — с этими словами Барабашка грохнулся в обморок.

Древообразное чудище зарычало и потянулось к ним склизкими корнями. Уля и Юра бросились назад, но было поздно: отростки обмотались вокруг их тел и уже затягивали ребят в извергающую сильный смрад глотку.

Опутались щупальца и вокруг Барабашки, отчего все грозное оружие, висевшее на этом веселом призраке, бесследно исчезло.

— Так я и думала. Это была всего лишь иллюзия, — сокрушенно вздохнула Уля.

Тут Барабашка очнулся, взглянул на чудище, которое тащило их в свою вечно голодную глотку, и проговорил слабым голосом:

— Ах, мне страшно! И мы капитулируем! Никто не против капитуляции?!

— Мы против! — хором крикнули сильно сжатые корнями ребята.

— Итак, единогласно! — констатировал Барабашка, тут же у него в его лапе появился белый платок, которым он усиленно начал размахивать, выкрикивая: — Капитуляция! Капитуляция! Куда же



нас тащите?! Неужели вы хотите нас скушать?! Но ведь я совсем несъедобный, а в этих ребятках — кожа да кости! Нет, ну вы только взгляните на них: разве же можно наестся такими вот цыплятами?..

Но чудище оставалось совершенно безучастным к крикам Барабашки и продолжало тянуть их к своей жадно чавкающей пасти.

Тогда Барабашка заговорил голосом весьма и весьма торжественным:

— Постойте, у меня для вас есть кое-что от самого Страшеглава!

В это мгновение небо рассекла яркая молния и громыхнул сильный раскат грома. Физиономия чудища изменилась.

— Кажется, оно заинтересовалось, — шепнула Уля.

— Еще бы, — тоже шепотом отозвался Юра. — Ведь Страшеглав всеми ими верховодит.

И чудище издало звук: «Эр-р-рры?!», который можно было расшифровать как «Ну же, говори?!», на это Барабашка отозвался:

— Э-э, нет — только на ухо, пожалуйста.

Чудище потянуло Барабашку к своему древесному уху, а ребят — в пасть.

— Нет, пожалуйста. Как раз касательно этих ребят и есть дельце, — заявил Барабашка.

— Э? — недоверчиво переспросило чудище.

— Да-да, а ты, кажется, сомневаешься?! — выкрикнул Барабашка. — Я что, не похож на одного из ваших?!

И он показал длинные вампирские клыки. Этот аргумент окончательно убедил чудище, и оно приготавлилось слушать.

Барабашка наклонился к уху чудища и быстро-





быстро начал что-то ему нашептывать. Так как шел сильный ливень, ребята почти ничего не слышали. Но поняли, что Барабашка рассказывает древообразному собеседнику анекдоты. Они сыпались из Барабашки как из рога изобилия, причем были далеко не лучшего качества.

Но и этого лесному чудищу вполне хватало. Не прошло и минуты, как оно издало такой звук, будто у него внутри перекачивалась огромная ржавая бочка — этот звук символизировал хохот.

Чем дальше Барабашка травил анекдоты, тем сильнее хохотало древообразное чудище. От его хохота даже не было слышно новых раскатов грома.

Причем чудище не только заливалось диким смехом, но еще и размахивало своими отростками, отчего Юра и Уля чувствовали себя как на аттракционе.

Вдруг лапы хохочущего дерева разжались, и ребята полетели вниз. Плюхнувшись в грязь, они покатались по земле и, наконец, остановились на изрядном расстоянии от чудища.

Юра медленно поднялся и тут увидел перед собой нечто такое, отчего закричал на весь лес:

— А!

— А! — крикнуло то, что увидел мальчик, и Юра понял, что это была перепачканная в грязи Уля.

— Ты — цела? — спросил Юра, как только пришел в себя.

— Угу, — кивнула девочка.

Древообразное чудище до сих пор хохотало. Правда, его смех едва-едва доносился до ребят. Вспыхивали молнии, высвечивая жуткий, перекошенный лес. И повсюду чувствовалось движение, отовсюду грозила опасность.

— Юра, мне опять становится страшно, — при-



зналась Уля. — С тех пор, как мы познакомились с Барабашкой, я почти не испытывала страха. Хотя, конечно, нас окружали очень страшные вещи. Одно это чудище, которое едва нас не съело: такого ни в одном фильме ужасов не увидишь.

— Еще бы! Ты сравнила: фильм и настоящую жизнь.

— Ты прав, в жизни всегда страшнее. Но рядом с Барабашкой я чувствовала себя защищенной. Все-таки он славный, хотя и надоедливый. В общем, я уже соскучилась по нему...

— И я, — вздохнул Юра. — Как думаешь: долго он будет анекдоты рассказывать?

— Кто его знает: может, до самого утра.

— Вот и я так думаю. А нам ни минуты нельзя терять. Ведь мы до утра должны пробраться в дом Страшеглава. Так что пошли.

— Только куда идти-то? — задумалась девочка. — Вдруг мы вернемся к колокольне?..

— Мы должны определить, с какой стороны доносится хохот чудища, — рассудил Юра. — Оно оставалось возле колокольни, поэтому выбираем противоположное направление.

Но демонические деревья так дробили отголоски чудовищного хохота, что совершенно невозможно было определить, с какой же стороны он исходит. Казалось, хохотало-гоготало со всех сторон.

— Ну что ж, в таком случае нам остается просто наугад избрать направление и идти, — сказал Юра.

Он ткнул пальцем в сторону, откуда хохот, по его мнению, доносился чуточку слабее, и они с Улей побежали.

Просто невозможно было находиться в этом отравленном лесу. Он давил, мучил, терзал, сводил с ума.



Ребята бежали минуту или две, но тут поняли, что хохот не только не смолкает, но становится сильнее. Юра и Уля остановились.

— Видимо, избранное нами направление оказалось неверным, — заметил Юра. — Из этого следует вывод, что, если сейчас мы побежим в противоположную сторону, то точно будем отдаляться от колокольни и приближаться к городу.

Так они и сделали — припустили в обратную сторону. Но хохот продолжал усиливаться.

— Быть может, ОНО идет за нами?! — воскликнула Уля.

Ребята вновь остановились и прислушались. И тут им почудились тяжеленные шаги.

— Идет, — прошептал Юра.

Мальчику и девочке стало так страшно, что они уж и слова не могли вымолвить. Они побежали куда-то, не разбирая дороги, а в их головах метались и спутывались обрывистые мысли: «Идет! Настигает! Сейчас схватит! Уже рядом!..»

А шаги действительно становились все более мощными. Под чьей-то чудовищной поступью сотрясалась земля. И не оставалось уже никакого сомнения, что ребята будут схвачены и поглощены.

Юра и Уля задрожали и повалились на размытую дождем землю. Две минуты пролежали они, не смея пошевелиться. Но вот мальчик чуть приподнял голову и промолвил:

— Кажется, никого не слышно?

Уля тоже посмотрела вокруг и прошептала:

— Точно. Даже дождь не шуршит. Что это значит, Юра?

— Действительно, отчего такое безмолвие? — задумчиво произнес мальчик.



И тут они явственно почувствовали, что рядом в темноте кто-то есть. И этот кто-то следит за ними.

— Б-быть м-может, это Б-барабашка? — заплетаящимся языком пробормотал Юра.

— Эй, Барабашка, это ты? — тихонечко позвала Уля.

Напряжение и ужас нарастали. И вот Юра вымолвил голосом совсем уж тихим и жалким:

— Нет — это не Барабашка.

— Не он, — помертвев, произнесла Уля.

И вдруг что-то резко и неожиданно полыхнуло рядом. Ребята посмотрели туда, где была вспышка, и увидели буквально в двух шагах от себя несколько существ, представляющих собой нечто среднее между людьми и демоническими деревьями. В их лицах читалась такая злоба, что не оставалось никаких сомнений — пощады от таких ждать не стоило, и в переговоры вступать бесполезно.

Еще раз полыхнула молния, и ребята заметили, что злобные твари приближаются.

Тогда Юра выхватил волшебный колокольчик и начал им трясти. Раздался мелодичный звон, а вместе с ним послышался и болезненный вопль. От ближайшего к Юре чудища повалил дым.

— А-а, не нравится! — обрадовался мальчик.

Он начал наступать вперед и все сильнее звонить колокольчиком.

— Бегите и трепещите, жалкие твари! Вот вам! Вот! Ха-ха!! — кричал Юра.

— Осторожнее! — предупредила Уля, но мальчик слишком увлекся и уже не обращал внимания на ту, в глазах которой он хотел выглядеть героем.

Он отогнал некоторое количество тварей назад, но не заметил, что другие зашли к нему сзади. И вот



на Юрину спину пришелся удар такой силы, что мальчик сразу повалился на колени, и его колокольчик вывалился из ослабевших рук. Через мгновение спасительный подарок Никиты Афанасьевича был втоптан в грязь крючковатыми ступнями чудиш. А Юра готовился получить следующий сокрушительный удар, от которого ему наверняка бы уже не удалось оклематься.

И тогда Уля метнулась к другу и буквально протащила его между лапищ нависших над ним чудиш. Ребята покатались вниз по грязевому склону, боясь оглянуться назад.

Однако при вспышке очередной молнии мальчик и девочка заметили, что злыдни больше не преследуют их, они остановились у начала склона и, сждаемые дикой яростью, только бесцельно махали своими клешнями, шелкали мощными челюстями и смотрели на ребят выпученными черными глазами.

— То-то же! Вот и стойте там! — крикнул Юра и показал чудищам кулак.

Но тут Уля вскрикнула и схватила его за руку.

— Ты только посмотри, куда мы катимся... — в ужасе закричала она мальчику.

Юра посмотрел вперед.

Тут полыхнула яркая молния и очень хорошо высветила, куда их несло. Впереди был глубокий овраг с отвесными склонами.

— В такой свалишься, и костей не сосчитаешь! — крикнул Юра.

Они попытались ухватиться за что-нибудь, но как назло ничего подходящего не было. Ни корешков, ни бревен, только скользкая земля, в которую невозможно было упереться ни руками, ни ногами.

И тут раздался свист, и что-то большое и тяжелое плюхнулось перед Юрой и Улей.



— Барабашка! — радостно воскликнул мальчик.

— Барабашка, кажется, я тебя сейчас расцелую! — крикнула Уля.

Это действительно был помощник Никиты Афанасьевича. В руке он держал пачку светящегося поп-корна и, поедая его с громким чавканьем, приговаривал:

— Какой интересный аттракцион, не так ли, мои дорогие друзья? Прямо американские горки. Кстати, я не против поцелуя, но предупреждаю: девушки тают от моих поцелуев. Причем в буквальном смысле. Ведь у меня на губах серная кислота.

— Тогда как-нибудь в другой раз! — улыбнулась Уля.

— Она уже влюбиться успела!.. И в кого, — прошептал Юра.

— В совершенного джентльмена! — воскликнул ушастый Барабашка и немедленно «переоделся» в роскошный пиджак и галстук.

— Очаровательно! — воскликнула Уля, оценив наряд новоиспеченного джентльмена.

Барабашка смущенно прокашлялся и проговорил:

— Итак, что мы имеем?

— Овраг, — подсказал Юра.

— Совершенно верно. Овраг, — согласился Барабашка. — Причем расстояние между нами и оврагом неуклонно сокращается. Вопрос второй: что вас ждет на дне оврага?

Ребята промолчали.

— Смерть, — неожиданно серьезным тоном проговорил Барабашка.

— Да ты что! — испугался Юра. — Ведь ты нас можешь спасти? Ведь ты легко всякие вещи из воз-



духа берешь. Так наколдуй какой-нибудь ковер-самолет или хотя бы парашют.

— К сожалению, как уже прежде заметила Уля — это всего лишь иллюзия, а не настоящие вещи, — вздохнул Барабашка. — На дне же этого оврага течет река, причем не совсем обычная. В ней журчит не вода, но черное, тягучее зло. Эта река ждет жертв и, раз схвативши, уж не выпустит вовеки. Но я вас сейчас спасу...

— Спасешь все-таки? — обрадовался Юра.

— Да, да, ребятки. И даже на шутки времени не осталось. Вот что: вставайте-ка ко мне на пузо.

И тут Барабашка изменил свою форму. Теперь он походил на огромный лапоть. Юра и Уля перебрались на дно этого лаптя. Гулкий голос Барабашки раздавался у них из-под ног:

— Сейчас мы полетим вниз, но вы не бойтесь, не дергайтесь, иначе можно перевернуться.

— Но с тобой-то все будет хорошо? — спросила Уля.

— О, за меня не волнуйтесь!

И тут они подкатились к краю оврага.

Лапоть-Барабашка полетел вниз. Вспыхнула молния, и ребята увидели, что они стремительно приближаются к реке с угольно-черной поверхностью. Эта поверхность бурлила, из нее выступали злобные, отнюдь не человеческие лики, тянулись оттуда руки, щупальца, клешни и еще черт знает что.

Зрелище было настолько жутким, что и Уля и Юра закричали.

— Главное, не дергайтесь, — сдавленным голосом пробормотал Барабашка.

В следующее мгновение они ударились о klo-



чушую поверхность. Точнее ударился Барабашка — он смягчил падение и сделал так, что ребята не разбились.

Неистовая река подхватила лапоть-Барабашку и, закрутив, понесла его куда-то с невероятной скоростью. Вдруг раздался стон Барабашки.

— Что с тобой? — испуганно спросила Уля.

— Ничего... просто... щекотно... сейчас... увидите... корень... хватайтесь... за... него...

Ребята действительно увидели большой корень, который свисал с выступающего берега. Мальчик и девочка ухватились за его крепкий шероховатый конец, и Барабашка из последних сил успел шепнуть колдовские слова. Корень ожил и потянул ребят вверх. Яростная масса за спиной Юры и Ули взвыла, бессильно заклокотала, но уже не смогла их достать.

Однако Барабашке спастись не удалось, черная река разорвала его на части и поглотила.

— Барабашка! — отчаянно закричала Уля.

Руки девочки разжались, и если бы Юра не подхватил ее, Уля бы тоже свалилась в реку, и все закончилось бы более плачевно.

Но корень вытянул ребят на берег, и они оказались спасены.

Глава VII

СНОВА В ПРОКЛЯТОМ ДОМЕ

Некоторое время Юра и Уля просидели под извилистыми корнями какого-то старого, кривого, но отнюдь не демонического дерева. Мальчик держал девочку за руку, а она уткнулась лицом в его плечо и рыдала.



Наконец Уля подняла свое заплаканное лицо, вытерла слезы и промолвила:

— Ну, что ж, хотя мои часы сломались, я чувствую, что до рассвета осталось не так много, нам надо поторопиться. А Барабашку все равно уже не вернуть.

— Да. Сейчас пойдем, — сказал Юра, но не двинулся с места. Краем глаза он заметил какое-то движение.

Мальчик быстро повернул голову, однако никого не увидел.

— Мы здесь не одни, — шепнул он Уле.

— Неужели опять те злыдни? — испугалась девочка.

— Может, и еще кто похуже.

Тут ребятам послышался шепот.

— Слышал? — спросила Уля.

— Мне кажется, нас звали по именам.

— Да... — подтвердил Юра.

— Пойдем отсюда скорее, — заторопилась девочка.

Юра схватил подругу за руку и поскорее потащил ее прочь от дерева. Но тут сквозь шелест дождя отчетливо послышался шепот:

— Стойте!

Юра вздрогнул и пробормотал:

— Вот еще! Сами стойте, а нам не мешайте. Навязались на наши головы...

Они пошли еще быстрее, но шепот прозвучал еще настойчивее:

— Назад!

— И не подумаем! — выкрикнул Юра и вместе с Улей бросился вперед.

И тут, обгоняя их, в воздухе заструились призра-



ки. Ребята узнали их: это были те люди, которые были поглощены лесом на пути к лесной колокольне. Все они излучали синеватое свечение, и все они шептали единым хором, словно были одним существом:

— Куда же вы бежите?! Ведь впереди овраг...

И в том свечении, которое исходило от призраков, Юра увидел, что они избрали неверное направление и бежали обратно к оврагу, на дне которого клокотала черная река. Еще один шаг, и ребята упали бы обратно в разъяренную пучину.

— Спасибо, что предупредили, — пробормотала Уля.

— Спасибо, — кивнул Юра. И они медленно начали пятиться назад.

— Не за что, — раздался со всех сторон шепот. — Ради вас мы на любые жертвы готовы, ведь вы — наша единственная надежда на спасение. Нам все известно. Вы должны отыскать погибель Страшеглава. И если вам это удастся, мы получим освобождение. Мы вас можем до самого его дома довести; но внутрь не пойдем...

— Очень хорошо, — обрадовался Юра.

— Огромное спасибо, — кивнула Уля. — Без вас мы бы очень долго путь искали.

И ребята заспешили за своими призрачными проводниками.

* * *

Проклятый дом предстал пред ними столь неожиданно, и был он таким противоестественным, таким искаженным, что в первое мгновение Юре и Уле показалось, будто они оказались перед главным и злейшим из всех чудищ, быть может, — пе-



ред самым владыкой ада. Он восстал из ночи, из переплетения мокрых, колючих кустов. Он возносился куда-то вверх, и невозможно было понять, где его пределы. От его перекошенных, сдавленных и вытянутых форм начинала болеть голова, и темное, беспросветное отчаяние заполняло душу.

Из каждой трещины дома, из каждой глазницы-окна, из каждого ободка, выступа и впадины исходило свечение, едва приметное и совсем неопределенное по своему цвету, но от него начинали слезиться глаза и слабели ноги.

Проводники Юры и Ули мучительно застонали и отступили назад.

— Здесь мы вас покинем, — прошептали они. — Поспешите и будьте осторожны. Лесная колокольня рушится, а Страшеглав набирается сил.

После этого призраки исчезли.

* * *

Несмотря на то, что времени оставалось мало, Юра и Уля подползали к дому очень медленно. Они таились за кустами, прятались в овражках. Они были такие грязные и мокрые, что внешне напоминали каких-то ужасных тварей, схожих со слугами Страшеглава.

Ребята чувствовали, что дом уже следит за ними. Следило каждое окно, каждая трещина, каждый уступ и карниз.

Но все же Страшеглав, который верховодил всей этой громадиной, был отвлечен разрушением лесной колокольни, а ребятам все-таки удалось беспрепятственно добраться до крыльца дома.

Возле него они остановились, и Юра зашептал:



— Здесь каменные демоны сидят. Они и днем-то как живые, а сейчас наверняка не дадут нам пройти.

И в подтверждение этих слов с крыльца раздалось угрожающее рычание, и в темноте зашевелилось два массивных крылатых силуэта.

— Значит, нужно искать другой путь, — промолвила Уля.

И ребята поползли вдоль источающей сияние, растрескавшейся стены. В головах звенело, мысли путались. И вдруг Юра начала бить судорога, глаза его закатились, а изо рта потекла пена. Тогда Уля повернула его лицом к холодному дождю и закричала громко, на ухо:

— Юра! Вернись! Слышишь?! Это я, Уля! Я приказываю тебе: вернись!..

Мальчик схватил ее за щеку и сжал с такой силой, что потекла кровь. Но Уля даже не поморщилась, она продолжала звать своего друга.

Юра весь изогнулся, да так сильно, что девочка отчетливо услышала, как захрустели его кости.

Уля продолжала звать его по имени...

Наконец Юра прекратил выгибаться, и глаза его стали прежними. Он просто лежал в грязи и дрожал.

— Не знаю, что на меня нашло, — сказал он, придя в себя. — Это все от дома. Он пытается поработить нас...

— Или просто прогнать, — вымолвила Уля.

— Да. А мы должны пробираться внутрь, — вздохнул Юра.

И они поползли дальше.

Наконец они добрались до черного входа. Как и следовало ожидать — местечко было жуткое. В широкую трещину, kloкоча, вбивалась грязь, а в глубине нависал непроглядный мрак. Но именно туда надо было попасть Юре и Уле.



Цепляясь за неровную, покрытую колючими выступами толщу расколотой стены мальчик и девочка начали пробираться в трещину. Двигаться приходилось под большим уклоном, так что ребятам едва удавалось удерживаться на ногах.

— Ничего себе стена... Я уже все руки себе изодрал... — пробормотал Юра.

— Здесь главное не сорваться, — сосредоточенно прошептала Уля. — Если покатымся вниз, то все кости себе поломаем. Ай!

Девочка воскликнула, потому что грязевой поток принес какое-то бревно, и это бревно преболно ударило ее по спине. Ладонь соскочила со скользкого нароста, за который удерживалась Уля, и девочку понесло вперед. Со всей силы она ударилась Юре в спину, а тот подумал, что на него кто-то напал, и дико закричал. Мальчик перевернулся и схватил Улю за волосы, но тут понял, что это всего лишь его подруга, и смущенно пробормотал:

— Извини. Я, кажется...

— Держись! — закричала Уля, но было слишком поздно.

Грязевой поток подхватил их и понес вниз. Они еще пытались за что-нибудь ухватиться, но слишком велика была скорость течения. Их безжалостно било о каменные выступы, так что даже искры сыпались из их глаз.

И вдруг все прекратилось.

Их вынесло к грязному, каменному берегу, находящемуся, по-видимому, метрах в тридцати под землей. Все то же свечение разливалось вокруг и слепило глаза.



— Держись! — закричала Уля, но было слишком поздно. Грязевой поток подхватил их.



— Мы здесь не одни... — прошептала Уля, когда ребята выбрались на берег.

— Что? — простонал мальчик.

— Посмотри наверх.

Юра поднял голову.

Над ними нависал полупрозрачный, склизкий овал, внутри которого можно было различить огромный, окруженный щупальцами глаз. Щупальца нетерпеливо подрагивали.

— Что будет, если оно на нас бросится... — в ужасе проговорила Уля.

— Надо отступить, — принял решение Юра.

А отступать было куда: в стене виднелось множество прямоугольных проходов; но некоторые из них начинались на высоте пяти, а то и десяти метров, поэтому было очевидно, что ребятам туда не забраться. Оставалось просто выбрать ближайший проход.

— Главное, не делать резких движений, — шепнул Юра.

И они очень медленно начали отступать. Угрожающий им овал раздулся, око внутри него стало багровым, а щупальца заметно напряглись.

— Сейчас схватит, — захныкала Уля. — Юра, ты извини, но я сейчас упаду в обморок. Я с детства боюсь всяких существ с щупальцами...

Глаза девочки закатились, и если бы Юра не подхватил ее, то она упала бы на пол. Мальчик услышал над своим затылком отвратительное булькающее урчанье и, прижимая к себе Улю, прыгнул в проход и покатился по полу. Сзади что-то грохотало, шипело и булькало, но Юра не оборачивался — просто тащил за собой ослабевшую девочку, которая едва передвигала ногами. Добравшись до пово-



рота, мальчик обернулся и увидел, что преследующая их тварь не смогла протиснуться в коридор и в бессильной ярости билась снаружи.

Юра не смог сдержаться и показал чудищу язык. В ответ на что это мерзкое животное плюнуло. Плевок проскочил в сантиметре от Юриного лица и, попав на стену, сразу разъел в ней дыру величиной метр.

— Шуток не понимает — пожал плечами мальчик и потащил свою подругу дальше.

* * *

Итак, ребята оказались в коридоре, достаточно высоком для того, чтобы они могли идти, не сгибаясь. Стены коридора были выложены сильно растрескавшейся керамической плиткой. Многочисленные грязевые и ржавые пятна покрывали пол, стены и потолок. В некоторых местах на полу были решетки, под которыми протекало, булькая, что-то темное, судя по запаху — кровь. Коридор делал частые повороты: иногда на сорок пять, иногда на девяносто градусов. И на каждом таком повороте обязательно висело кривое зеркало.

И ребята могли заметить в них свои искаженные отраженья, только в отличие от отражений в комнате смеха то, что видели Юра и Уля, не вызывало в них даже и малой улыбки.

Когда они проходили возле каждого нового зеркала, то невольно вздрагивали, им казалось, что существа, которые там сидят, собираются на них наброситься.

Уля, которая после недавнего обморока все еще пошатывалась и держалась за Юрин локоть, сказала:



— Ты только посмотри. Вон те, в зеркале — они смеются над нами...

Мальчик поглядел в очередное зеркало и обнаружил, что отраженные там премерзкие твари действительно хохочут, указывая на них своими то ли руками, то ли клешнями.

— Пошли отсюда скорее, — проговорил Юра.

Но им некуда было деться от зеркал, потому что они поджидали их на каждом повороте. А коридор все никак не кончался.

И вот, когда они проходили возле очередного зеркала, Уля поскользнулась и задела зеркало плечом. Юра попытался ее оттянуть, но ничего не получилось.

— Что такое? — спросил он.

— Оно меня не пускает! — воскликнула Уля.

И тут мальчик увидел, что Улино плечо постепенно погружается в зеркальную поверхность.

— Нет, не пойдешь! — упрямо процедил он сквозь сжатые зубы и изо всех сил, какие у него были, рванул девочку на себя.

В результате чего зеркало отделилось от стены и рухнуло на Юру. На мгновение в глазах мальчика стало совсем темно...

А потом он почувствовал, что лежит на полу. У него сильно кружилась голова, а губы были разбиты в кровь. Он попытался подняться и тут увидел Улю. Она стояла рядом и с нескрываемым любопытством наблюдала за ним.

— Уля, — слабо вымолвил он.

Она кивнула и улыбнулась.

— Помоги подняться, — Юра протянул к девочке руку.

Уля взяла его за руку и рванула мальчика вверх с



такой силой, что он невольно вскрикнул, едва не потеряв сознание. Тем не менее он оказался на ногах. Потирая ноющее плечо, Юра пробормотал:

— Могла бы и поосторожней... Мне же больно.

Но Уля продолжала загадочно улыбаться.

— Что смешного? — обиженно заворчал Юра.

И тут девочка рассмеялась. У нее был такой пронзительный смех, что у Юры заложило в ушах. Он хотел выругать ее, но не смог. Ему почему-то невыносимо страшно стало глядеть на Улю, хотя внешне в ней, казалось бы, ничего не изменилось.

Отвернувшись от нее, Юра сказал напряженным голосом:

— Ну, пойдем, что ли, дальше...

На что Уля вновь разразилась нечеловеческим хохотом. И тогда Юра понял, что больше всего на свете ему хочется бежать от этой изменившейся и словно бы обезумевшей девочки.

И, быть может, мальчик действительно бы бросился бежать, но тут его подруга впилась ему в руку и сжала ее с такой силой, что пошла кровь.

— Да ты что?! — простонал Юра, пытаясь высвободиться, но девочка держала мертвой хваткой.

И тогда Юра, все еще не смея на нее взглянуть, пролепетал:

— Так, а теперь мы все-таки пойдем. И единственная просьба к тебе: пожалуйста, не сжимай так мою руку...

Юра пошел первым, но девочка быстро его обогнала. И она уже не шла, а бежала, так что и Юре приходилось бежать изо всех сил.

— Уля, потише! Я прошу тебя! Не беги так быстро! — взмолился мальчик, но она бежала все быстрее и быстрее.



Пожалуй, никогда прежде Юре не доводилось бегать с такой скоростью. Его ноги едва прикасались к полу, а грязевые пятна, которые покрывали стены, слились в одну размытую, уродливую полосу.

А Уля бежала все быстрее и быстрее. Так не могла бегать уставшая после всех этих лесных злоключений девочка. Так вообще не мог бегать ни один человек.

Юра уже не успевал переставлять ноги. Вот он споткнулся, но девочка по-прежнему тащила его вперед. При этом даже не сбавив скорость, а Юра волочился по полу, больно ударяясь о его неровные каменные плиты.

— Прекрати! Уля! Что с тобой?! А-а, мне больно!..

Мальчику действительно было очень больно; казалось, рука, за которую тянула Уля, вот-вот отвалится. В конце концов, у него стало меркнуть перед глазами, и он готов был потерять сознание.

Наконец Уля остановилась. Юра медленно поднялся. Его избитое тело невыносимо болело, по руке струилась кровь.

— Зачем ты это сделала? — спросил мальчик, но в ответ получил очередной раскат безумного хохота.

И тут он заметил, что Улины черты исказились. Это была уже не девочка, но отвратительное чудище из зеркала. Один лишь миг продолжалось это виденье, но Юра уже догадался: перед ним была не настоящая Уля, а то, что отражалось в зеркале.

Юра осторожно отступил на шаг, потом еще на один и уже намерсвался повернуться и побежать, но отражение девочки рванулось к нему и опять вцепилось в руку. И без того уже израненная рука резанула новым и острейшим приступом боли. Юра не



смог сдержать крика, а хохот отражения заполнил все пространство коридора. Зеркала в стенах начали двигаться, а стоявшие в них уродцы покатывались со смеху.

— Только, пожалуйста, не надо больше бегать, — попросил Юра, его ослабевшие колени сильно дрожали.

Отражение Ули пожало плечами и быстро зашагало по коридору. Юра засеменил за ним. Теперь коридор не только изворачивался, но и расходился иногда в две, иногда в три, а иногда и в четыре стороны. Но отражение никогда не останавливалось возле таких развилок.

В таком лабиринте можно было плутать всю жизнь, Юра чувствовал, что все эти однообразные проходы будут делиться, тянуться и изворачиваться бесконечно долго, между тем он очень устал. Боле-ло избитое тело, к тому же мальчик начал задыхаться — воздух становился нестерпимо тяжелым.

Отражение же Ули не ведало усталости. Оно шагало вперед и вперед, смеясь и подпрыгивая, не раз впечатываясь головой в потолок, но, как и положено призраку, совсем не замечая боли.

И хотя в глазах у Юры темнело, ноги заплетались, и он, словно припадочный, дрожал всем телом, — мальчик все-таки заметил кое-что интересное. Оказывается, несмотря на то, что все эти коридоры, хоть и казались разной длины и из-за дробящихся отражений казались бесконечными, мальчик понял, что все это время он бегал на одном и том же месте. Юра сообразил, что зеркало, из которого он пытался вызволить настоящую Улю, упав на него, перенесло его в зазеркалье либо же само зазеркалье выплеснулось к нему. Поэтому, когда отражение Ули в очередной раз проводило его над



перевернутым зеркалом, мальчик неожиданно рванулся вниз и свободной рукой вцепился в его край.

Взревев нечеловеческим голосом, отражение Ули попыталось оттащить мальчика. Ее рывок был такой силы, что худенький Юра просто взвился в воздух, но и зеркала не выпустил. И хотя он не понимал, откуда у него взялись такие силы, и как он смог удержать это тяжеленное зеркало, но получилось так, что оно, описав дугу, грохнулось об потолок и разбилось на мириады звенящих осколков.

В ту же секунду страшный ураган захватил Юру, и он понял, что летит и кружится, словно пушинка, затерявшаяся в вихре мельчайших осколков.

Отражение Ули тоже разбилось, и только ее стеклянная рука осталась висеть на теле Юры, тысячью игл, тысячью шипов вонзаясь в Юрино запястье. Боль была страшной — его плоть сливалась со стеклом, но тем не менее сквозь кровавую пелену мальчик увидел, что оказался в другом коридоре, где из-за поворота слышались приближающиеся шаги и слабый, испуганно молящий голос Ули:

— Юра... что ты со мной делаешь?.. Оставь меня...

В страшном, стремительно вихрящемся кровавом мареве Юра увидел отражение себя, которое тащило измученную Улю.

На одно лишь мгновение замешкался отраженный Юра, и тогда Юра настоящий нанес ему страшный удар своей ставшей наполовину стеклянной рукой. Мелкой, частой паутиной трещин покрылось отражение Юры, и в то же самое мгновение развалилось на бесчисленные осколки.

Рассыпалась и стеклянная рука, и на ее месте из кровавого облака тут же материализовалась рука настоящая.



— Я так и думала, — тяжело дыша, сказала Уля. — Он — это был не ты. Он так меня измучил.

— Можешь не рассказывать: я и так все знаю. Меня тоже измучило твоё отражение...

— Ясно... Уф-фф... Я едва стою на ногах. И даже неизвестно, сколько сейчас времени, потому что мои часы разбились.

— Мне бы очень хотелось верить, что все-таки еще не рассвет и что лесная колокольня держится.

— Да уж, хотя кажется, что прошел целый месяц, а то и год.

— Тихо, — замерла Уля.

— Что такое?

— Послушай, — настороженно проговорила девочка.

Они начали слушать, но вроде бы никаких сторонних звуков не было. И только где-то в отдалении отбивали барабанную дробь тяжелые капли.

— Да что такое? — спросил Юра.

— Мне что-то слышалось.

— Вот именно что слышалось, а на самом деле ничего не было, — сказал Юра. — Я вот думаю: где нам этот тайник искать? Ух, черт, ведь здесь же можно сколько угодно блуждать! — продолжил он. — Мне кажется, отправь сюда целую армию поисковиков-профессионалов, они ничего не найдут. Только сами заблудятся. Но надо же с чего-то начинать...

— Тихо! — остановила мальчика Уля.

— Да что же такое? — спросил он раздраженно.

— Теперь я совершенно точно что-то слышала.

И тогда они действительно услышали: это был свист, который медленно нарастал. Сотни, а, может, и тысячи голосов, переплетаясь, звучали в этом свисте.



— Бежим? — устало спросил Юра.

— Долго мы не пробегаем. Да и куда бежать? Ты хоть понимаешь, откуда этот звук исходит?

— Нет.

— Вот и я тоже...

И тут ребята заметили, что в этом и без того затененном коридоре еще больше темнеет. Источником мрака было зеркало, которое стояло у стены. Тьма просачивалась сквозь трещины в стекле и затапливала коридор.

— Что же нам делать? — тихо спросил Юра. — Ведь сейчас мы утонем в этом мраке...

— Послушай голоса, — прошептала Уля.

Юра прислушался и понял, что голоса говорят о разрушении лесной колокольни. Но, помимо планов вторжения, слышались и другие слова: воспоминания о темном прошлом Страшеглава, его зловещие планы на будущее...

— Это ведь сам Страшеглав, — шепнул Юра подруге.

— А точнее — его отравленная злобой сущность. Я вот что думаю: давай затаимся. Кто знает: может, он нас и не заметит.

Так они и сделали: распластались на полу вдоль стены и как можно плотнее вжались в стену. Со стороны казалось, что это просто лежит какая-то грязная ветошь, но уж никак не люди.

Между тем свист нарастал, голоса становились громче, и они уже не говорили, а кричали, ревели. Стало так темно, что ребята невольно подумали: а не ослепли ли они?

«Колокольня едва держится! Она дрожит! Она скоро падет! Все силы на колокольню...» — доносилось до них со всех сторон.

Вдруг Юра почувствовал, что рядом с ним что-то



проплывает, слегка касаясь его тела. От каждого такого прикосновения сердце мальчика сжималось в болезненный, весь пронизанный ледяными иглами ком.

Не в силах сдержать любопытства он повернул голову. И увидел нескончаемый, вновь и вновь повторяющийся лик Страшеглава, покрытый трещинами, через которые выбивалось ядовито-белое свечение.

И был он таким жутким, что Юра закричал бы, если б не нашел в себе сил сдержаться.

* * *

Через некоторое время и свист, и голоса начали смолкать.

Постепенно светлело.

Вдруг совершенно отчетливо Юра услышал: «Проверить Сокровище. Проверить Тайник. Проверить источник Смерти». У ребят не осталось сомнений, что Страшеглав направляется к тайнику.

— За ним... — прошептал Юра, и они вместе с Улей поспешили за Страшеглавом.

Понимание того, что им несказанно повезло и что они близки к цели, придало ребятам сил, и потому они не побоялись нырнуть вслед за призраком в одно из зеркал.

Они оказались в отраженном коридоре, изрядно заполненном мраком, в котором отчетливо слышались злобные голоса. Ребята опять вжались в стену и простояли так некоторое время, не шевелясь и выжидая.

Вскоре голоса смолкли, и ребята бросились к следующему зеркалу, за которое уползла чернота вместе со Страшеглавом. И вновь они перепрыгну-



ли в отраженный коридор, и вновь выжидали, пока призрак уползет и они бросятся за ним.

Так повторялось много раз, пока ребята не оказались наконец в коридоре, в одной из стен которого было окно. За окном виднелась та библиотечная зала, где стоял компьютер и даже лежали на столе еще не переписанные Колей книги.

Чернота просочилась в эту залу и, подобно озеру, заполнила ее. Затем она сложилась в фигуру, с ног и до головы закутанную в черный плащ, но с лицом, сокрытым под капюшоном, и приблизилась к компьютеру.

Страшеглав положил свою то раздувающуюся, то сжимающуюся длань на системный блок и что-то прохрипел. Системный блок раскрылся, и оказалось, что на месте процессора была укреплена объятая пламенем шкатулка.

Колдун дунул на шкатулку, и пламя потухло. Тогда Страшеглав раскрыл шкатулку и достал из нее черный камень.

— Ничего себе... — прошептала Уля.

— Я бы никогда не догадался, — вздохнул Юра. — Наверное, он недавно его в компьютер переложил.

— Надо думать: компьютеру-то, чай, не двести лет.

— А местечко действительно что надо. Ну, кто бы стал искать погибель Страшеглава в компьютере?

Тем временем призрак убрал камень обратно в шкатулку, а ее установил на прежнее место. Затем Страшеглав дотронулся до системного блока, и тот закрылся.

Тут колдун дико завыл и стремительно выскочил в форточку.

Как только он исчез, ребята подползли к стеклу, за которым была библиотечная зала, и попытались



сквозь него пройти. Но это оказалось не так-то просто, пришлось выбивать стекло.

— Ну и наделали же мы с тобой шуму... — прошептал Юра.

И тут они услышали шаги, которые доносились с лестницы, и чей-то раздраженный усталый голос:

— У-у, черт, — сказал человек, зевая, — поспать не дают... До рассвета всего ничего осталось...

— Охранник, — догадался Юра.

— Да, еще не хватало с ним схватку затевать, — вымолвила Уля.

— Тогда скорее к компьютеру! — крикнул Юра.

И они побежали к системному блоку. Повалив его на пол, ребята, не жалея сил, начали на нем прыгать, топтать до тех пор, пока блок не согнулся и из него не вывалилась огненная шкатулка.

Юра прыгнул на шкатулку, но тут же ботинок мальчика оказался в пламени. В то же мгновение сзади подскочил разъяренный охранник и заревел:

— А ну ни с места, бандиты! Вы на мушке!

— У него пистолет, — испуганно вскрикнула Уля.

Но мальчик не слышал предупреждения, продолжая размахивать ногой, пытаясь сбить языки жадного пламени, которое и не думало затухать.

Нечаянно мальчик ударил горящим ботинком по коленке охранника, тот согнулся от боли и нажал на курок своего пистолета. Грянул выстрел и...

* * *

— Что случилось? — спросила Уля.

— Не знаю, — ответил Юра.

— Все так изменилось...

Они стояли в заполненной книгами зале. Но это



была единственная библиотечная зала, и не было никакого невообразимого книжного лабиринта.

Окна были открыты, и сквозь них падал ласкающий, мягкий и теплый свет восходящего солнца. За окном слышались птичьи трели.

Юра подошел к подоконнику, перегнулся через него и сказал:

— Теперь это не адский дворец, а просто старый дом. Сейчас я сосчитаю, сколько в нем этажей. Та-ак. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Итого шесть этажей и чердак. Мы на четвертом.

— Неужели Страшеглав исчез? — робко спросила Уля.

И тут издали, со стороны леса донесся дивной красоты колокольный перезвон.

— Лесная колоколья! — обрадовался Юра. — Целая и невредимая. Стало быть, действительно все кончено.

— Но как? — еще не в силах поверить в это счастье, спросила Уля. — А-а, понятно, — сказала она, внимательно осмотревшись. — Шкатулка... расколотая...

Та шкатулка, которая недавно была объята грозным пламенем, теперь лежала на полу, расколотая надвое. Так же был разбит и черный камень. А причиной тому стал случайный выстрел охранника... Обычная пуля покончила с жизнью Страшеглава.

Совсем не испытывая страха, Уля подняла обломки камня, и на ее ладони вывалилось черное сердце.

— Ой, — вздрогнула девочка.

Но тут в раскрытое окно дохнул ветерок, и черное сердце стало прахом...

От этого же ветра очнулся и охранник, который,



оказывается, сидел в большом кресле и сливался с ним бледным цветом своего лица и одежды.

— А? Что такое? Что за непорядок. Дети, здесь нельзя находиться...

— Бежим, — крикнула Уля.

— Да, бежим, пока он не очнулся окончательно и не арестовал нас...

Ребята выбежали на двор и припустили в город: Юра к своему дому, а Уля — к своему.

* * *

Юра проспал до вечера следующего дня, а когда проснулся и отправился ужинать, то первым делом спросил у Коли:

— Ну, как там у вас на работе?

Он ожидал, что старший брат долго и восторженно будет говорить о чудесных изменениях, которые произошли с домом, но тот сказал:

— Ничего особенного, только поставили новый компьютер.

— А что случилось со старым? — любопытствовал Юра.

— Сломался.

— И все?

— А что, собственно, еще?

— Разве дом никак не изменился?

— Какие ты глупости говоришь! Старый дом, памятник архитектуры, никто его не трогает. Какие могут быть изменения?

— А сам дом? Он никого не беспокоит?

Коля приложил ладонь к Юриному лбу:

— Вроде не горячий, — осторожно заметил брат. — А что: по-твоему, дом должен бросаться на случайных прохожих?





— Нет. Вовсе нет. Значит, ты ничего не помнишь?

— Послушай!..

— Ладно-ладно, — примирительно сказал Юра.

И уже после ужина Коля хлопнул себя по лбу и заявил:

— Ах, да! Как же! О самом главном и забыл сказать, ведь лесную колокольню после реставрации открыли.

— Неужели? — спросил Юра. — А как туда идти?.. Ну, я хочу сказать: ведь на лесных тропках и заблудиться можно.

— Хм, ну, может, и есть там какие-то тропки, но к колокольне ведет асфальтированная дорога. Пойдем туда завтра?

— Пойдем! — с радостью согласился Юра.

— А нас возьмете? — поинтересовались родители.

— Без вопросов! — хмыкнул Юра, — Да, кстати, я Уле позвоню: приглашу ее.

Но, когда он позвонил Уле, ему сказали, что после вчерашнего дня рождения девочка еще спит.

— Дня рождения? — рассеянно переспросил Юра.

— Ну да, — ответила Улина мама. — Ведь вы ходили к какому-то своему другу... Эх, забыла его имя... Но кличка у него Барабашка.

— Барабашка, — печально повторил Юра. — Бедный, бедный Барабашка.

— Юра, что-нибудь случилось? — слышалось в трубке.

— Да нет, ничего. Спокойной ночи...



КУКЛЫ черного мага

ПОВЕСТЬ



Глава I

ДУРНЫЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ

Город окутала тревожная ночная мгла. Сумерки, плотно сплетаясь своими зловещими щупальцами, придвинулись к самым окнам...

Витя стоял перед окном, недвижимый, напряженный, и вглядывался в темноту. Ему казалось, что там, по другую сторону окна, среди ветвей высокого древнего ясеня кто-то затаился и тоже смотрит на него, замышляя недоброе...

Мальчик боялся пошевелиться. Он был уверен: стоит ему сделать только одно движение — неведомое существо набросится на него и разорвет в клочья. Витя боялся даже вытянуть руку и включить свет. Ведь в электрическом освещении мальчик наверняка увидел бы ЕГО.

Так тянулись медлительные, наполненные ужасом и напряжением мгновения. За окнами становилось все темнее, а в шелесте листьев ясеня все от-



четливей слышались недобрые слова, предвещающие лютую смерть...

Вдруг за Витиной спиной скрипнула и распахнулась дверь. Под потолком загорелась электрическая лампа. Она была грязной и покрытой копотью, поэтому источала свет блеклый и размытый, но все же его было достаточно, чтобы Витя увидел ЕГО, затаившегося среди ветвей ясеня.

Мальчик дико вскрикнул.

Тут же чья-то прохладная ладонь легла ему на плечо. Витя испуганно дернулся — из всех сил рванулся в сторону, но споткнулся и вместе со стулом повалился на пол. И вдруг услышал перепуганный, но такой родной, такой милый голос мамы:

— Витя, Витенька, что с тобой?

Мальчик вскочил на ноги и посмотрел на маму. Она, бледная и перепуганная, стояла перед ним и ласково улыбалась.

Витя провел дрожащей рукой по лбу, на котором выступили маленькие капельки пота, и настороженно покосился в окно.

Там все еще был виден ствол старого ясеня — весь в противных наростах. Высвеченные электричеством, кривые, лишенные даже в эту летнюю пору листьев ветви, поскрипывая, медленно шевелились, отбрасывая черные тени... Но в ветвях дерева уже никто не сидел и не пялился на Витю злыми нечеловеческими глазами.

Мальчик покачал головой и тихо промолвил:

— Прости. Я совсем не хотел тебя напугать. Просто... Мне помешало неведомо что...

Мама глядела на Витю жалостливо и нежно. Она положила свою прохладную ладонь ему на лоб и сказала:



— Ах, сыночек, сыночек. И все из-за этого переезда. В поезде ты не мог заснуть. И теперь из-за этого недосыпания тебе мерещатся всякие кошмары...

* * *

А дело было вот в чем: мальчика и его родителей срочно позвала в свою деревню Витина прабабка Авдотья. Поговаривали, что старуха эта была ведьмой, но мальчик в эти странные слухи не верил. Ведь ему уже исполнилось двенадцать лет, и, если он где и встречался с ведьмами, так только в компьютерных играх. Во всяком случае, компьютерные ведьмы его совсем не пугали — он безжалостно уничтожал их посредством заклятий и рыцарского оружия.

В пришедшем письме говорилось, что Авдотья умирает и зовет к себе по делу чрезвычайно важному своих родственников из города. Что это за дело, в письме не говорилось... Но на семейном совете было решено, что в деревню поедут Витя и его мама. Витиногo отца, к сожалению, не отпустили с работы, он мог освободиться только через пару недель.

Поначалу предстоящая поездка ничего, кроме бурной радости, у Вити не вызвала: ему хотелось повидать новые места и, быть может, даже попасть в какие-нибудь приключения. Мальчик выказывал живейшее участие в подготовке к предстоящему путешествию, бегал с мамой по магазинам — советовал, что купить... Но все переменилось в ночь накануне отъезда. Вите приснился жуткий сон.

Будто бы шел он в полном одиночестве по темной, обьятой ночной чернотой проселочной дороге, и на небе, затянутом тучами, не было ни звездочки, ни лучика света. Только слышалось тихое завыва-



ние ветра и тревожный шелест трав. Все эти странные звуки словно предупреждали Витю о какой-то опасности.

И все же Витя чувствовал, что он идет по полю: он слышал тревожный шелест трав, которые, казалось, предупреждали его о какой-то опасности. Он видел, что вдалеке возвышалось нечто более черное, чем сама чернота, отчего Вите еще больше становилось не по себе. Ему не хотелось приближаться к этому страшному предмету, однако ноги сами несли мальчика вперед...

Наконец, ему удалось рассмотреть, что за пугающая черная масса возвышалась там вдалеке. Оказалось, что это дерево. Громадный древний ясень, покрытый уродливыми наростами. Возле ствола дерева кто-то стоял, но кто именно — мальчик не мог разглядеть, зато ему очень хорошо были слышны слова незнакомца:

— По-о-д-о-ой-д-и-и... по-о-д-о-ой-д-и-и... — шипел НЕКТО под ясенем.

Витя остолбенел от ужаса, но его ноги вновь сами по себе пошли вперед. Наконец мальчик оказался прямо возле незнакомца, от которого исходил нестерпимый холод и запах тлена.

Мальчик задрожал; ледяные капли пота скатывались по его лбу, а зубы стучали так, что не было слышно даже биения сердца. Вите хотелось завопить от ужаса, но некая незримая сила закрыла ему рот, и теперь этот невыпущенный вопль бессильно клокотал в груди мальчика.

— Что же ты боишься меня? — вновь раздалось это жуткое, нечеловеческое шипенье. — Ведь это я — твоя прабабка!

Фигура надвинулась на Витю, и страшные кос-



тяные руки схватили мальчика за плечи. Витя попытался вырваться, но острые, словно из отточенной стали клыки впились в его голову и с чудовищной силой сжали череп; раздался отвратительный хруст, и... Витя с воплем проснулся в своей комнате.

На следующий день надо было ехать в деревню. Пожалуй, Витя мог бы еще отговориться — сослаться на неожиданное недомогание, и его бы оставили дома. Но все же он решил не обращать внимания на ночной кошмар в надежде, что путешествие окажется не таким и скверным.

В общем, они поехали. Дорога была долгой — поезд шел всю ночь. Но Вите почему-то не спалось. Он устал. Его глаза слипались. А колеса стучали так спокойно и размеренно, словно усыпляли... Но стоило мальчику только сомкнуть веки, как он видел, будто душа его выскальзывает из поезда и летит над пустынными сумрачными полями, на чей-то жуткий, нечеловеческий стон.

Так Витя и не заснул.

На следующий день они приехали в городок Волчатск. От Волчатска еще несколько часов надо было добираться на попутной машине до той глухой деревеньки, где жила Витина прабабка. Но попутки не нашлось. Поэтому мама с Витей решили ненадолго задержаться в городе.

Городок этот сразу не понравился Вите. Старые, вросшие в землю дома; каменные, изогнутые ограды. Все было так пустынно и заброшенно... Что касается жителей, то Витя не увидел в городе ни одного ребенка или хотя бы молодого человека. Все, кого он встречал, были старые, угрюмые старики и старухи, в темных глазах которых скрывалась какая-то зловещая тайна.



Витя с мамой остановились в маленькой, покрытой трещинами и плесенью гостинице, в которой, помимо одного гостиничного служащего, и людей-то не было. Да и сам служащий — старик с необычайно вытянутым лицом и тонким длинным костистым носом, страшно напугал Витю. Взглянув на мальчика, он вздрогнул и прошептал зловеще:

— Ребенка-то зачем привезли?

— Что вы сказали? — переспросила Витина мама.

Служащий прокашлялся и повторил:

— Ребенка, говорю, зря привезли... Дети у нас долго не живут...

— Это почему же? — поинтересовалась мама.

— Да так, разное бывает...

— Что же, например? — улыбнулась мама.

Служащий покачал головой и прошептал совсем тихо, настороженно озираясь по сторонам:

— Вы повнимательнее за своим ребенком следите. Ни на шаг от себя не отпускайте, а то...

Тут старик быстро взглянул в темный угол, весь как-то скособочился и дрожащей рукой передал Вите с мамой их ключ от номера.

Мальчик тоже взглянул в темный угол, но не увидел в нем ничего, кроме пустующего кресла-качалки. Когда же они стали подниматься по лестнице, кресло заскрипело и качнулось. Витя хотел было обернуться и посмотреть, но побоялся. Он и так знал, что в углу кто-то сидит, чувствуя на себе взгляд леденящих глаз этого бестелесного существа.

Витя схватил маму за руку и прошептал:

— Там в углу кто-то сидит...

— Кто? Где? — быстро обернулась мама, которой тоже было немного не по себе.

Кресло еще раз покачнулось и остановилось...



Такова была предыстория событий, описанных в начале повествования.

Теперь же Витя лежал на кровати в этой богом забытой гостинице города Волчанска и боялся пошевелиться.

— Мам, закрой форточку, пожалуйста...

— Хорошо. Я закрою, — сказала мама, подходя к окну, — но разве ты сам не можешь?

— Могу. Но мне страшно. Я боюсь подходить к окну.

Мама закрыла форточку, и ночь с ее напряженными шорохами и мраком сразу как будто отдалилась.

— И занавесь окно, — попросил мальчик.

Мама исполнила и эту просьбу.

— Тебе нужно выспаться, — сказала мама. — А то бледный весь. Вон, под глазами какие тени залегли. Нельзя же так. Ну, не расстраивай меня. Я должна знать, что мой сыночек выспался и чувствует себя хорошо.

— Ладно, мама.

...Когда через пару минут мама вновь заглянула к Вите в комнату, то обнаружила, что ее сын залез с головой под одеяло.

Она улыбнулась и промолвила:

— Ну, вот и хорошо. Спи спокойно, — она потянулась к выключателю, но насмерть перепуганный Витя закричал:

— Не выключай свет!

— Нельзя спать при электрическом свете, — строго сказала мама. — Ты должен нормально выспаться. И знай — тебе совершенно нечего бояться. Я буду здесь, за тонкой стенкой, и если услышу какие-нибудь подозрительные звуки, то сразу к тебе приду. Спи...



Она нажала на кнопку, и свет потух.
— Мама, — жалобно попросил Витя.
Но она уже вышла из комнаты.

* * *

Витя лежал в темноте и смотрел на занавеску, которая прикрывала окно. Оказывается, в этой занавеске была дыра и через нее мальчик мог видеть что-то такое, что еще больше его пугало и никак не давало заснуть.

Присмотревшись, он понял, что за ним наблюдает огромных размеров выпученный черный глаз. Волосы на голове у мальчика встали дыбом, и он издал дикий протяжный вопль.

Глава II

КУКЛЫ

Витя очнулся и понял, что на самом-то деле он не кричал и не видел никакого страшного, нечеловеческого глаза за занавеской. Он просто спал, и ему приснился очередной кошмар. Почувствовав, что сын очень беспокойно спит, в комнату вошла мама.

— Случилось что-нибудь?

Мальчик посмотрел на окно: оно по-прежнему было задернуто. Но в дыру в занавеске пробивалось какое-то призрачное, белесое свечение.

— Мама, что там такое на улице? — настороженно спросил мальчик. — Откуда льется такой свет?

Вместо ответа мама подошла к окну и уже собиралась его открыть, но Витя в ужасе закричал:

— Не надо!



- Да что с тобой, сынок?
- Откуда этот призрачный свет, мама?
- Туман на улице...
- Ну а свет-то откуда?
- Как откуда? С улицы. Уже день наступил...
- А-а.

Это известие очень обрадовало Витю. Весь страх моментально прошел, мальчик вскочил с кровати и сам отдернул занавеску.

За окном действительно стоял белесый туман. Но в серой пелене этого тумана Витя снова увидел чудовище, которое стояло рядом с окном и тянуло к мальчику свои лапы. Витя отскочил от окна и дико завизжал.

Мама быстро обернулась к нему и спросила:

— Да что с тобой такое? Ты не заболел?

Теперь Витя хорошо видел, что это вовсе не чудовище за окном, а яшень. И тогда мальчику стало стыдно за свою чрезвычайную пугливуюсть и он поклялся, что отныне возьмет себя в руки и не станет больше вскрикивать по пустякам и огорчать маму.

Витя улыбнулся и заявил:

— Все хорошо, мама. Пожалуй, даже можно прогуляться по этому городку?

— Ты прав, — согласилась мама. — Надоело сидеть в этой грязной каморке. Пойдем хотя бы свежим воздухом подышим...

* * *

И вот они вышли на улицу.

Несмотря на летнюю пору, погода стояла очень прохладная. Да и вообще — и густой туман, и сырость, разлитая в воздухе, и промерзлая слякоть на тротуарах весьма напоминали позднюю осеннюю



пору. На расстоянии десяти шагов ничего уже не было видно. По унылым улочкам не ходили люди, не ездили машины. Город Волчанск казался мертвым...

Витя шел рядом с мамой и часто оглядывался на нее. Он боялся, что в этом страшном тумане они могут потеряться. Ему казалось, что, если это произойдет, они никогда больше не встретятся. И потому, вцепившись в мамину руку мертвой хваткой, мальчик не отпускал ее ни на миг.

Но вот мама остановилась и промолвила:

— Ты слышишь?

— Что? — Витя притих.

— Колокольчики звенят...

Действительно — в этом туманном мареве довольно отчетливо слышался перезвон колокольчиков.

Мальчик спросил:

— Как думаешь, отчего они звенят?

Мама пожала плечами, нахмурилась и сказала:

— Я и не знаю. Мало ли что может быть...

И тут Витя понял: он ни за что на свете не хочет приближаться к этим колокольчикам, предчувствуя, что там, откуда исходит этот однообразный перезвон, его поджидает большая беда.

— Пойдем в другую сторону? — обратился он к маме.

— Пойдем, — согласилась мама, и они свернули на боковую улочку.

Они шли по этой улочке, пока она не закончилась и они не оказались на площади, размеров которой не могли определить, так как вся она была затоплена туманом.

Витя с мамой зашагали по широким каменным



плитам, между которыми выбивалась чахлая, старая трава...

— Кажется, оторвались от этого звона, — с некоторым облегчением сказал Витя.

Но не успел он закончить, как звон появился вновь, и на этот раз совсем близко.

— Бежим! — крикнул мальчик.

Мама нахмурилась:

— Ну вот еще! Что я — девочка, что ли, бегать от какого-то звона.

— Я очень тебя прошу! — взмолился Витя.

Мама сокрушенно покачала головой, но все же поспешила за своим сыном.

Неожиданно нечто черное и высокое выступило перед ними из тумана. Еще несколько шагов, и Витя с мамой поняли, это — гранитная колонна, на поверхности которой были высечены на редкость отвратительные демонические физиономии.

Витя с мамой в ужасе отшатнулись от колонны и, невольно обернувшись назад, увидели за своей спиной страшное и вместе с тем завораживающее зрелище: прямо из самого тумана, густые стены которого раздались подобно кулисам театра, навстречу неслась карета, запряженная шестеркой низкорослых, но вместе с тем чрезвычайно мускулистых лошадей.

Витя сильно сжал ладонь своей мамы и прошептал:

— А вот теперь мы должны бежать из всех сил.

— Никуда я не побегу, — возмутилась мама, но в голосе ее чувствовался испуг.

Мальчик сказал:

— Неужели ты не понимаешь, что это нежить?!

— Какая еще нежить? Что ты несешь?!



— Мама, или мы сейчас убежим, или пропадем...

И тут же мрачно добавил:

— Все — поздно.

Лошади остановились в нескольких шагах. Дверца кареты скрипнула и приоткрылась.

Витя замер. Он ждал: кто же выйдет из кареты? Но пока никто не появлялся. Только тусклое багровое свечение лилось наружу... И вдруг раздался необычный громopodobный голос, в который вплетались удары молотов по наковальням, скрип, скрежет и стон.

— Выступление живых кукол! — объявил голос. — Спешите все сюда! Скорее!

Слова эти неистовым вихрем закружились над площадью и стали разноситься эхом по улочкам Волчанска.

Из пристроенного в задней части кареты большого ящика вдруг с невообразимой быстротой выскочили уродливые карлики, лица которых были скрыты под гладкими восковыми масками. Эти мерзкие уродцы принялись вытаскивать из того же самого ящика различные материи, подставки и еще какие-то приспособления, с помощью которых они за считанные минуты соорудили весьма приличную сцену, над которой тут же заалел кровавыми буквами плакат: «Цирк живых кукол. Уменьшенная жизнь. Рабы Смертьева».

— Что еще за Смертьев? — шепотом спросил Витя.

— Наверное, владелец этого цирка, — ответила его мама.

— Ничего себе фамилия, — заметил Витя.

— Фамилия действительно странная, но мало ли на свете странных фамилий... — задумчиво сказала мама.



И тут откуда-то из-за сцены опять раздался голос. Теперь он звучал совсем не громко, но по-прежнему странным образом заполняя все сознание, так что ни о чем другом, кроме него, думать уже было невозможно:

— Итак, цирк живых кукол! Он снова выступает для вас, и я, маг Смертьев, приглашаю вас насладиться этим зрелищем.

Сначала Витя подумал, что эти слова обращены только к нему и к его маме, но, оглянувшись, понял, что они не одни на площади. Оказывается совершенно бесшумно подошли и другие жители Волчанска. С хмурыми лицами они стояли за спиной Вити и слушали Смертьева.

Тем временем началось представление. На сцену вышли куклы, в которых Витя признал тех самых карликов, которые устанавливали сцену. Но теперь они сняли маски, и мальчик смог хорошо рассмотреть их лица. Это были деревянные, покрытые изрядным количеством лака физиономии. Но с абсолютно живыми, как у обычных людей, глазами.

Карлики, облаченные в средневековые одежды, разыгрывали мрачный и даже отвратительный спектакль. Они истязали, мучили и убивали друг друга с такой кровожадностью и неистовой яростью, будто убийство было главным смыслом их кукольного существования.

Впрочем, «кукольного» ли? Ведь все их механические движения выглядели такими естественными.

Витина мама прошептала:

— Нет... я больше не могу на это смотреть...

Но и она, и ее сын, и жители Волчанска были не в силах оторвать взгляда от сцены.

Вот у одной куклы отрубили руку, и из раны опять полилась, шипя и пенясь, густая, темная жид-



кость. Кукла не кричала, не кривлялась от боли, а просто смотрела на зрителей.

Витя встретился с глазами покалеченной куклы. В этих, окруженных деревом и лаком зрачках стояла такая настоящая, неподдельная боль, что мальчика до самых костей пробрал озноб. Он был поражен необыкновенной красотой этих небесно-голубых глаз. Нет даже не глаз, а очей! Никогда ни на одной картине ему не доводилось видеть ничего подобного. Витя, как загипнотизированный, стал приближаться к этим голубым омутам.

Ничего, кроме этой красоты и небесно чистого сияния, не видел он сейчас... Витя подошел совсем близко к сцене... но вдруг споткнулся. А когда поднялся, перед ним уже не оказалось этих васильковых очей...

Витя оглядел сцену и обнаружил, что действие закончилось: лишь последние куклы отмывали с подмостков кровавые пятна.

— Вам совершенно не о чем волноваться, — слышался из-за сцены голос Смертьева. — Ни одна из моих живых кукол не убита. Что же касается нанесенных увечий, они не причиняют никакого вреда их здоровью. Все сломанные куклы будут починены в кратчайшие сроки! Итак, до следующего представления!

Витя оглянулся и обнаружил, что жители Волчанска уже расходятся, но вот своей мамы мальчик не увидел.

— Мама... мама... — позвал Витя, быстро глядя по сторонам.

На мгновение ему показалось, что он ее увидел. Мама уходила от него вместе с толпой. Но куда? И зачем она уходит? Почему она его не ждет?..



Витя бросился за ней, догнал и окрикнул:

— Мама?

Но вместо родного лица он увидел повернувшийся к нему страшный череп какой-то старухи.

— Извините, — прошептал мальчик.

На что старуха вытянула к нему свой острый палец, загадочно улыбнулась и прошипела:

— Ты обречен...

От ужаса Витя попятился. Старуха давно уже растворилась в тумане, но Витя все еще продолжал пятиться. «Вот и случилось самое страшное, — думал мальчик. — Я потерялся!»

И тут он уперся спиной во что-то жесткое и холодное.

«Похоже — самое страшное у меня еще впереди», — подумал Витя и медленно обернулся.

Он стоял, упершись спиной в ту самую гранитную колонну, которую видел, когда был вместе с мамой. Оскаленные демонические лики, изображенные на ней, шевелились и вытягивали к нему свои щупальца.

Не помня себя от ужаса, Витя бросился бежать по пустынным улицам Волчанска.

Глава III

ЗОВ СМЕРТЬЕВА

Витя и не помнил, как он очутился возле этой черной, каменной стены.

Мальчику почудились чьи-то приближающиеся шаги, и он, дрожащий и взмокший от холодного пота, отпрянул в проем стены и затаился. Витя изо всех сил пытался сдержать рвущийся наружу крик.



Шаги все приближались. Вот в двух шагах от мальчика проскользнула темная фигура. От нее дохнуло холодом и тленом. Витя еще больше вжался в проем. Хорошо, что есть хоть такое временное убежище, где он был не замечен.

Но уже в следующее мгновение мальчику показалось, что это прошла его мама. Что же касается холода и тлена, он отнес эти неприятные дуновения к той мрачной стене, в которую сейчас вжимался.

Витя выглянул из своего укрытия и посмотрел на удаляющуюся фигуру. Она была сильно размыта туманом, но все же Витя еще больше уверился, что это его мама.

Мальчик не смел выкрикнуть ее имя. Он просто бежал следом за фигурой, а она быстро шла вдоль черной стены.

Всего лишь два шага разделяли их, когда Витя все-таки решился ее окликнуть:

— Мама!

Одновременно с этим фигура повернулась к стене и нажала на небольшой каменный выступ. С тяжелым гулом часть стены начала отъезжать в сторону...

Тут Витя сообразил, что его мама не стала бы ходить по таким зловещим местам. Мальчик снова попятился, проклиная себя за то, что додумался позвать этого странного незнакомца.

Он ждал, что темная фигура вот-вот обернется, но она не оборачивалась. Зато мальчик услышал голос, в котором, к ужасу, признал голос самого мага Смертьева:

— Ну и куда же ты собрался убежать? От меня не убежишь...

Витя продолжал пятиться. Смертьев по-прежнему



Смертьев сделал шаг к открывающемуся проему, и Витя невольно
шатнул следом за ним.



стоял спиной к нему, зато его рука скрипнула и под неестественно высоким углом отдернулась назад и схватила Витю за запястье.

Мальчику показалось, что он попал в капкан, — с такой силой сжимали его пальцы. Смертьев сделал шаг к открывающемуся проему, и Витя невольно шагнул следом за ним.

Мальчик увидел внутренний дворик и часть какого-то темного, страшного дома, который стоял за этой стеной. Посреди дворика росло дерево, на ветвях которого висели человеческие черепа.

Это зрелище произвело на Витю такое страшное действие, что он неожиданно для самого себя смог вырваться из цепких клешней Смертьева.

Колдун даже не обернулся.

— Беги, если хочешь, — прошипел он зловеще, — но помни — я тебя все равно достану. Теперь ты — меченый.

Витя почувствовал острую боль, которая прожигала его левую ладонь — как раз там, где были острые пальцы Смертьева. Посмотрев на нее, мальчик увидел длинную и глубокую царапину, которая проходила прямо по линии жизни. Но странное дело: ни единой капли крови не вылилось из раны. Более того — царапина быстро затянулась, и только лишь легкое жжение, ушедшее куда-то в глубь ладони, напоминало о пережитом...

Витя долго бежал по туманным улочкам. В боку кололо, ноги, словно налитые свинцом, еле двигались. Но мальчик не останавливался ни на минуту, продолжая свой бег в неизвестном направлении.

— Мама! Мама! — кричал он из последних сил.



Наконец он увидел ее. Мама выступила из тумана и, раскрыв объятия, шагнула к нему навстречу.

— Мама! — обрадовался Витя. — Это правда ты? — спросил мальчик прерывистым голосом.

— Конечно, я! — воскликнула, плача и крепко обнимая своего сына, мама. — Когда ты пропал, я так перепугалась! Побежала в одну сторону, в другую — тебя нет нигде. Я уж думала милицию вызывать. Прибежала в гостиницу, спрашиваю: «Где у вас здесь телефон?», а служащий отвечает: «У нас уже несколько лет телефоны не работают». Я ему: «Тогда покажите, как мне до милиции дойти». А он: «Я не помню. Сейчас по карте посмотрю». Начал в ящике пыльном шарить, карту искать. Копался, копался, тут я не выдержала — выскочила на улицу, думала, у кого-нибудь из прохожих спрошу. И первым, кого увидела, оказался ты...

— Мама, я тебе обещаю, что больше ни на шаг от тебя не уйду.

— Вот и хорошо. А я тебя и не отпущу никуда от себя...

— Мамочка...

— Да?

— Давай уедем из этого проклятого города.

— Конечно, сыночек. Вот завтра с утра будет машина, она и довезет нас до бабушкиной деревни. Так что одну ночку осталось здесь переночевать... — И за этим разговором они вошли в ветхое, покореженное и, казалось, готовое рухнуть здание гостиницы.

Там за высокой стойкой стоял все тот же служащий: старик с необычайно вытянутым и худым лицом. Он смотрел на Витю так настороженно и с



таким затаенным ужасом, что Витя, сразу вспомнив все пережитые им кошмары, вдруг подумал, что этот служащий знает очень многое и наверняка может разъяснить все, что здесь происходит.

Витя с самым решительным видом подошел к стойке и, глядя прямо в темные, глубоко запавшие глазки старика, проговорил:

— Я был сегодня возле темной каменной стены, у дома, во дворе которого растет дерево с человеческими черепами...

При этих словах служащий передернулся, побледнел и прошептал:

— Никто не возвращается от того дома живым... только мертвые...

— Что вы такое говорите? Зачем пугаете ребенка? — возмутилась Витина мама.

Но мальчик продолжал смотреть в испуганные глаза служащего и спрашивал:

— Чей это дом?

— Это дом Смертьева, — прошипел служащий и покосился в тот угол, где стояло кресло-качалка.

И оттуда раздалось едва уловимое поскрипывание. Служащий вновь передернулся и прошептал:

— Я больше ничего не могу говорить, простите...

Но Витя во что бы то ни стало хотел выяснить все до конца. Он схватил старика за запястье, но тут же в ужасе отдернул руку. Это запястье показалось мальчику холодным, словно лед.

— Расскажите мне все, что знаете про этот дом... — попросил Витя.

На что служащий склонился к нему, и мальчик отчетливо услышал издаваемый им скрип: словно тот был сделан из какого-то старого трухлявого дерева.



— Они здесь повсюду... они служат ему... — прошептал собеседник в самое ухо Вити, обдавая мальчика запахом гниющего мокрого пня.

— Кто это «они»? — по спине Вити побежали мурашки.

— Не знаю... но они не из этого мира.

— А кому они служат? — не отставал мальчик.

— Тише. Прошу тебя — тише, — зашептал, косясь в угол, старик. — Я должен хранить тайну, иначе они покарают меня... Они служат Смертьеву... Но ты, к несчастью, уже обречен. Ничто не спасет тебя... Ты станешь таким же, как они...

— О чем вы там шепчетесь? — нахмурилась Витина мама.

А Витя, не обращая на нее внимания, продолжал задавать вопросы:

— С чего вы взяли? Почему это я обречен?

— Да потому что колдовство Смертьева уже попало в тебя через ладонь...

— Откуда вы об этом знаете? — не унимался мальчик.

— Я чувствую. Оно отравляет твою кровь. Не долго тебе ходить человеком. Прощай...

— Подождите, подождите, — взмолился Витя, и в глазах его заблестели слезы. — Вы мне еще ничего толком не рассказали.

— Ну что же тебе рассказывать?

— Ну... например... где находится дом Смертьева?

— Он стоит в тридцати километрах от нашего города, посередине заброшенного кладбища в лесу.

— А вот и неправда! Я, конечно, много пробежал, но не тридцать же километров. И вовсе не по лесу и не по кладбищу, а по городу...



— Так ведь Смертьев великий колдун. Он над тобой пошутил, а ты ничего и не заметил. Но сейчас ты уже в полной его власти, хоть и думаешь, что свободен. Больше я не могу говорить. Ступай...

— Подождите, — настойчиво проговорил мальчик. — Неужели никто не может мне помочь?

— Ты обречен, — тихо, чтобы не слышала Витина мама, вымолвил служащий.

— Быть может, мне поможет колдунья Авдотья.

— Что еще за Авдотья?

— Моя прабабка.

В глазах служащего проскользнуло нечто такое, из чего Витя совершенно точно понял, что старик слышит это имя не впервые, и более того — оно произвело на него большое впечатление.

— И что у вас сын такой неугомонный? Все спрашивает меня и спрашивает... Мне же работать надо... — обратился старикашка к матери мальчика.

— Ах, извините, — произнесла Витина мама и за руку потащила сына вверх по лестнице.

* * *

Все так же плыл на улице густой туман. К полудню он стал чуть более светлым, а потом начал меркнуть; и к пяти часам сделался угрюмо-серым.

Пора было готовить ужин, но как разогреть привезенные из города продукты, если даже электричество оказалось отключенным?

Мама сказала:

— Витя, ты пока здесь посиди, а я узнаю, где можно приготовить еду...



— Нет, не оставляй меня, пожалуйста, — взмолился мальчик.

— Тебе совершенно нечего бояться, — отвечала мама. — Я уйду и закрою дверь.

— Нет!

— Я вернусь через несколько минут, — заверила Витю мама и удалилась.

Щелкнул закрываемый дверной замок, и мальчик остался в одиночестве.

Некоторое время он недвижимо пролежал на диване, смотря на черные ветви ясеня, выступающие из серого тумана. Но ни они, ни что либо иное за окном совершенно не двигалось. Тяжкая, напряженная тишина невыносимым грузом навалилась на мальчика... Он обвел взглядом комнату. Грязные, растрескавшиеся стены, полуразвалившаяся старая мебель...

И тут мальчик вспомнил ясные, милые сердцу васильково-голубые глаза, которые он увидел сегодня на лице куклы в театре Смертьева.

— Кто ты? Увижу ли я тебя еще когда-нибудь?.. — прошептал Витя.

Неожиданно прямо над его головой раздался скрип. Мальчик вздрогнул и вжался в жесткий диван, на котором лежал. Он точно знал, что в комнате над ними, да и вообще во всей гостинице не было никого. Служащий должен был сидеть где-то внизу. Тогда кто же ходил там, в верхней комнате?

Шаги, от которых так невыносимо скрипел потолок, все продолжались. Под чьими-то ногами выгибались ветхие доски, ссыпалась вниз пыль. Вите казалось, вот-вот потолок проломится и кто-нибудь рухнет в комнату...



...Через несколько минут в номер вошла Витина мама. В руках она держала пахнущую котлетами и картофельным пюре кастрюлю.

— Сынок. Это я... Как ты тут? — позвала с порога мама.

Никто не отозвался. Мама поставила кастрюлю на столик и заглянула в комнату к сыну. Там было пусто.

— Витенька... — дрогнувшим голосом прошептала мама и бросилась к окну, словно ожидала, что увидит его во дворе. — Где ты, Витя?..

Но она не увидела ни Вити, ни дворика — за окном стояла кромешная тьма. И вдруг за ее спиной раздался шорох.

Мама вздрогнула и обернулась. Из-под кровати показалось мертвенно-бледное лицо какого-то призрака. Мама сдавленно вскрикнула и судорожно вцепилась пальцами в подоконник.

А «призрак» прошептал:

— Мне очень страшно. Я хочу поскорее отсюда уехать.

Только теперь мама признала своего сына Витю. Она подбежала к Вите и, помогая ему выбраться из-под кровати, сказала:

— Ну зачем ты туда залез?

— Я уже думал, что больше никогда тебя не увижу. Думал, «они» заберут меня...

— О ком ты?

— Я не знаю, мама. Но я чувствую: «они» окружают нас...

Мама погладила сына по голове и промолвила:

— Теперь уже совсем недолго нам осталось здесь томиться. Утром мы уедем...



— Дожить до завтрашнего утра! — воскликнул Витя.

— Что ты такое говоришь? Ничего страшного этой ночью не случится, ты хорошо выступишься, а завтра...

Затем они приступили к ужину. Картофельное пюре с котлетами оказалось очень вкусным, и Витя даже позабыл о своих страхах, и только в самом конце, когда мать с сыном допивали клубничный кисель, мальчик спросил:

— И где же ты все это приготовила?

— Служащий помог.

Витя нахмурился и тихо проговорил:

— Это плохо.

— Плохо? — переспросила мама. — Почему?

Мальчик хотел было сказать, что этот служащий слишком подозрительный, наверняка он тоже подвержен действию темных сил, но все же воздержался и только неопределенно пожал плечами.

...Позже они перетаскивали кровать мамы в комнату Вити. А потом занавесили окно и легли спать. Свет им не пришлось выключать, так как электричество в эту ночь и так не подали.

* * *

Витя проснулся от резкой боли в своем левом запястье. Рука словно горела. С трудом вынув ее из-под одеяла, мальчик увидел, что вся его левая кисть источала алое свечение. Если бы не сильнейшее жжение, от которого хотелось кричать, Витя подумал бы, что видит кошмарный сон. Но источником боли была как раз линия жизни, в том самом месте, где оставил царапину Смертьев.

Между тем алое свечение быстро распространя-



лось по всему телу мальчика, а через несколько минут уже и сам Витя светился так ярко, словно бы он превратился в огромную лампочку.

Но на самом деле мальчик превращался отнюдь не в лампочку, а в отвратительную деревянную куклу. В конце концов боль в руке сделалась невыносимой настолько, что захлестнула все сознание Вити, и, казалось, еще немного — и истошный вопль вырвется из его груди.

Но кричать мальчик не мог. Он еще не знал, что уста его слиплись навсегда, и теперь уже никакая сила, кроме колдовских чар Смертьева, не сможет их разлепить.

Витя попытался выгнуться на кровати, но его тело издало такой страшный скрип, что мальчику стало не по себе. Витя мельком взглянул на свои руки и ужаснулся. Теперь они представляли собой диковинную смесь из сегментов человеческой кожи и древесной коры. Причем в тех местах, где кожа соединялась с деревом, кипела и пузырилась кровь, выбиваясь наружу лучиками алого света.

Несмотря на то, что Витя не мог закричать, шум, который он производил, все же был достаточно сильным, чтобы разбудить его мать. Но женщина лежала на спине, совершенно недвижимая, с лицом, выражающим полное спокойствие.

Мальчик из последних сил повернулся к ней, и из глубин его груди вырвался молящий стон. Только бы она проснулась! Только бы взяла его за руки. О — тогда бы он был спасен! Витя знал, что материнская любовь победит злые чары Смертьева, но мать оставалась все такой же безмятежной. И тут он вспомнил их вечернюю трапезу. Ну конечно, как же он сразу не догадался, что служащий подсыпал в ку-



шанье какой-то порошок! Именно поэтому мама спала теперь как убитая.

Неожиданно раздался дикий свист, и окно со звоном распахнулось настежь. Что касается занавесей, то они в одно мгновение были просто снесены в сторону и теперь бились на ветру с чудовищной силой.

Черные ветви ясеня жадными щупальцами ворвались в комнату, потянулись к кровати, на которой, скрипя деревяшкой, извивался Витя, и сжали его с такой силой, что мальчик не в силах был пошевелиться, лежа, как в коконе, в деревянных клешнях ясеня.

— Я тебе говорил, что от меня не уйдешь, — донесся до Вити голос. — Отныне — ты мой раб!

И щупальца потащили Витю к стволу в страшное черное дупло ясеня.

Мальчик упал в мрачный зев дерева и полетел вниз по стволу, не надеясь остаться в живых. Ему показалось, что он падал целую вечность. Но неожиданно туннель, по которому он летел, закончился, и Витя выкатился из-под корней ясеня на выжженную траву. Мальчик попытался было подняться на ноги, но не смог — его тело совершенно не слушалось.

И тут со всех сторон к Вите бросились те уродливые куклы, которых он видел давеча на площади, во время их отталкивающего, кровавого представления. Но если раньше эти карлики едва доставали мальчику до колена, то теперь они были одного с ним роста. Деревянные человечки схватили Витю и быстро потащили через двор к черной карете.

— Куда вы меня тащите? — стонал Витя.

— Туда, где только боль и ужас... — был ответ.



Черная карета остановилась перед толпой карликов, и в ней распахнулся огромный, похожий на темницу ящик, из которого вывалились веревочные лестницы. По ним куклы начали поднимать Витю вверх, в карету...

Глава IV

ДВОР И ЧЕРЕПА

Попад в ящик черной кареты, Витя сразу потерял сознание, а когда очнулся, первое, что увидел, было дерево, на корявых ветвях которого болтались человеческие черепа. Только теперь это дерево казалось мальчику огромным, как гора, а каждый из черепов, висевших на нем, был величиной с его тело.

Откуда-то сверху раздался насмешливый, грубый голос:

— Давай поднимайся! Хватит отлеживаться! Или хочешь, чтобы я на тебя полил огненной водицы?

Витя повернул голову. И увидел в двух шагах от себя Смертьева. Этот злой колдун показался превращенному в куклу мальчику таким громадным, каким обычному человеку увиделся бы тридцатиметровый великан. Лицо Смертьева было скрыто под низко нависающим капюшоном.

Увидел он, что подбородок Смертьева состоит из бесчисленного числа кусочков человеческой кожи и деревяшек. Все эти кусочки постоянно шевелились и стремительно перемешивались между собой, словно бы это была одна огромная головоломка, один самый сложный кубик Рубика, который кто-то в спешке попытался сложить, но у него ничего не получалось.



Руки Смертьева скрывались под кожаными перчатками, но все же по постоянному происходящему в них шевелению несложно было догадаться, что и там громоздились друг на друга деревянные и человеческие части.

Смертьев держал большую (а для Вити так просто исполинскую красную лейку), из которой поднимался алый дым.

— Так ты хочешь, чтобы я на тебя еще полил огненной водицы?

Витя пробурчал нечто невразумительное, на что Смертьев хмыкнул и произнес:

— Вижу, что хочешь...

Тут он наклонил лейку над мальчиком и излил на него несколько ярко-алых, похожих на смесь из крови и пламени капель, каждая из которых была размером с Витину голову.

Эта колдовская жидкость тут же впиталась во все его тело и вызвала сильнейшее жжение. Деревянный мальчик начал выгибаться, издавать скрипы и стоны, что немало позабавило Смертьева.

Мучения продолжались очень долго; огненная, жгучая боль была неимоверно сильной — она раздирала каждую клеточку крошечного деревянного тельца Вити. Но забвенье все еще не приходило, и даже напротив — сознание оставалось на удивление ясным.

Наконец Смертьев произнес:

— На первый раз, думаю, достаточно. Надеюсь, ты скоро приучишься исполнять все мои приказы без промедления, и в таком случае твои дальнейшие страдания окажутся не такими уж сильными. А теперь — поднимайся!



Витя встал и посмотрел по сторонам. Как и ожидал, он увидел темный дом, страшно искореженный, огромный, а еще ту стену высоченную, которая этот дом окружала. Для мальчика, ставшего куклой, эта стена теперь представлялась непреодолимой преградой.

И еще увидел он кукол. Эти жалкие создания со страшными деревянными телами, облаченные в ветхие средневековые костюмы, стояли ровными рядами недалеко от него и напряженно чего-то ждали. Все они были одного роста с Витей и лицами своими походили друг на друга, словно братья-близнецы. Вот только глаза у всех были разные — человеческие, живые глаза, в которых не могла укрыться отчаянная и нестерпимая боль.

— Среди вас, ничтожные рабы мои, есть новенький, — рявкнул Смертьев. — Поприветствуйте же его по нашему обычаю!

Тут куклы, окружавшие со всех сторон Витю, начали по очереди подходить к нему и, размахиваясь, наносить один за другим сильнейшие удары по голове и груди. Поначалу мальчик пытался сопротивляться, но Смертьев издал какой-то особый свист, и Витя потерял способность двигаться — его ноги, словно корни дерева, вросли в землю, а сам он недвижимым истуканом замер на месте. Боль от тумаков, сыплющихся на голову мальчика, была настолько невыносимой, что Витя держался из последних сил, только бы не заплакать.

Наконец последняя кукла нанесла Вите удар и отошла на свое место. Смертьев удовлетворенно улыбнулся:

— Вот и замечательно, — произнес он. — У нас



не принято цацкаться, у нас обращение самое строгое. Мои рабы причиняют друг другу боль и учатся быть безжалостными. В дальнейшем вам это очень пригодится...

Затем он прокашлялся и рявкнул:

— А теперь приступаем к утренней молитве!

Как по команде куклы рухнули на колени перед черным деревом и, воздев к нему свои деревянные ручки, затянули протяжные, заунывные песнопения.

— Ну а ты чего встал, словно истукан?! — крикнул Смертьев и плюнул Вите на спину.

Огненной кипучей лавой растекся этот плевок по позвоночнику мальчика, и, затрещав, он опустился на колени...

«Смерть все-ему!! Бо-оль, стра-ада-ания, ужа-ас будут править этим миром! — повторял Витя вслед за куклами. — Мы славим ве-е-ечную тьму-у-уу!!»

Много страшных слов выкрикивал он еще с хором маленьких деревянных человечков, а Смертьев возвышался над своими рабами и довольно посмеивался.

Наконец колдун хлопнул в ладоши и прорычал:

— Ну, а теперь приступайте к работам!

* * *

Все, что происходило дальше с Витей, весьма напоминало дурной сон.

Его и еще одну куклу запрягли вместо коней в соху, и они, понукаемые одним из своих товарищей, начали вспахивать выделенный для их работ участок.

Земля в том месте, где они пахали, имела болез-



ненно-желтоватый цвет и из нее сильно пахло тле-
ном. Работать было очень тяжело, учитывая, что де-
ревянные члены гнулись с трудом и каждое движе-
ние причиняло Вите сильную боль. Но, судя по сто-
нам остальных кукол, так же страдали и они.

Следом за сохой Вити шла кукла-девочка. К ее
шее был привязан большой ящик, из которого она
доставала семена с маленькими, но очень острыми
шипами, постоянно коловшими ее руки, и засеива-
ла землю.

Судя по тому, как девочка вздрагивала, укусы
хищных семян причиняли ей сильные страдания.
Но все же карлица терпеливо выполняла свою рабо-
ту, продолжая втаптывать семена поглубже в землю,
так как знала, что за оплошность ее ждет жестокое
наказание.

...Вскоре Витя совсем истомился. Едва раскры-
вая свой деревянный рот, он простонал:

— Долго ли нам еще?

Шедший рядом с ним деревянный человек
прошептал голосом зловещим и безысходно-мрач-
ным:

— О чем ты говоришь? Рабочий день только на-
чался. Ты ведь попал в царство боли и ужаса. Дума-
ешь, Смертьев даст нам отдыхать?.. Нет — этого не
будет. Привыкай к непрерывному страданию...

Сознание Вити все время пребывало где-то
между забытием и явью. И вот через какой-то отре-
зок времени, который показался ему бесконечным,
мальчик услышал рев Смертьева:

— Довольно! Бросайте работу и собирайтесь к
дереву на вечернюю молитву!

От этого известия Витя не получил никакой ра-



дости и никакого облегчения. Ему казалось, что больше не существует ничего, что могло бы принести радость...

И вновь куклы выстроились возле страшного дерева, на котором висели человеческие черепа. В наступившем вечернем сумраке отчетливо было видно, что пустые глазницы черепов источают алое свечение. И оно тоже причиняло боль, страшными мучениями отдаваясь в деревянном черепе.

Смертьев приказал читать вечернюю молитву, и куклы опять затянули страшные, призывающие тьму слова.

— Хорошо, очень хорошо, — взревел колдун, когда молитва закончилась. — Можете приступать к вечерней трапезе.

Одна за другой куклы начали подходить к дереву. Они становились прямо под черепами, закидывали вверх головы и раскрывали рты так широко, как только было возможно.

Сверху в их рты из мертвых глазниц вытекала густая алая жидкость, проглатывая которую куклы начинали светиться алым светом, а из их деревянных тел слышалось шипенье.

Витя замешкался, и его пинками погнали к дереву, со всех сторон слышался яростный шепот кукол:

— Не задерживай! Выполняй то, что полагается.

Но Витя про себя решил, что не станет пить эту гадость, скорее всего — это тот самый дурман, который окончательно затуманит его сознание.

— Пейте! Пейте! Пейте! — разносился в воздухе голос Смертьева.

Витя чувствовал, что колдун обращает особое



внимание именно на него, и от этого пребывал в сильнейшем смятении. Он никак не мог придумать, как избежать принятия этого отвратительного напитка, но времени на размышления не было.

Со всех сторон доносились злобные, шипящие голоса окружавших его кукол:

— Если ты сейчас же не выпьешь, мы тебя разорвем на кусочки...

И вдруг Витя услышал теплый и ласковый голос:

— Прижми свой язык к нёбу и сделай глоток. Жидкость попадет в выемку под языком, а потом ты просто склонишь голову, и она выльется... — слова звучали настолько тихо, что мальчик едва смог их разобрать.

Он быстро повернул свою деревянную голову и увидел васильково-голубые глаза.

— Кто ты?! — спросил Витя.

Но обладательница этих прекрасных очей была уже оттеснена другими куклами, которые начали нещадно колотить и без того уже измученного Витю.

— Немедленно пей! Пей! — шипели они.

Наконец и Смертьев сделал угрожающее движение к нерасторопной кукле...

Витя понимал, что дальше тянуть нельзя. Он подошел под череп, поднял голову, прижал свой деревянный язык к небу и...

Алая жидкость, шипя и булькая, перетекла к нему в рот и попала в весьма глубокую выемку, которая располагалась под его языком. Мальчик ощутил сильнейшее жжение, ему показалось, будто изрядная горсть живых раскаленных игл вонзилась в его горло и прошла все тело.

Он чувствовал, что долго так не выдержит: либо



закричит, либо упадет, либо просто выплюнет эту гадость, но тут среди бесчисленного множества неприятных звуков он вновь услышал такой родной, такой желанный голос куклы с васильково-голубыми очами:

— Ты, главное, потерпи, ладно? Еще немножечко... Пожалуйста... Я тебя очень прошу... А потом будет легче...

Только благодаря этому голосу Витя вытерпел все до конца.

— Ну, чего ты здесь встал?! Катись отсюда! Кончилось сегодняшнее вливание! — оттолкнул мальчика какой-то особенно грубый карлик.

Витя согнулся, сколько это позволяло ему деревянное тело, и медленно отошел в сторону. В воздухе же гремел хохот Смертьева, который был уверен, что его новый раб принял изрядную порцию отравы.

Неожиданно Витя почувствовал, как деревянная ручка, которая по самой природе своей не могла быть мягкой и нежной — ласково подхватила его под локоть, и голосок куклы с васильковыми глазами зазвучал возле самого Витинового уха:

— Иди за мной...

Витя сделал несколько шагов, после чего тот же голос сказал:

— Вот здесь есть небольшая канавка, в нее ты можешь вылить все, что сейчас заглотил...

Мальчик поскорее раскрыл рот и извергнул из себя отвратительную жидкость, а его союзница проговорила:

— У нас есть несколько минут, пока последние куклы не выпьют отраву. Так что иди за мною...

— Куда?





— Иди, иди. Просто доверься мне...

И вот они оказались в маленькой ложбинке, заросшей невысоким кустарником со странными, причудливо изогнутыми плодами, которые серебристо светились.

Синеглазая кукла сорвала один из этих плодов и разделила его на две половинки, одну из которых протянула Вите, а другую оставила себе. Девочка начала быстро поглощать этот светящийся плод, рассыпая вокруг семена, которые сероватыми светлячками кружились в воздухе и медленно оседали на землю.

— Ты тоже ешь, — посоветовала ему девочка-кукла.

Витя попробовал и сморщился — плоды по своему вкусу напоминали пепел и были совершенно безвкусными.

Но девочка сказала:

— Ты должен их съесть. Твоему деревянному организму нужно питание, кроме алой черепной жидкости, здесь только эти ягоды могут дать тебе силы...

Но тут вновь загремел голос Смертьева:

— А ну-ка, жалкие твари, все сюда!

И девочка вымолвила:

— Лучше не мешкать. Как ты понял — за малейшую провинность здесь жестоко наказывают.

Витя поспешно разжевал светящуюся ягоду и спросил:

— Как тебя зовут?

— Когда-то меня звали Олей, — печально ответила кукла.

Витя тоже назвал свое имя, а затем добавил:

— А мы можем отсюда сбежать?



Кукла Оля быстро оглянулась, проверяя, нет ли кого-нибудь поблизости, и произнесла:

— Это практически невозможно...

— Но все-таки, может, у нас есть хоть один шанс?

— Да... — ответила девочка.

— Я слышал, что этот дом стоит среди кладбища... — начал Витя.

— Это так. Но его охраняют черные колдовские коты — прислужники Смертьева.

— Может, попробуем пробраться мимо них? — спросил Витя.

— Это очень опасно, но...

— Что «но»? — Витя посмотрел в огромные васильковые глаза.

— Тихо, — предостерегла его девочка. — Нас могут услышать. Потом поговорим...

Витя и Оля подошли к другим куклам, которые выстраивались под присмотром Смертьева, и стали ждать дальнейших приказаний. Колдун был все так же насмешлив и зол, демонстрируя над своими рабами безграничную власть. Вот он хлопнул в ладоши и позвал своих слуг. То были особенно уродливые клешнелопатые куклы. Они раза в три превышали деревянных и, таким образом, доставали Смертьеву до пояса.

Клешнелопатые чудовища начали толкать деревянных кукол, подгоняя их к дому.

— Ты должен идти прямо и чеканить шаг, — шепнула Оля. — Иначе Смертьев так тебя накажет, что ты до завтрашнего утра не сможешь двигаться...

— Хорошо, — ответил Витя и, чеканя шаг, вместе с остальными куклами пошел к черному дому Смертьева.



Глава V

ЧЕРНАЯ НОЧЬ

Темной колдовской паутиной оплело выпитое из черепов зелье всех кукол. Исключение составляли только Витя и Оля.

Рабы Смертьева прошли в большую темную залу, попадали там на пол и начали издавать зловещие звуки: странную помесь из гудения, скрежета и стонов.

Оля шепнула Вите:

— Делай то же, что и они...

Вите немалых трудов стоило скопировать эти звуки, а Оля издавала их столь умело, что трудно было бы заподозрить ее в какой-то фальши.

Смертьев вошел вслед за куклами в эту залу и некоторое время простоял при входе, довольно причмокивая. Через несколько минут он повернулся и вышел...

Куклы, переворачиваясь с боку на бок, продолжали стенать и выгибаться. Похоже, их терзали кошмары и чувство безысходной злобы.

Но вот Витя обратился к Оле:

— Ты знаешь, я просто не могу здесь больше находиться. Сил моих нет. Это напоминает кошмарный сон и в то же время — это реальность. Как вспомню о своей маме, сердце сжимается. Ведь уже целый день прошел с тех пор, как я пропал. И как она без меня?..

Оля ответила:

— А уж как я здесь истомилась. Сбежать отсюда — это самая главная моя мечта...

Дальше говорить не стали, так как пришло время действовать.



Витя и Оля взялись за руки и пошли, переступая через мечущихся по полу, отравленных алым зельем кукол.

Таким образом они дошли до закрытой двери. И Витя уже хотел попытаться приоткрыть ее, как Оля потянула мальчика в сторону и проговорила:

— Здесь в стене есть дырка, через которую бегают крысы... Я эту дырку немного расширила, так что теперь и мы можем выбраться в коридор.

— Только «немного» расширила? — переспросил Витя.

— Ну да. А что?

— Хотел бы я знать, какие здесь в таком случае крысы.

— Лучше бы тебе и не знать. Однажды Смертьев отдал одну особо провинившуюся куклу на растерзание этим тварям. Они грызли дерево, но из дерева текла кровь. Никогда не забыть мне, как та бедняжка кричала... Но довольно об этом, а то еще накличем встречу с этими зубастыми чудищами. Вот, кстати, и проход...

И Витя следом за Олей пробрался в узкий лаз, стены которого были покрыты источающей слабое зеленоватое свечение смрадной слизью. Кстати, от основного прохода отходили и другие, более узкие, в которые при большом желании тоже можно было протиснуться — эти проходы вели и вверх, и вниз, и в боковые стороны. Из некоторых исходил особенно сильный смрад, а в одном мальчик услышал отдаленное шипенье и какой-то лязгающий звук.

Оля шепнула:

— Весь дом Смертьева пронизан такими крысиными ходами. Но нам по ним лазить не стоит. Это ведь верное смертоубийство...



Впереди забрезжило слабое темно-синее свечение. Тогда Витя спросил:

— Что там?

— Коридор... — опять-таки шепотом ответила Оля.

Тут Витя позвал ее:

— Оля!

— Да?

— Как ты оцениваешь наши шансы на спасение?

Они велики?

— Честно говоря, совсем невелики, — вздохнула Оля.

* * *

И вот мальчик и девочка выбрались в коридор. Он показался им просто огромным. В этом коридоре было очень темно, но на стенах висели картины, рамы которых источали темно-синее свечение. На каждом полотне был изображен человеческий череп, в глазницах которого мерцало алое свечение. Черепки немного двигались, при этом из каждого «портрета» проступали и тут же исчезали деревянные части.

Коридор наполняла тишина. Но это была такая тишина, что любое, даже и самое слабое поскрипывание собственных деревянных суставов казалось непростительно громким; а уж о том, чтобы переговариваться, даже и мысли не возникало.

Беглецы медленно шли вдоль стены и прислушивались. Посторонние звуки — скрип ли двери или какой-либо иной шум — сказали бы ребятам, что та темная колдовская сила, которую они ощущали вокруг, была теперь направлена не на них, и что никто пока их не заметил.

Но абсолютно никаких звуков не было, и бегле-



Паук был уже рядом с ребятами. Он возвышался над ними страшной горой из дерева, железа и человеческой плоти и уже тянулся к куклам.



цы предчувствовали, что вскоре эта тишина разродится чем-то страшным...

Вдруг засвистел ветер. И вот он мощным потоком ворвался в коридор. Витя и Оля изо всех сил вжались в стену. Больше всего им хотелось теперь стать невидимыми...

И вот чернота в дальней части коридора зашевелилась и выплеснула из себя мохнатые паучьи лапы, а затем показалось и само тело паука, непрерывно пульсирующее ледяным синеватым свечением. Животное было усеяно множеством выпученных человеческих глаз.

— А ведь он заметит нас... — шепнул Витя.

— Знаю... — ответила девочка.

— Тогда чего мы ждем? Надо бежать...

— От него не убежишь.

— Но что же тогда?..

— Есть одна возможность спастись. Слушай меня внимательно...

Оля торопливо зашептала мальчику, что надо делать, а потом добавила:

— Только действовать надо очень быстро. Я вообще сомневаюсь, что что-нибудь получится, но иного пути просто нет...

Паук был уже рядом с ребятами. Он возвышался над ними страшной горой из дерева, железа и человеческой плоти и уже тянулся к куклам своими сильными лапами, намереваясь схватить их и доставить на расправу к Смертьеву.

И тут Оля обратила все свое внимание к одному из многочисленных паучье-человечьих глаз и зашептала голосом ласковым и проникновенным:

— Брат мой дорогой, Васенька, узнал ли ты меня? Ведь это я, сестра твоя Оля. Помнишь ли меня?



Глаз, к которому обращалась кукла, неожиданно просветлел. От него по всему телу чудовища вдруг прошла судорога, а само оно застыло на месте, хотя его лапищи продолжали дрожать возле лиц сбежавших кукол. Чувствовалось, что внутри паука происходила борьба неведомых сил.

Тогда девочка зашептала еще более проникновенным и жалостливым голоском:

— А помнишь ли колыбельную, которую я тебе пела, когда ты был совсем маленький? Ведь тебе очень нравилась эта песенка. Хочешь, спою?..

И одновременно с этими словами кукла подтолкнула Витю — пора было приступать к тому, о чем они заранее договорились.

Мальчик медленно, стараясь не привлекать паучьего внимания, пригнулся к полу и неуклюже из-за непослушного деревянного тела пополз к пауку.

А Оля тем временем принялась петь:

Тише, брат мой милый,
Тише, сладко спи...
Сон луна нам подарила;
Сну мечту шепни...

Тот глаз, к которому были обращены эти спокойные слова, сделался таким мечтательным, таким светло-печальным, что казалось, и не существует никакой мрачной колдовской силы; казалось, вот сейчас раздастся голос Олиного братца Васи: «Сестрица моя, конечно, я тебя помню... Наконец-то мы вновь встретились!»

Но те единственные звуки, которые производил паук, были только урчаньем, сопеньем и шипеньем. Остальные части паучьего уродливого тела кривились, дыбились, подергивались — видно, что в нем происходила борьба.



Кукла Оля продолжала колыбельную, и она вкладывала в свое пение все, какие были у нее, светлые душевные силы, глядя ласковым взглядом на бесчисленные паучье-человечьи глаза, которые в свою очередь тоже были устремлены на девочку. Между тем Вите удалось незаметно пробраться под брюхо чудовища. Где, как и говорила ему Оля, он увидел маленькую покрытую слизью дверцу. Мальчик дернул за едва приметную ручку, и дверца, хоть и неохотно, поддалась.

Витя залез в брюхо паука и внимательно осмотрел причудливую помесь из механизмов и органических соединений. Урчали какие-то зубчатые передачи, крутились бесчисленные ремешки, дергались железные цилиндры, и все это было опутано черными склизкими венами, в которых не переставая пульсировала кровь. Овальные стены и потолок паучьего брюха покрывали поблескивающие мускулы, которые и приводили в движение лапы. В мускулы были вделаны глаза, от которых тянулись, переплетаясь, электрические провода, по которым, по всей видимости, глаза и получали энергию.

Изнутри в каждой из стен эти глаза казались выпуклыми иллюминаторами, через которые вполне можно было наблюдать за тем, что творится снаружи. Витя видел Олю, которая все еще продолжала петь, но которая уже порядком утомилась. Паук обхватил ее деревянное тельце своей могучей лапой, и приподняв, раздумывал — начать ли тревогу или еще послушать ее душещипательные колыбельные...

Витя прекрасно помнил все, о чем говорила ему Оля. Он начал внимательно присматриваться к многочисленным механизмам паучьего брюха и вскоре увидел зеленого цвета рычажок, за который и дер-



нул, получив при этом страшный удар какого-то железного стержня. В тот же миг в глазах мальчика потемнело, и, лишившись чувств, он повалился на склизкое днище...

* * *

Во мраке засияли васильково-голубые глаза, и Витя, с трудом разлепив свои деревянные веки, увидел куклу Олю, которая склонилась над мальчиком и гладила его своей маленькой ладошкой по голове.

— Ну вот ты и очнулся... — говорила девочка нежно.

— А долго я пролежал без сознания?

— Совсем недолго, и минуты не прошло...

— Это хорошо... — сказал мальчик и попытался подняться.

Он встал при помощи Оли и обнаружил, что по-прежнему находится в паучьем брюхе. Витя поморщился — от стен исходил пренеприятный затхлый запах.

— Мне удалось остановить паука? — он удивленно и в то же время радостно взглянул на Олю.

— Ага, — кивнула кукла.

— Тогда давай выбираться наружу...

— Мне кажется, пока не стоит.

— А в чем дело?

— Сейчас посмотрю в стеклянный глаз...

Девочка-кукла указала на один из выпученных зрачков. Витя посмотрел в него и увидел, что теперь в коридоре появилась некая черная с ядовито-белыми разводами тень. Она медленно двигалась вдоль стены и время от времени начинала трястись с такой быстротой, что от одного взгляда на ее конвульсии уже начинали болеть глаза.



— Что это? — шепнул Витя.

— А ты как думаешь?

— Наверное — один из слуг Смертьева.

— Совершенно верно — это призрак, один из прислужников колдуна Смертьева. Его уж точно мне не удастся зачаровать своим пением. Скорее всего, он сразу разорвет нас на куски. Так что предлагаю продолжить наш побег внутри этого паука.

— Как? Ты и им умеешь управлять? — восхищенно выдохнул Витя.

— К сожалению, нет. Ведь я никогда не обучалась этому специально; просто видела, как другие куклы помогали Смертьеву его собирать.

— А что это за зеленый рычаг, на который я нажал?

— Он парализует всю двигательную систему... — начала было объяснять девочка, но не договорила — со всех сторон вдруг послышалось страшное шипенье, и мгновенно в паучьем брюхе стало так холодно, что две укрывшиеся в нем куклы застучали зубами.

Витя посмотрел через зрачок наружу и увидел, что теперь страшный призрак подошел к ним вплотную.

— Он заподозрил неладное, — прошептала Оля. — Дело в том, что такие пауки, в котором мы сейчас находимся, должны постоянно ползать...

Тут девочка-кукла повернула какое-то колесико, в результате чего паук заскрипел, задрожал и двинулся вперед.

Похоже, что призраку этого показалось достаточно. Во всяком случае, он полетел в другую сторону и скрылся в стене.

— Молодец, — похвалил Олю Витя.



Но девочка покачала головой и вздохнула:

— Я видела, как при сборке паука нажимали это колесико и от этого паук начинал двигаться. Но я не знаю, как управлять этим механизмом. Ведь нам надо спускаться по лестнице...

И Оля обратилась к дрожащим стенам:

— Брат мой милый, если можешь, помоги нам, пожалуйста...

— Так, значит, твой брат тоже был похищен... — произнес Витя.

— Смертьев похитил нас с братом одновременно, — печально сказала Оля.

Витя хотел было еще что-то спросить, но не успел: паук приблизился к стене, на которой чернело окно в беззвездной ночи.

— Нам бы на лестницу повернуть... — заметил мальчик.

— Вот и я про то же, — вздохнула Оля.

И вдруг выкрикнула:

— Прыгаем наружу...

Они бросились было к распахнутой двери, чтобы успеть выскочить из паучьего брюха, но Витя еще не научился достаточно ловко двигаться в своем деревянном теле. В результате он зацепился телом за какой-то механизм и с грохотом повалился обратно на дно паука. А нажатый при падении рычажок сделал так, что паук начал дергаться с утроенной скоростью.

Тут же последовало столкновение со стеной, но, к счастью для беглецов, как раз в этом месте на стене стояла непрочная заплата, которую паук и пробил, вылетев наружу. Прежде чем упасть на землю, это мохнолапое чудовище несколько раз переверну-



лось в воздухе и рухнуло в нескольких шагах от усеянного черепами дерева.

Паук лежал на спине, бешено размахивая всеми своими шестью лапами, и не мог перевернуться на брюхо.

Витя и Оля, потирая ушибленные места, осторожно подобрались к двери, которая теперь находилась над их головами, и выглянули наружу.

Поблизости со свистом секли воздух могучие лапы паука, и казалось практически невозможным пролезть между ними.

— Смотри, — прошептал Витя и кивнул на темный дом.

В самом большом окне дома вспыхнул алый свет.

— Это Смертьев, — промолвила Оля.

— Проснулся, что ли? — поинтересовался Витя.

— Нет. Смертьев никогда не спит. Я думаю, он гостил в аду, но услышал шум, произведенный при падении паука, и вернулся. Пока Смертьев не разобрался, в чем дело, но это не надолго, скоро он выйдет в окно и тогда... В общем — надо бежать...

Витя произнес:

— Вряд ли удастся проскользнуть между паучьими лапами...

— Но ничего другого нам просто не остается.

— Да. Ты права...

— Вот что, Витя, выслушай меня внимательно: видишь, вон там из стены выступает голова каменной горгульи? Так вот. Прямо под этой головой ты найдешь небольшой выступающий камень. Просто нажми на него, и часть стены отъедет в сторону. Беги. Ты окажешься на кладбище. Там будь осторожен. Постарайся пробраться незамеченным до леса,



а там затаись в какой-нибудь канавке и дождись рассвета...

— Но зачем ты мне все это рассказываешь? — удивился Витя. — Ведь мы же будем вместе.

— Сердце мое говорит о другом.

— Что?..

Витя посмотрел в ее изумительные васильково-голубые глаза и прочитал в них предчувствие разлуки и затаенную боль.

Он заверил Олю:

— Ты крепче держись за мою руку, и мы не разлучимся...

А Оля произнесла:

— Ты, главное, беги. Помни, что освобожденный ты сможешь принести больше пользы для всех нас.

И все же девочка схватила его за руку. Они выбрались из брюха и хотели было уже бежать. Но не успели сделать и нескольких, как Витю сбила одна из паучьих лап, а Олю отбросила в сторону другая. Как бы крепко беглецы ни держались друг за друга, их руки все же расцепились, и куклы полетели в разные стороны. Витя отлетел к стене дома, а Оля — к самому его входу.

Мальчик вскочил и хотел было броситься на помощь своей подруге, но было поздно. Олю уже тащили внутрь дома какие-то темные тени.

Чувствуя боль от разлуки с девочкой, Витя все-таки побежал вдоль стены, как наказывала ему Оля, и вскоре никем не замеченный добрался до каменной горгульи, под которой действительно нашелся выступающий камень. Дрожащими деревянными пальцами Витя изо всех сил нажал на выступ, и в ту же секунду перед мальчиком открылся проход в



стене. А за ним в темном холодном тумане едва виднелись очертания кладбища.

И вот маленькая уродливая кукла, которой был теперь Витя, дрожа от страха, устремилась на этот наполненный зловещим колдовством древний погост.

Глава VI

КЛАДБИЩЕ И ЛЕС

Если во дворе дома Смертьева еще присутствовал хотя бы слабый багровый свет, то за его пределами царил абсолютный непроницаемый мрак.

Не успел Витя сделать и нескольких шагов, как обо что-то споткнулся и кубарем покатился вниз.

Свалившись на дно глубокой ямы, мальчик почувствовал, что совсем рядом с ним лежит нечто такое, что его приводило в жуткий трепет. С одной стороны, Вите вовсе не хотелось это «что-то» увидеть, но, с другой стороны, он чувствовал, если не выяснить причину страха, его сердце попросту разорвется на части.

И тут Витя с удивлением обнаружил у себя одну странную способность — должно быть, где-то за его живыми, человеческими глазами находился некий скрытый механизм, который позволял мальчику по его желанию подавать освещение. Деревянный человечик «включил» этот механизм.

И из его глаз полился тускло-желтый свет. Теперь мальчик отчетливо видел, что прямо у его ног на сухой, безжизненной, покрытой трещинами земле лежала почерневшая мумия. Одежда на ней совершенно истлела, а в некоторых местах она даже



срослась с самым остовом. А ссохшиеся остатки кожи на черепе и конечностях основательно прилипли к старым костям.

Вид у мумии был жутким. Витя чувствовал присутствие в ней злобной, направленной на уничтожение всего живого энергии.

Вдруг мумия пошевелилась, и из ее глазниц хлынуло зловещее багровое свечение. Витя издал сдавленный вопль и кинулся бежать. Но в какую бы сторону он ни направлял свое движение, кругом упирался в высокую земляную стену.

Наконец мальчик сообразил, что он свалился прямо в могилу, а при его нынешних кукольных размерах едва ли удастся из нее выбраться. Но сделать это было просто необходимо!

Витя вцепился своими деревянными ручками в затвердевшие комья земли и попытался подтянуть вверх свое неуклюжее тело. Но костяная длань мумии схватила мальчика за деревянную пятку и сдавила ее с такой силой, что раздался треск.

Мумии не было большого дела до Витиных деревянных ног, но вот до его живых, человеческих глаз она жаждала добраться во что бы то ни стало. Именно глаза были ненавистны злобной мумии — она жаждала их выцарапать и поглотить...

Чувствовал это и Витя, отчаянно сопротивляясь в цепких руках мумии. Когда она оттягивала деревянного человечка назад, он изо всех сил цеплялся за землю, пытаясь найти хоть какую-нибудь опору. С треском рвались сухие, давно прогнившие корни, осыпались засохшие комья глины, но мальчику просто не за что было ухватиться. Вдруг он заметил тайный ход, который проходил под могилой.

Витя собрал последние силы и совершил воис-



тину титанический рывок. Что было мочи он дернул свою деревянную пятку, и она, а также вся ступня правой ноги с треском оторвались и остались в костистой руке мумии. Сам же мальчик провалился в темный и смрадный лаз и пополз по нему, с силой разгребая землю руками.

Продвигаясь по узкому сырому проходу, Витя чувствовал резкую, пронизывающую боль в ноге.

Мальчик полез вперед по туннелю, все еще чувствуя за собой преследование мумии, которая от своей неудачи, а также от запаха человеческой крови разъярилась еще больше и теперь старалась вновь схватить свою ускользающую добычу.

Но подземный коридор, по которому полз деревянный человек, оказался слишком узким для мумии, она застряла на полдороге и теперь лишь яростно шипела где-то в глубине тунеля, освещая Витин путь своими яркими, разгоревшимися красным светом глазницами.

Но мальчик уже ни о чем не думал. Он просто полз вперед и вкладывал в эти непрерывные, отчаянные движения все свои силы...

* * *

Должно быть, пережитые ужасы, а также затхлый запах узкого подземного хода оказали такое действие на Витю, что он на некоторое время потерял сознание. Когда же мальчик очнулся, то обнаружил, что лежит на невысоком земляном склоне, покрытом темной хвоей. Унылые, мрачные ели плотной стеной окружали Витю со всех сторон. Казалось, невозможно пробраться сквозь их плотно сплетенные корни и ветви. Но теперь мальчик был недо-



ступен для мумии и потому мог позволить себе небольшой отдых.

Темный туман еще стелился по земле, но уже зарождался новый день. В унылом сумраке этого колдовского места начинали пробиваться сероватые лучики восходящего светила.

Витя помнил, что сейчас он находится рядом с кладбищем, а также недалеко от дома Смертьева. Он понимал, что оставаться здесь очень опасно, нужно побыстрее убираться из этих мест. Но, с другой стороны, куда ему бежать? Кто примет такого, ставшего куклой, деревянного уродца? Быть может, мать и узнает по глазам, но нужен ли он человеческому обществу в таком виде? Мальчик подумал об остальных плененных Смертьевым, и образы превращенных в кукол детей заставили с болью сжаться его сердце. А когда он вспомнил васильково-голубые глаза Оли, то твердо решил во что бы то ни стало помочь этим детишкам.

Он уже начал размышлять, как осуществить задуманное, но вдруг некий скрежет и зловещее сопенье заставили его встрепнуться.

Оглянувшись, Витя увидел, что из чернеющего в склоне прохода опять вылезает, цепляясь гнилыми зубами за землю, облепленная ссохшейся плотью мумия.

Это чудовище так жаждало добраться до Вити, что все же сумело втиснуться в проход и проползло вслед за мальчиком. Но теперь на поверхности склона лежало только то, что осталось от мумии, — ее полуистлевший череп.

Выбравшись из прохода, он покатился прямо на деревянного мальчика. Тот обмер от ужаса, но все же успел отскочить в сторону. Но его подвела пока-



леченная ступня: деревянный человечек повалился на бок, в ужасе наблюдая за тем, как к нему стремительно приближается череп.

В каком-то жалком сантиметре от лица мальчика промелькнула пустая глазница мумии, а ее гнилые зубы шелкнули совсем рядом, намереваясь вцепиться в живую куклу. Но все же череп промахнулся и, словно мяч, влетел под ствол какого-то дерева. Застрав между его корнями, череп попытался высвободиться, чтобы продолжить погоню.

Но Витя, преодолевая страх и отвращение, допрыгал на одной ноге до дерева и кулаками принялся вбивать его глубже в арку между корней.

Но вдруг за его спиной раздался какой-то шорох.

Ухватившись рукой за корень, Витя обернулся. Оказывается, из отверстия выбрались и другие части мумии и теперь быстро подползали к нему. Не желая продолжать дальнейшую схватку, деревянный человечек поспешил укрыться в лесной чаще. Он нырнул под корни дерева и пополз по земле с быстротой жука.

А сзади раздавался отвратительный, холодный, переполненный яростью шипящий голос:

— Ты все равно не уйдешь... Людям ты не нужен... Смертьев позаботится о том, чтобы ты понес заслуженное наказание...

* * *

Витя уже и не помнил, как он выбрался из чащи.

Теперь мальчик находился почти на окраине Волчанска и с ужасом предвкушал встречу с людьми.

«...Кто же примет меня такого, если не мама? Сможет ли она узнать меня в этом обличье? Конечно-



но, я мало похож на человека, но ведь глаза у меня остались прежними...»

Наконец мальчик вошел в город. По грязным, заполненным сумраком улочкам заковылял он в сторону гостиницы. И чем ближе была его цель, тем больше становилось его волнение.

Глава VII

ТЕМНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ

Вот, наконец, и гостиница. Витя заковылял к главному входу, но вдруг остановился. Мальчик-кукла еще ничего не увидел, но почувствовал опасность и отшатнулся в сторону. Он повалился среди чахлых трав и стал смотреть.

На крыльцо вышли двое: служащий гостиницы — старик с необычайно вытянутым лицом и тонким длинным костистым носом и выточенная из черного дерева, чрезвычайно тонкая, высотой в человеческий рост кукла.

— Ты должен следить за матерью этого мальчишки, — говорила кукла неприятным скрипучим голосом. — Если она сбежит, то слуги великого Смертьева распилят тебя на части, а то, что останется, — сожгут.

— Да-да, — кивал служащий гостиницы, — конечно, буду следить за ней, не извольте беспокоиться.

Тонкая кукла развернулась и быстро стала удаляться от гостиницы. После чего и служащий зашел в свое заведение, и улица вновь стала совершенно пуста. Мальчик подождал еще несколько минут, выжидая, нет ли опасности, а потом пополз к ясеню.

Цепляясь за многочисленные неровности на его коре, мальчик стал карабкаться вверх до уровня



третьего этажа, к тем окнам, что принадлежали комнате, в которой он останавливался со своей мамой. Со стороны могло показаться, будто по дереву ползет какой-то мрачный древесный червь, а не маленький человечек. Впрочем, Витя об этом совсем не думал, хотя прекрасно себе представлял, какое отталкивающее зрелище он сейчас собой являет.

Мальчик устал, ему было очень неудобно из-за сломанной ступни. Он вновь и вновь чувствовал тупую боль, которая, поднимаясь от его ноги, жгучими волнами распространялась по всему телу. Но все же он продолжал карабкаться к нужному окну, и наконец, сумел по ветке перебраться на подоконник.

Стекло оказалось чрезвычайно запыленным, и поначалу Витя ничего не увидел в окне. Немного оттерев пыль, он попытался прилечь лицом к образовавшемуся очищенному от грязи пятачку. Вообще же длинный нос, словно торчащий сучок, очень мешал мальчику, однако ему удалось пристроить правый глаз к оконному стеклу.

И вот Витя увидел эту мрачную убогую комнатушку с многочисленными темно-желтыми потеками на потолке, а в ней и свою матушку. Она, совершенно недвижимая, мертвенно-бледная лежала на кровати, отчего Витя подумал, а жива ли она вообще? Невозможно было дольше оставаться в неведении, и Витя немного отодвинул голову назад и нанес своим длинным и острым носом удар по окну. Стекло треснуло, и на нем образовалась дырка, от которой разбежались в стороны белые трещины. Витя вновь нанес сильный удар по стеклу. На этот раз оно развалилось на части, и осколки со звоном посыпались на пол.



Витя перепрыгнул с подоконника на стоявший рядом с окном стол, но, не удержав равновесия на своей покореженной ноге, повалился вниз и с грохотом рухнул на пол.

От этого удара у мальчика потемнело в глазах, он заскрежетал деревянными зубами. Однако, взяв себя в руки, он попытался приподняться и подполз к своей матери.

— Мама, мамочка, — позвал Витя. — Это я, твой сын Витя. Ты не смотри, что я стал таким уродом. Душа у меня прежняя...

Но мальчику никто не отвечал. Мама по-прежнему лежала на кровати и не двигалась.

— Мама! — крикнул деревянный человечек громче и проковылял к кровати. — Ведь я вернулся, — шептал он. — Чем я могу тебе помочь?

Витя настолько был поглощен своими горькими чувствами, что не услышал, как под чьей-то поступью в коридоре скрипнула половица, а следом за скрипела и несмазанная ручка входной двери. Витя понял, что его появление было замечено. Уже не оставалось времени, чтобы бежать обратно к окну, поэтому мальчик бухнулся на пол и юркнул под кровать. В комнату кто-то вошел. Витя лежал в самой пыли и смотрел на черные, с высокой деревянной подошвой ботинки, которые медленно приблизились к кровати и остановились.

«А ведь я уже где-то видел эти уродливые ботинки, — с ужасом подумал Витя. — Неужели это сам Смертьев пожаловал?»

И тут раздался голос:

— Я знаю, что ты здесь. Так что — выходи.

Нет — это был не Смертьев, а всего лишь служащий гостиницы, но Витя не испытал совершенно



никакого облегчения. Ведь и этот старик с необычайно вытянутым лицом исполнял мрачную волю Смертьева.

— Зачем прятаться, если я тебя все равно найду? Выходи, — вновь раздался угрюмый голос. — Тебе нечего бояться.

«Знаю я, как нечего бояться! — подумал Витя. — Сразу сдашь меня своему господину... Ну уж нет. Дудки!»

Тут старик наклонился и заглянул под кровать, он уставился своими маленькими глазками на Витю.

— Я ведь предупреждал, что найду, — повторил служащий гостиницы.

Витя весь напрягся. Он готовился прыгнуть на мерзкого старикашку и вцепиться зубами в его длинный нос. Но служащий гостиницы понял его намерения и сказал:

— Зря ты так. Я ведь тебе добра желаю.

— Добра? — напряженно проговорил Витя. — Как вы можете говорить о добре, если сами служите Смертьеву.

Старик печально вздохнул:

— Да. Я ему действительно вынужден служить. Но делаю это не по собственной воле, а по принуждению. Так что, если уж у меня есть возможность тебе помочь, то помогу.

— Почему я должен вам верить?

— А что тебе еще остается?

— Сражаться.

— Сражаться... — печально повторил старик. — Куда уж тебе сражаться. У тебя и так одна нога на честном слове держится. Я тебя починю, а потом мы вместе подумаем, что дальше делать...



Вите хотелось поверить старику, ему надоело одиночество, он нуждался в союзнике. Поэтому он выбрался из под кровати и первым делом спросил:

— А что с моей мамой?

Служащий гостиницы ответил:

— Когда ты пропал, она подняла такой шум, что...

Служащий замолчал.

— Что? Говорите же! — закричал Витя.

— Тише... — старик приложил палец к губам. — Сюда приближается один из них.

— Но... — попытался возразить мальчик.

— А ну-ка быстро прячься.

Витя полез было обратно под кровать, но старик его остановил:

— Да нет же — не туда. Там они тебя сразу найдут...

С этими словами служащий сильно нажал на свой нос, и часть его живота вместе с одеждой незамедлительно отодвинулась в сторону, а из образовавшегося проема выдвинулся ящик.

— Как? И вы тоже кукла? — изумился Витя.

— Сейчас не время для вопросов. Немедленно полезай туда, — велел старик, и мальчишка ему подчинился.

В ящике оказалось тесно и сыро, а когда он задвинулся обратно в живот, стало еще и темно.

Раздался скрип, и Витя догадался, что это открылась дверь. Но потом послышался новый скрип, от которого мальчик едва не оглох. Оказывается, это заскрипело деревянное тело старика, так как он сгнулся перед кем-то в почтительном поклоне.

От этого поклона полые внутренности служащего тоже начали крениться, отчего Витя поехал по



полированной поверхности желудка к голове старика. Деревянный мальчишка попытался за что-нибудь ухватиться, но внутри все было так гладко, что Витя едва не вылетел через рот служителя гостиницы.

Но вот старик принял прежнее положение, и Витя кубарем слетел обратно вниз.

— Что это у тебя в желудке грохочет? — раздался голос, которого Витя боялся больше всего на свете.

— Это я с голодухи полено проглотил, а разжевать не смог, — отвечал служащий. — Зубов-то у меня давно нет. Все выпали...

— Точно ли полено? — вкрадчиво осведомился Смертьев.

— Да, конечно! А в чем дело, ваше превосходительство?

— А дело в том, что прошлой ночью от меня сбежала кукла! Этот мальчишка. Ну, ты знаешь, тот самый, мамашу которого пришлось усыпить.

— Ну надо же! — очень искренне изумился служащий гостиницы.

Половицы заскрипели под тяжелой поступью Смертьева. Судя по всему, он направился к окну.

— Этот негодяй точно здесь не появлялся? — вновь раздался злобный голос гостя.

— Совершенно точно. Я старательно за всем наблюдаю...

— Полно врать, старый хрыч. Ты же не можешь один за всей гостиницей уследить. Что здесь за дырка в стекле? Кто ее пробил? А?! Когда я заходил сюда в прошлый раз, здесь не было никакой дырки!

— Так это одна из ваших деревянных птиц спикировала. Еле из комнаты ее выдворил.

— И все же этот поганец мог пробраться сюда! — рявкнул Смертьев. — Ну-ка, помоги мне его искать!



Послышался скрежет и грохот приподнимаемой и передвигаемой мебели.

Через некоторое время раздосадованный Смертьев проворчал:

— Нет здесь никого. И все-таки, кто же у тебя так в животе грохочет?

— Так говорю же вам: бревно.

— Врешь! — прошипел Смертьев.

— Да как же так? — испуганно залепетал служащий. — Я же всегда верой и правдой служил вам.

— Этот негодный мальчишка в первую очередь должен сюда пожаловать, — пробасил Смертьев. — К своей мамаше.

— Но почему же вы мне не верите? — вздохнул служащий.

— Потому и не верю, что сам привык всех обманывать. Давай-ка раскрывай свою пасть, я посмотрю, что там у тебя в желудке.

— Но... — попытался было возразить служащий.

Однако Смертьев так на него гаркнул, что вся гостиница содрогнулась и с потолка посыпалась штукатурка:

— Немедленно!!! Или я разорву тебя в клочья!

Витя сидел в желудке служащего ни жив ни мертв и трясся от страха. Вот сверху послышался шорох и скрежет. Деревянный мальчишка задрал голову и увидел, что это раскрывается рот старика и в него просовывается лапа Смертьева. На конце большого пальца на склизком стебле висел, источая тусклое багровое свечение, глаз.

Угольно-черный зрачок, освещая внутренности желудка, стремительно вращался из стороны в сторону, но пока не видел Витю. Но еще мгновение, и его обязательно заметит.



Вдруг Витя заметил в животе старика какую-то деревяшку, потянув за которую вполне можно было отгородиться от приближающегося глаза и спрятаться в потайном отсеке желудка. Но что-то заело в этом старом механизме, и деревяшка выдвинулась только наполовину.

Витя хотел было дернуть ее посильнее, но оказалось, что багровый глаз был уже совсем близко и мог заметить любые, едва уловимые движения Вити. Тогда мальчик осторожно отполз под выдвинувшееся наполовину укрытие и замер. Но его деревянные зубы стучали так громко, что...

— Хм-м-м, неужели и в самом деле деревяшка?! — раздался приглушенный голос Смертьева, его глазастый палец уперся в выдвинутую Витей преграду.

— Хых! Говорю же, хо-хо... деревяшка...

— А что ты смеешься?! — рявкнул колдун.

— Извините, хи-хи, но мне очень щекотно, — признался служащий.

Один из пальцев Смертьева (к счастью, без глаза), проскользнул под деревяшку и остановился буквально в сантиметре от Витино лица. Еще немного — и Витя просто откусил бы его своими острыми, стучащими от страха зубами.

Но, кажется, Смертьев окончательно удостоверился, что в желудке служащего никого нет. Он вытянул руку наружу и сказал:

— Ладно. Предположим, что этот негодяй действительно до сих пор не добрался сюда. Но имей в виду, он сюда обязательно наведается.

— Да-да, конечно... — кивал служащий.

— Ну а раз так, то приготовься к встрече. Я устрою ему западню.



— О, это очень умно, — благоговейно произнес старик.

— Да. Я буду ждать его здесь. САМ! — торжественно изрек Смертьев. — Еще ни одному из моих рабов не удавалось бежать от меня, так что теперь для меня дело чести — схватить этого негодяя!

— Да, да, конечно, — лепетал служащий.

— Наверняка этот негодник попытается взобраться сюда по дереву, — продолжал Смертьев. — Тут и окно разбито. Перепрыгнет он с ветки на подоконник, с подоконника на стол — а под столом я. Только он появится, я его — цап! — и схвачу!.. Вот тогда-то я за все с ним посчитаюсь! Он у меня сам о смерти будет молить! Хы-хы-хы!!! — и Смертьев зашелся злобным хохотом.

— Хорошо. А что мне делать? — робко спросил служащий.

— А ты ступай вниз и сиди там — следи зорко. Не исключено, что этот глупый мальчишка попытается зайти внутрь гостиницы через дверь. Если такое случится — сразу хватай его и беги ко мне. Понял?

— Да. Конечно!

— Если поймаешь — награжу тебя подзатыльником и еще, может быть, парой гнилых досок для твоего пустого желудка.

— Буду стараться! — обрадовался служащий и пошел своей скрипучей поступью из комнаты.

* * *

Старик спустился по лестнице и извлек Витю из своего живота.

Мальчик увидел освещенную одинокой свечой



каморку, в которой, по-видимому, и обитал деревянный старик. Тот поставил Витю на стол и сказал:

— Ну вот, нам удалось обмануть самого Смертьева, который и сам является великим мастером лжи.

Тогда Витя произнес:

— Ну что ж — а теперь я пойду!

Он сделал нетерпеливое движение, но тут его поврежденная нога опять подвернулась, и мальчик повалился на стол, пробив его своим острым носом. Служащему пришлось потрудиться, прежде чем он высвободил Витин нос.

— Куда же ты собрался? — спросил старик.

— Пойду... — начал было говорить Витя, но понял, что на самом-то деле он не знает, куда ему идти и что ему дальше делать. Мальчик с мольбой посмотрел на старика — быть может, тот подскажет ему, что делать дальше?

Служащий улыбнулся печально и произнес:

— Прежде всего я починю твою ногу...

Он достал ящик, в котором были разложены столярные инструменты, с помощью которых служащий выправлял свое стареющее тело. И вырезав из ненужной деревяшки вполне подходящую для Вити ступню, приклеил ее обратно к ноге мальчика с помощью специального клея.

Кукольный мальчишка несколько раз пробежался по поверхности стола и воскликнул:

— Спасибо вам огромное!

— Не за что меня благодарить, лучше совет мой выслушай. Единственная наша надежда — это твоя прабабка Авдотья. Ведь именно к ней вы ехали...

— Да. Она писала, что умирает, и срочно звала нас в гости...



— И вам было известно, что она колдунья?

— Да. Доходили до нас такие слухи, но, честно говоря, я в них не верил. Теперь мое отношение ко всему этому изменилось. Здесь я, скорее, верю в призраков и демонов, чем в компьютеры и сотовые телефоны.

— Так выслушай же меня, — произнес служащий. — Помнишь, ты уже как то раз спрашивал у меня про нее...

— Да. Помню. Было дело.

— Но тогда я не мог тебе ничего ответить, потому что поблизости находился один из призрачных слуг Смертьева. А сейчас никого нет — правда, это ненадолго! Так вот: бабка твоя всегда враждовала со Смертьевым. Они всегда были заклятыми врагами. И, возможно, умирая, она передаст тебе свои колдовские силы, которые ты сможешь направить на Смертьева.

— Конечно, я направлю их на него! Но хватит ли их? Сколько Авдотья враждовала со Смертьевым, но так и не смогла его одолеть.

— Но дело в том, что ее колдовские чары, переданные из ветхого тела в молодое, возрастут многократно. И хорошо еще, что Смертьев не пронюхал про это, иначе бы он сразу уничтожил тебя как опасного соперника.

— Ну что ж. Теперь я пойду, — проговорил Витя.

— Да. Теперь ты можешь идти. Но только прошу тебя, будь осторожен. Ты — наша единственная надежда. Подумай о тех страдальцах, что заключены в уродливых кукольных телах. Если ты одержишь победу...

Витя вспомнил васильково-голубые очи своей подруги и сказал:



— Можете не сомневаться: я отдам все силы, только бы добраться до цели...

Тут старик протянул мальчику старую, ветхую карту, на которой был отмечен город Волчанск и деревушка Темнинка, в которую Вите предстояло идти, а также несколько кусков хлеба.

Затем служащий вынес мальчика на крыльцо гостиницы, осторожно поставив Витю в высокую траву.

— Удачи тебе, — шепнул он на прощание.

Глава VIII

ДОРОГА К ТЕМНИНКЕ

Деревянный мальчик довольно долго добирался до окраины города. Хотя центральные улицы Волчанска казались совершенно безжизненными, Витя старался не выходить на их мостовые, предпочитая пробираться подворотнями и темными заброшенными дворами. Когда же требовалось пересечь какое-нибудь открытое пространство, он спускался в смрадные канавы и медленно, прислушиваясь к каждому шороху, брел или полз по ним, не боясь захлебнуться в зловонной жиже.

Мальчик проползал по очередной канаве, когда сверху раздался стремительно нарастающий деревянный скрип и стенания. Витя едва успел укрыться. У канавы остановился большой деревянный пес.

Пес высунул язык и с ужасающим скрежетом принялся лакать грязную воду.

Но вот он насторожился и рывкнул, подозрительно вращая своей головой.

В воздухе повеяло сильным смрадом, к оврагу спускалась, размахивая перепончатыми, сшитыми из коричневой материи крыльями, одна из кукол



Смертьева. Из глотки этой куклы валил багровый дым, птица часто рыгала...

Деревянный пес неистово залаял на летящую куклу, а та, быстро хлопая крыльями над его головой, проскрежетала:

— Ну чего орешь?

— А то, что ты своей вонью перебил очень важный запах! — ответил пес.

— Какой еще запах?! — выкрикнула кукла.

— Здесь пахло этим сбежавшим человечешкой!

— Быть такого не может! — удивилась кукла.

— Почему?!

— Да потому что он слишком хитер, чтобы прятаться по канавам. Помяни мое слово: он давно уже покинул пределы Волчанска...

— Ты что же, хочешь сказать, что господин Смертьев зря устроил засаду на него в гостинице?! — залаял пес.

— Нет. Что ты. Смертьев никогда не ошибается. Но вот только помяни мое слово — ловок этот сбежавший. Возможно, что он и сам колдун.

— Да уж! — скрежетнул пес.

Летающая кукла продолжала:

— Ведь еще никому не удавалось сбежать от Смертьева, а он сбежал. Причем в первую же ночь! Именно поэтому великий господин придает такое значение его поимке и последующему наказанию. О, какая это будет мучительная казнь!

— Да, чтобы другим неповадно было! — рывкнул пес.

— Но даже если его сегодня не поймают, в три часа нынешней ночи все равно состоится казнь. Надеюсь, ты догадался, над кем: над его сообщницей.



Сначала ее медленно распилят на части, потом эти части раздробят, а щепки сожгут.

— Хо-хо-хо!! — захохотал пес. — Я тоже хочу поглядеть на это.

— Конечно, поглядишь! Ведь созваны все слуги великого Смертьева.

Удаляясь, скрипучий пес и летающая кукла продолжали обсуждать детали предстоящей казни, но Витя их уже не слышал. Он бежал со всех ног в деревню своей прабабки, и где-то под его деревянным затылком горели мысли: «Я должен добраться до Темнинки в кратчайшие сроки! Лишь бы завладеть магической силой Авдотьи и спасти Олю!»

* * *

Небо над Волчанском так и не прояснилось. Да и сияло ли над этими унылыми улицами хоть когда-нибудь солнце? Но теперь к всегдашнему сумраку добавилась еще и чернота.

И дело не в том, что подступила ночь, — все-таки, судя по часам, до нее оставалось еще довольно много времени. Черные, несущие ливень тучи накрыли непроницаемым покрывалом Волчанск, и, если бы не молнии, которые вспыхивали чрезвычайно часто, то вообще ничего бы не было видно...

Еще довольно долго бежал Витя по канаве, а когда достиг окраины города и выбрался из этой канавы, пошел среди шумящих, изгибающихся под потоками холодного ливня трав и чахлых, пахнущих тленом цветов.

Время от времени в свистящих завываниях ветра мерещились ему злобные голоса разыскивающих его кукол.

И вдруг прямо над самой головой послышалось



громкое хлопанье крыльев. Витя повалился на землю, с тревогой глядя в небо, пытаясь понять, кто только что пролетел — крылатая кукла или же просто какая-то птица?

Некоторое время мальчик лежал не двигаясь, не решаясь даже приподнять голову, а потом все же оторвался от земли и посмотрел: перед ним сидело какое-то крылатое чудовище с громадным клювом, совсем не похожее на деревянную куклу.

Витя вздрогнул, а намокшее чудовище издало невыносимо громкий крик: «Кар-р-р!!», который, однако ж, был тут же поглощен близким громовым раскатом. И только тогда Витя сообразил, что это была обыкновенная ворона, вот только он, уменьшившийся до размеров куклы, стал теперь одного размера с ней.

Ворона глядела на мальчика выжидающе, а когда он попытался обойти ее — загородила Вите дорогу.

И тут он заметил на шее вороны медальон, на котором в обрамлении зловещей пентаграммы было выгравировано изображение страшной-престрашной старухи.

— А ведь ты связана с моей прабабкой? — высказал вслух свою догадку Витя.

Ворона несколько раз утвердительно кивнула и еще раз оглушительно каркнула.

— Чего же ты хочешь? — спросил Витя.

Он полез в карман и достал те хлебные куски, которыми снабдил его служащий гостиницы.

— Может, тебя покормить?

И, не думая о том, что ему, быть может, самому придется голодать, Витя кинул хлеб вороне. Птица благодарно каркнула несколько раз и склевала весь хлеб без остатка.



После чего она взмахнула крыльями и взлетела навстречу клубящемуся, брызжущему частыми молниями небу.

Витя огляделся, пытаясь определить, где он находится, но понял, что это совершенно невозможно, потому что со всех сторон его окружали однообразные, вздымающиеся выше его роста травы. Мальчик находился где-то посреди поля и не представлял, куда ему идти дальше.

Не подумав, он достал карту. Однако она оказалась слишком ветхой, к тому же попавшие на нее капли дождя изрядно намочили ее и карта просто расплзлась на части.

Деревянный человечек вздохнул и побрел наобум, не разбирая дороги. Сначала он двигался совсем медленно, но постепенно прибавлял шаг и, наконец, побежал — изо всех сил, рассекая грудью сцепление мокрых трав. Мысль о том, что сегодняшней ночью казнят Олю, была для него невыносимой... Неожиданно Витя поскользнулся в одном из многочисленных, порожденных ливнем ручьев и повалился на землю. От бессилия и усталости из его глаз потекли слезы. «Ну какой же я дурак! — думал в отчаянии мальчик. — Сбил с дороги, заблудился!»

И тут раздалось карканье. Мальчик оглянулся и увидел, что на некотором отдалении от него на плече у пугала, возвышающегося над травами, сидит уже знакомая ему ворона с медальоном на шее.

Ворона каркала так часто и так настойчиво взмахивала крыльями, что Витя догадался: она его подзывала.

Разгребая своими неповоротливыми скрипучими руками мокрые травы, Витя направился к птице.

— Ты выведешь меня отсюда?! — крикнул он ей.



Ворона утвердительно кивнула, а когда Витя подошел ближе, взмахнула крыльями и, пролетев некоторое расстояние, начала кружиться над одним местом, показывая, что именно сюда должен пройти мальчишка.

Вскоре Витя пробрался к месту, на которое указывала ворона. Но она вновь перелетела и уже закружила чуть дальше. Витя поспешил туда...

Так повторялось много раз. И продолжалось так долго, что Вите стало казаться, будто ворона издевается над ним и водит его по кругу.

Он сжал свои крошечные деревянные кулаки и гневно закричал:

— Да будь ты проклята! Обманываешь меня, да?! Ворона издала сердитый крик и взвилась в небо...

Витя проковылял еще немного и тут понял, что совершенно не представляет, куда ему идти дальше.

И тогда он закричал:

— Ну прости меня! Вернись! Слышишь?! Вернись!!

Так он кричал до тех пор, пока не сорвал себе голос. И только после этого ворона изволила прилететь назад. Она прокружила несколько раз над Витиной головой, а потом указала место, куда он должен был проследовать...

* * *

И вот впереди мрачными зубцами обрисовалась граница старой чащи. Витя вспомнил, что на размокшей карте деревня Темнинка была отмечена именно посреди чащи. Там жила его прабабка Авдотья.

Мальчик, скрипя своими отсыревшими конечностями, поспешил к деревьям, но, не добежав не-



скольких метров, остановился. Он посмотрел по сторонам, но нигде не увидел своей провожатой вороны.

— Э-эй, куда ты делась-то?! — позвал мальчик. — Мне без тебя все равно не найти Темнинки!

Но тут с ветвей, пронзительно вереща и завывая, на Витю устремилась крылатая кукла.

Не успел мальчик опомниться, как крылатое чудовище уже вцепилось в него своими остро заточенными железными когтями. И, несмотря на то, что тело у Вити было деревянным — он все равно почувствовал страшную боль. Летающая кукла цепко схватила Витю и стала подниматься в небо.

Она яростно хлопала крыльями, но все-таки оторваться от земли ей было очень трудно — мальчик оказался для нее слишком тяжелым.

Откуда ни возьмись к ней подлетела колдовская ворона. В пронизанном дождевыми струями воздухе разгорелась жаркая схватка. Ворона со всего размаха накинулась на крылатую куклу и стала сбивать ее на землю. Возле самого уха слышал Витя отчаянные стенания куклы и частые, сильные удары вороньего клюва, который разрывал летающую куклу в клочья.

Воспользовавшись этой схваткой, Витя из последних сил попытался освободиться. Наконец он в который раз дернулся, одежда разорвалась, и мальчик выпал из ослабших когтей куклы. От сильнейшего удара о землю из Витиных глаз посыпались искры, но человек поднялся и на дрожащих слабых ногах поспешил в сторону чащи. Он даже боялся посмотреть назад на сражающихся птиц, но, судя по стенанию, скрежету и ударам, которые доноси-



Ворона со всего размаха накинута на крылатую куклу и стала сбивать ее на землю.



лись с неба вместе с раскатами грома, — схватка была не на жизнь, а на смерть.

Ворвавшись в лес, Витя бежал до тех пор, пока, обессилив, не упал в разбухший от ливня ручей, который показался деревянному человечку настоящей рекой. Мальчик принялся загребать руками и ногами, но сколько бы ни старался, он уже не мог прорваться к берегу. Бурлящие воды быстро несли его вниз, на дно глубокого оврага. И небо, и земля, и стволы деревьев, и мощный грязевой поток — все перемешалось в стремительной круговерти, которая не оставляла никакой надежды на спасение.

Витя очнулся от громкого рычания, а когда открыл глаза, увидел перед своим лицом клыкастую пасть. Страшные челюсти придвинулись ближе к мальчику, обхватили его за деревянное тельце и понесли.

Краем глаза Витя смотрел на чудовищного зверя, сжимающего его в своей огромной пасти, и пытался понять, куда тот его тащит.

Наконец деревья кончились и вдалеке замаячили какие-то убогие, полуразвалившиеся домишки. От времени эти мрачные строения потемнели и почти полностью вросли в землю; а густой болотный мох облепил не только их стены, но и крыши.

К этому лесному поселению вела единственная тропка, которой, судя по ее состоянию, очень редко кто пользовался. Возле крайней избы возвышался столб, в верхней части которого был закреплен череп, по виду человеческий, но с торчащими из затылка длинными, кривыми, словно у горного барана, рогами. Череп все время дергался, словно бы силился сорваться со столба, а в его пустых глазницах клубилась затаенная злоба.



А еще на столбе, раскачиваясь на скрипучей проржавелой цепи, висела доска, на которой корявыми буквами было выведено: «Темнинка».

Чудовищный зверь донес Витю до избы, которая из-за чрезмерной своей древности больше других вросла в землю, и положил у порога.

Мальчик догадался, именно здесь живет его прабабка Авдотья. Он посмотрел по сторонам и обнаружил, что возле некоторых избышек, укрывшись под навесами, сидят какие-то мрачные фигуры, лиц которых Витя не мог разглядеть потому, что они были скрыты капюшонами.

Витя повернулся к низкой двери, за которой, по-видимому, находилась прабабка Авдотья, и крикнул:

— Бабушка! Это я, Витя... Я пришел...

Но никакого ответа не последовало. Витя хотел было крикнуть еще раз, и тут дверь медленно и бесшумно раскрылась перед ним. Однако за ней по-прежнему никого не было.

Глава IX

МОЩЬ ВЕДЬМЫ

Перешагнув через порог, Витя оказался в полнейшей, совершенно непроглядной темноте. Он сделал еще несколько шагов и позвал:

— Э-эй, есть здесь кто-нибудь?.. Бабушка... вы слышите меня?

Вместо ответа в большой черной печи затрещало и взвилось синеватыми мерцающими языками пламя. И в его отсветах Витя отчетливо увидел внутреннее убранство избышки. Из изъеденных трещи-



нами стен сухими ключьями свешивалась паутина, а бесчисленные полки все были уставлены черепами.

Посреди горницы стоял стол, а по нему прохаживалась та самая ворона с медальоном на шее, которая показывала мальчику дорогу через поле.

Витя хотел заговорить с вороной, но его голос оказался таким скрипучим и не похожим на человеческий, что он его просто не узнал. Должно быть, от большого количества дождевой влаги его механизм испортился.

— Вы и есть моя прабабка Авдотья? — кое-как произнес мальчик.

Ворона остановилась и, повернув голову, установилась на Витю своим маленьким черным глазом. Деревянный человечек ожидал, что сейчас ворона вспыхнет ярким пламенем и из клубов дыма на ее месте появится морщинистая, страшная от своей древности старуха, но ничего подобного не произошло.

Ворона стала с невероятной быстротой стучать своим клювом по столу, и Витя понял, что этот стук и есть ответ птицы.

— Я не Авдотья! Я ее слуга!! — отстукивала птица.

— Так где же моя прабабка?! — нетерпеливо выкрикнул Витя.

Тут за его спиной хлопнула дверь.

Мальчик повернулся, он ждал, что увидит наконец-то вошедшую в избу прабабку, но опять никого не было. Просто закрылась дверь, причем по тому, с каким зловещим звуком она захлопнулась, Витя понял, что ее теперь ни за что не открыть.

— Авдотья умерла! — простучала ворона.



— Как умерла? — переспросил Витя, обернувшись к столу.

— Пробил ее час! — был ответ.

— Но... Неужели я опоздал!

— Нет, — отозвался вороний клюв.

— Что же мне делать, говори скорее!

— Ты должен подойти к ней и поцеловать ее в губы.

— Поцеловать в губы?! Но как?.. Ведь она погребена под землей?!

— Она лежит в гробу, который пока не закопан, — стуком ответила ворона.

— Так где же он? — беспокойно оглядывался Витя. — Его отнесли на кладбище? Где у вас кладбище?

— Нет. Гроб стоит в подвале этого дома, — простучала птица.

И слово в подтверждение этих слов пол под ногами Вити страшно задрожал, и мальчик понял, что стоит как раз над подвалом.

— Ты должен один спуститься вниз и подойти к гробу, — продолжала отстукивать птица.

— А ты?.. Разве ты не пойдешь со мной! — Вите было очень страшно.

— Нет. Остальное сделаешь сам! — ответила ворона.

После чего взмахнула крыльями и вылетела в печную трубу.

Мальчик медленно сошел с половиц, под которыми был подвал и которые все еще продолжали ходить ходуном, будто бы снизу по ним была неведомая сила, и стал смотреть, как они раскрываются.

Вот появился небольшой зазор... Вот стал доно-



ситься запах тлена... Вот повеяло смертельным холодом...

— Бабушка... Прабабушка Авдотья, это вы там? — шепотом позвал Витя.

Но ответа не последовало.

Тогда мальчик вновь повернулся к вырезанной в половицах крышке подвала, ухватился за вделанное в нее кольцо и осторожно потянул.

Раздался гул, и крышка медленно приподнялась. Деревянный человечек увидел перед собой каменные ступени, которые вели вниз. Они были очень плохо освещены, но Витя все же начал по ним спускаться. Дойдя до самого низа, мальчик осмотрелся.

Подвал оказался чрезмерно большим. Это был даже не подвал, а настоящее подземелье.

Как только мальчик сошел с последней ступеньки, над его головой раздался страшный грохот — захлопнулась крышка подвала. И, судя по тому, как она выгнулась, стало понятно: сверху на нее навалилась еще какая-то масса. Так что пути к отступлению были закрыты. Впрочем, Витя и не собирался отступать.

Все время, пока Витя спускался, у него не было сомнений в том, что за ним кто-то следит. И, хотя мальчик то и дело оглядывался, он не видел ничего, кроме рассеченных трещинами стен и сумрачной дымки, которая нависала кое-где под низкими сводами. И все же присутствие чего-то неведомого чувствовалось настолько явственно, что, если бы на Витиной голове оставались его человеческие волосы, они бы от ужаса встали дыбом.

Неожиданно возле самого Витинога уха раздался шепот. Деревянный человечек вскрикнул и резко



обернулся. Никого не было. Превозмогая страх и стараясь не обращать внимания на многочисленные шорохи и зловещие тени, мальчик осторожно пошел к гробу.

Высеченный из черного камня гроб стоял в дальней части подвала, возле самой стены. Его крышка была открыта. А внутри гроба покоилась старуха. Ее руки были скрещены на груди, и в них она сжимала большую оплывшую свечу. Ногти ведьмы были такими длинными и такими острыми, что их можно было бы использовать как режущее оружие. А ее длинный крючковатый нос был сродни нынешнему длинному носу Вити.

Чем ближе Витя подходил к гробу, тем больше усиливался запах тлена. А зловещие голоса, которые и без того доносились до мальчика со всех сторон, становились все громче и отчетливей.

Гроб стоял на довольно-таки высоком постаменте, поэтому Вите нужно было до него еще дотянуться. Мальчик вцепился своей левой рукой в один из выступающих демонических ликов и стал карабкаться... но чуть не свалился обратно вниз, неожиданно натолкнувшись на свесившийся из гроба черный коготь ведьмы.

Прабабка скорее всего хотела, чтобы мальчишка вцепился в него, и тогда бы она помогла Вите подняться, но от когтя исходило столь сильное зловоение, что мальчик отрицательно покачал головой и пробормотал:

— Нет уж... лучше я сам как-нибудь...

Наконец Вите удалось подтянуться к краю гроба и он мог увидеть старуху. Но это-то и было для него сейчас самым трудным. Посмотреть на ее страшный



истлевший лик. Однако, вспомнив прекрасные васьильковые очи Оли, мальчик сделал над собой усилие и взглянул на свою прабабку. Оказалось, что заботливые слуги «принарядили» свою госпожу, они нацепили на ее лицо восковую маску, которая изрядно успела сгнить и почти не прикрывала безобразного черепа покойницы, который выглядел так, будто старуха умерла несколько веков назад.

Губы ведьмы были покрыты красным воском, но когда Витя приблизился к ним, то воск осыпался, и мальчик увидел на их месте нечто темное, покрытое зеленоватой слизью. Витя чуть не задохнулся от сильнейшего зловония, с отвращением думая: «Неужели я должен поцеловать эту гадость? Неужели нет никакого иного пути, чтобы получить колдовскую мощь моей прабабки?!».

«Иного пути нет! Скорее — целуй ее!» — шептали за спиной мальчика многочисленные подземные призраки.

— Хорошо, сейчас, — громко сказал Витя и приблизился к губам ведьмы.

Но тут раскрылись ее прежде сомкнутые веки. А под ними — ничего! Лишь пустые глубокие глазницы, в которых, словно в бездонных колодцах, зияла чернота.

Это зрелище показалось Вите настолько жутким, что он вскрикнул и отскочил от гроба. Но, не удержавшись на ногах, покачнулся и грохнулся на пол.

Однако мальчик упал неудачно. Он свернул шею, а его голова отвалилась и покатилась по полу.

Теперь кукольное обезглавленное тело Вити стояло на полу и из него фонтаном брызгала бурая слизь.



Между тем голова откатилась к основанию гроба и остановилась.

Скосив глаза, Витя смотрел на свое безголовое тело и совершенно не представлял, как теперь он сможет закончить то дело, ради которого претерпевал столько мучений.

Но тут прабабка Авдотья пошевелилась в гробу и села. Она повернула голову и уставилась сверху вниз пустыми глазницами на своего правнука. Ее губы задвигались, а изо рта прямо на лицо Вите посыпались полусгнившие вонючие черви.

— Ах ты мой Витенька! Приехал наконец-то! — загнусавила колдунья ласково. — Но кто ж над тобой такое страшное учинил?!

Витя с трудом задвигал своими деревянными губами, на которых теперь пузырилась бурая пена, и по слогам выговорил:

— Сме-рть-ев...

По лику ведьмы прошла судорога.

— Смертьев! — гневно вскрикнула старуха.

И из ее рта на Витю высыпалась новая партия червей, да такая внушительная, что Витя подумал, если так будет продолжаться, то его голова окажется полностью погребенной под их копошащейся массой.

— Смертьев!! — еще громче закричала старуха. — Ну каков негодяй, а?! Мало того, что он мне все время досаждал, так еще и до правнука моего добрался...

Витя отплюнул червей, которые налипли ему на лицо, и кое-как выговорил:

— Бабуля, сколько сейчас времени?

— К полночи приближается, Витенька...



— Не может быть! — вскричал мальчик. — Поскорее... прошу вас... передайте мне вашу колдовскую силу...

— Да, да! Конечно! Я знала, что ты этого захочешь!! — обрадовалась ведьма. — Ты станешь темным колдуном. Моим достойным преемником!

— Пожалуйста, поскорее... — взмолился покалеченный человек.

Тогда ведьма дернулась, ее губы оторвались от черепа и упали прямо на Витю. Мальчик никак не ожидал, что прабабка «поцелует» его таким странным способом, но, тем не менее, этого оказалось вполне достаточно, чтобы передалась ее колдовская сила.

* * *

Вите показалось, будто огненные нити обьяли все его тело. Он поднялся над гробом ведьмы, и ничего в этом подземелье больше не пугало мальчика, потому что отныне и сам он внушал ужас.

Станным образом Витя видел не только все, что его окружало, но и самого себя. И выглядел он теперь, как сгусток черной материи, которая, постоянно клубясь, изменяла свои очертания, выбрасывая из своих глубин багровые нити молний. И хотя эти молнии были гораздо меньше небесных, сила их вполне могла умертвить человека.

Этот новый, чудовищный облик совсем не пугал Витю. Мальчик чувствовал в себе огромную мощь, благодаря которой он был в силах сокрушить не только Смертьева, но и саму смерть.



Глава X

И ПОСЛЕДНЯЯ

Посередине темного двора возле усеянного черепами дерева стоял, воздев свои костлявые руки к небу, Великий Смертьев.

Над его головой клубилось, выплескивая молнии, штормовое небо, но ни буря, ни частые молнии не пугали темного колдуна. В своей вытянутой к небу руке сжимал он посох, в верхнюю часть которого, где мерцал багрянцем рогатый череп, уже несколько раз ударяли молнии. Каждый из таких ударов оглушительным громом прокатывался по двору, отчего стоявшие там куклы вздрагивали.

Вот очередная молния ударила в посох Смертьева, и из-под капюшона, который скрывал его лицо, посыпались искры. Колдун захохотал, а потом взревел голосом настолько чудовищным, что даже и раскаты грома потонули в этом реве:

— Введите сюда преступницу!!

Во дворе появились две похожие на пауков куклы. К их задним лапам были приделаны цепи, к которым была прикована кукла с васильковыми глазами.

Оля шла, опустив голову, а по ее лицу катились, смешиваясь с дождем, слезы. Девочка так не хотела умирать!..

Посередине двора рядом со страшным деревом Смертьева был возведен эшафот, на котором уже разложили орудия мучительной казни.

— Глядите все вы! — обратился Смертьев к толпе своих рабов. — Вчера один из вас посмел совершить недозволенный, страшный проступок! Он сбежал!!

По рядам уродливых кукол прокатился протяжный вздох.



— Но его сообщница в наших руках, — продолжал безжалостный колдун, — и вы увидите примерную казнь, которая заставит вас содрогнуться! Так будет с каждым, кто посмеет совершить недозволенное.

— Сюда кто-то летит! — вдруг крикнула сидевшая на доме крылатая кукла.

— Что ты мелешь?! — рявкнул Смертьев. — Кто может летать в такое ненастье?!

— Не знаю, — испуганно закричала кукла. — Но он уже близко!

Крылатая деревяшка взлетела с крыши и поднялась над стеной, но тут же была сбита сильнейшим ударом налетевшей и брызжущей тонкими огненными молниями черной тучи.

Смертьев задрожал и одновременно начал разрастаться. Из глубин его тела донесся клекот:

— Это опять ты, проклятая ведьма?! Неужели ты еще не поняла, что никогда тебе со мною не совладать?!

— Ошибаешься! — загрохотала черная туча, в образе которой навис над Смертьевым Витя. — Я правнук ведьмы! А со мной тебе не стоит тягаться!! Во мне возрожденная сила!!! Конец тебе, Смертьев!!!

И молодой колдун набросился на своего заклятого врага.

Они взвились в небо и, слившись в алый метеор, рухнули на уродливое дерево. Дерево разорвалось на части, а на том месте, где оно росло, образовалась воронка.

Не прошло и минуты, как из нее, яростно хохоча, вылетел Витя.

— Я поглотил Смертьева! — закричал он, торже-



ствуя. — Вся его колдовская мощь принадлежит мне! А вы — мои рабы! На колени!!

Уродливые куклы попадали на колени, не смея пошевелиться и опасаясь навлечь гнев своего нового господина.

Витя же, преобразившись в трехметрового исполина, навис над ними, готовый раздавить их, как мерзких козявок.

О! Какое сильнейшее чувство восторга и злобы испытывал он. Мальчик был несказанно рад тому, что смог одолеть Смертьева, но еще больше он радовался тому, что сам стал новым Смертьевым. Ему нравилось то чувство превосходства и власти, которое он получил над всеми этими куклами; ему нравилось также и то, что этот дом посередине кладбища, и само кладбище, населенное призраками, и весь городок Волчанск с его жителями теперь принадлежали ему. И он был здесь полновластным господином.

— Зачем же вы собрались здесь?! — грозно, как и подобает господину, спросил новый Смертьев своих подданных.

— Чтобы казнить сообщницу преступника! — отвечали рабы.

— Так казните же ее!! — взревел Витя. — Что вы медлите?

И тогда Оля, которую уже вывели на помост, обратилась к нему:

— Витя, вспомни меня! Ведь это я, Оля!!

— Поскорее начинайте казнь! — прошипел злой колдун, не желая глядеть на приговоренную куклу.

— Просто посмотри в мои глаза! — взмолилась девочка.



— Посмотреть? — молодой Смертьев чуть не захлебнулся от ярости, пораженный такой наглостью.

Он обернулся, увидел эти васильково-голубые глаза, и...

О! Эти прекрасные, полные любви глаза! Они спасли его от вечного проклятья!!!

Глядя в них, Витя вспомнил все, и по мере того, как возвращалась к мальчику его память, из него выходили его колдовские чары. Тут же сгинула буря, умолк ветер и прекратился дождь. И с ясных небес засветили звезды.

Остатки злобной силы, уподобившись тончайшим серебристым змеям, стремительно метнулись в разные стороны из тела Вити и, покрыв тончайшим прозрачным облаком деревянных кукол, сняли с них проклятье Смертьева.

Души тех детей, что похитил за многие-многие годы злой колдун, теперь навсегда освобожденные от злобы, взмывали в бесконечные небеса и стали возвращаться к своим маленьким расколдованным телам...

Прошло совсем немного времени, и вот уже посреди двора почти никого не осталось... Только Витя и девочка с васильковыми очами стояли друг напротив друга, не в силах разнять крепко сцепленных рук.

— Почему ты не улетила с остальными? — спросил Витя.

— Потому что Смертьев похитил меня и моего младшего братца Васю совсем недавно. И мы можем вернуться назад по земле...

Тут Оля кивнула на два пролома в стене, в одном из которых Витя увидел освещенную лунным све-



том квартиру, где на кровати спал маленький мальчик.

— Васенька уже спит. Хорошо, что он обо всем навеки забыл... — промолвила Оля, глядя на своего братца.

— Ты тоже забудешь? — спросил Витя.

— Нет. Тебя я не забуду. И когда ты вернешься в Москву, мы обязательно встретимся. Ну а пока нам надо сказать друг другу: «До свидания!»

Витя шагнул ко второму пролому и увидел комнату в гостинице города, которую уже озаряло утреннее солнце.

Мальчик повернулся к Оле и сказал:

— Тогда до встречи?

— До встречи, — ответила девочка, и каждый шагнул в свой проем.

Витя действительно очутился в гостинице города Волчанска. Его мама открыла глаза и удивленно спросила:

— Ты уже проснулся? Раньше меня?!

— Да. Мама, неужели мы все-таки поедem к прабабке Авдотье?

— Что ты, Витя? Мы ведь уже съездили к ней.

— Правда?

— Ну, конечно.

— Ну и как она?

— Неужели ты ничего не помнишь? — изумилась мама.

— Наверное, это спросонья, — притворно зевнул Витя.

— Да что ты! Неужели ты забыл, как она нас вкусно кормила, как мы гуляли по березовой роще. А яблоки! Ты что, не помнишь, каких вкусных яблок она дала нам в дорогу? Целых две корзины!



— Тогда, наверное, мне все приснилось.

— О чем ты, Витя?

— Да так. Про свой сон...

— Ах да, Витя. Прабабушка Авдотья тебе еще шкатулку подарила.

— Какую шкатулку?

— Которую она велела тебе до возвращения в Москву не раскрывать. Вон она, на столе лежит.

Витя подошел к столу и увидел массивную черную шкатулку. Нетерпеливо открыв крышку, мальчик достал подарок своей прабабки. То был медальон, который носила на себе ворона... Старуха, изображенная на нем, зашевелилась и подмигнула мальчику.

СОДЕРЖАНИЕ

ДВА ПРИЗРАКА	5
КУКЛЫ ЧЕРНОГО МАГА	97

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

Дмитрий Щербинин

ДВА ПРИЗРАКА

Ответственный редактор *О. Рубис*

Редактор *О. Лифинцева*

Художественный редактор *В. Щербаков*

Художники *А. Яцкевич, Л. Рябинин*

Компьютерная обработка оформления *И. Щербаков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Л. Панина*

Корректор *С. Горшкова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12

(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.

Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.02.2005.

Формат 84×108 1/32. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 10,08.

Тираж 4100 экз. Заказ № 6326.

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

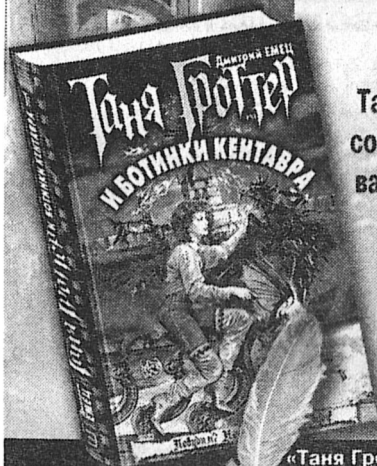
Таня Гроттер



Самый веселый автор
Дмитрий ЕМЕЦ

приглашает вас в мир приключений
юной волшебницы

Тани ГРОТТЕР!



Таня Гроттер взрослеет вместе
со своими читателями, и теперь
вас ждут новые веселые чудеса
... по-взрослому!

**ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«Таня Гроттер»:**

- «Таня Гроттер и магический контрабас»
- «Таня Гроттер и Исчезающий Этаж»
- «Таня Гроттер и Золотая Пиявка»
- «Таня Гроттер и трон Древнира»
- «Таня Гроттер и посох волхвов»
- «Таня Гроттер и молот Перуна»
- «Таня Гроттер и пенсне Ноя»
- «Таня Гроттер и ботинки кентавра»
- «Таня Гроттер и колодец Посейдона»
- «Таня Гроттер и локон Афродиты»



TM
www.eksmo.ru
www.grotter.ru



ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

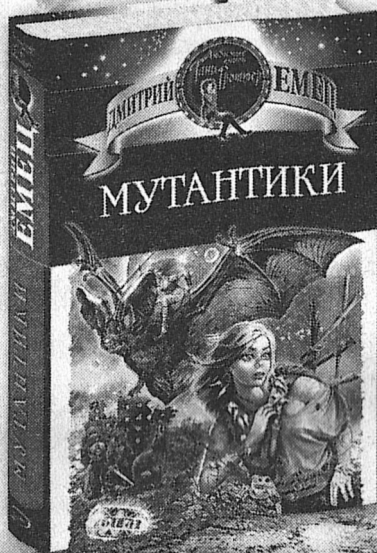
В СЕРИИ

Любимые
книжки
Тани
Гроттер

Новая серия
представляет уже знакомые
нашим читателям книжки
об удивительных приключениях
русских школьников!

Ребята спасают существ из параллельных миров
и вместе с инопланетными друзьями отправляются
в самые рискованные космические путешествия!

ЛЮБИМЫЕ КНИГИ
В НОВОМ ОФОРМЛЕНИИ!



«Королева мутантиков»
«Сокровища мутантиков»
«Инопланетянин из бутылки»
«Ягге и магия вуду»
«Город динозавров»
«Король хитрости»



www.eksmo.ru

www.grotter.ru



Всеми любимые истории

о **Тане Гроттер**

с сентября 2004 года
издаются

в новой подарочной серии



с иллюстрациями
и цветными
вклейками!

www.eksmo.ru
www.grotter.ru



Callaway Editions и издательство «Эксмо» представляют



ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ СКАЗКИ МАДОННЫ

«Английские розы»,
«Яблоки мистера Пибоди»,
«Яков и семеро разбойников» –
мировые бестселлеры певицы и писательницы,
завоевавшие популярность более чем
в ста странах мира!



ЖДИТЕ
четвертую книгу МАДОННЫ –

«Приключения АБДИ»



Никаких особых надежд не возлагал Юра на летние каникулы – они обещали быть такими же скучными, однообразными. Однако все изменилось после того, как мальчик обнаружил в лесу... жуткий камень, в котором хранилась сила дьявольского призрака. Этот призрак рвался в наш мир, а потому вселился в мальчишку – и вот уже Юрка воет, рычит, как хищный зверь, он теперь ужасен и опасен... Кто поможет ему избавиться от злого наваждения? Наверное, только одноклассница Уля, которая случайно увязалась за ним в лес. А может быть, еще и таинственная лесная колокольня, возведенная когда-то тем, кто теперь тоже стал призраком...

ISBN 5-699-09552-7



9 785699 095520 >

ЭКСМО